ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 12 МАРТ 1987

КОЛХОЗНОЕ ВЕЧЕ

МУЗЫКА ПОЛЕНЬКИ ОСЕТИНСКОЙ

Г. ЗАФЕСОВ: КАК УМИРАЮТ БАНКИРЫ

ГДЕ ПРОДАТЬ КАРТИНУ?

ФУТБОЛ: ИГРА — И ХОЗРАСЧЕТ

ДУМАЯ О ВАС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 12 (3113)

21—28 МАРТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Кинопроба. (См. в номере материал «Грузия-фильм»: успех без секретов».)

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии О. И. КОЗАК

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 02.03.87. Подписано к печати 17.03.87. А 00343. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 659. Заказ № 173.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

СХОДЯТ СНЕГА

- *Размышления по ходу собрания.*
- *Колхозная демократия — что это такое?*
- *Мой взнос в кооператив землевладельцев.*

Николай БЫКОВ, фото Игоря ГАВРИЛОВА

На тамбовской земле — сретенье, встреча зимы и лета. Дорога к Боголюбску светла от раннего солнца. В низинах державные накопления снега: вот-вот сойдут великие воды.

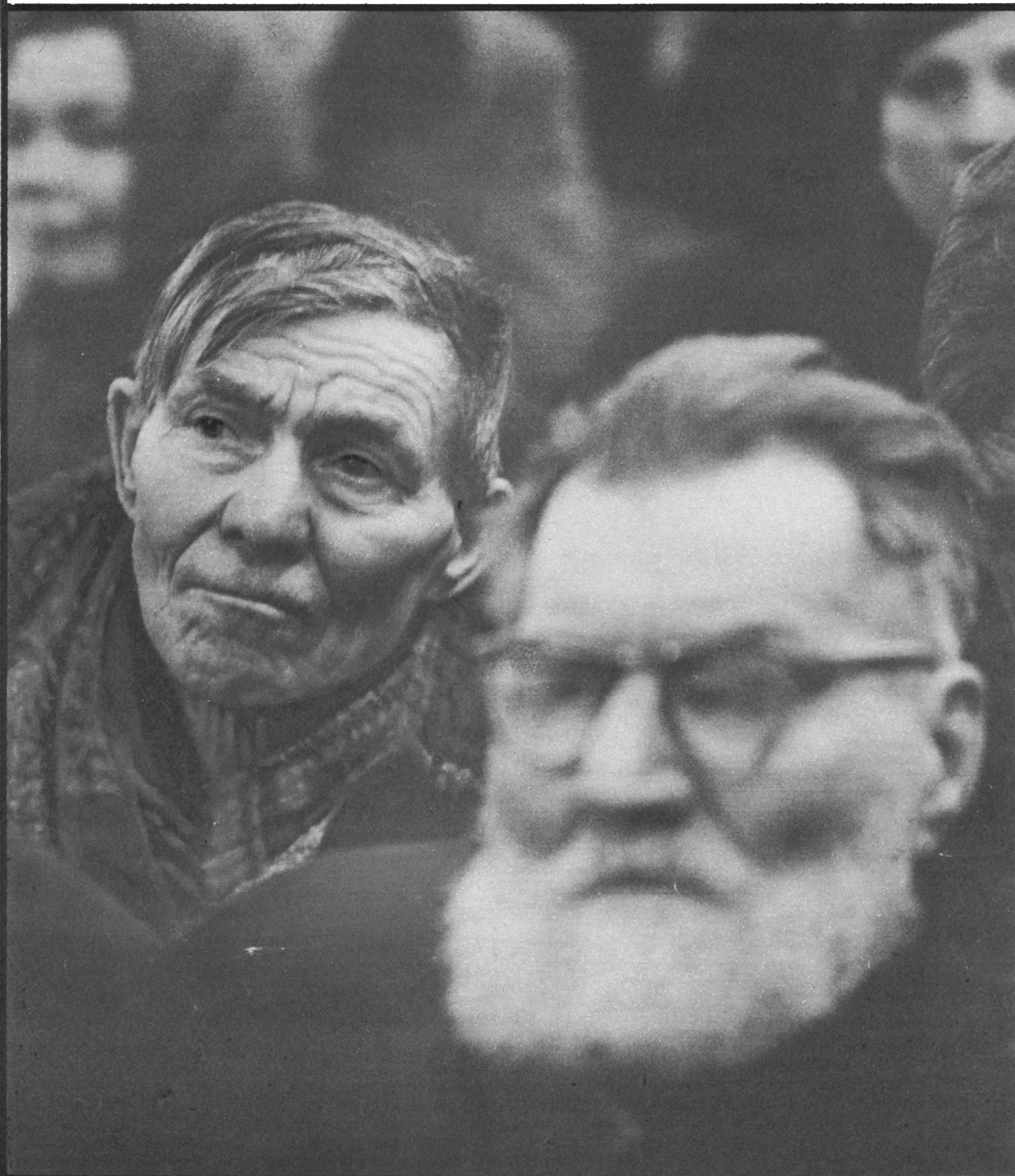
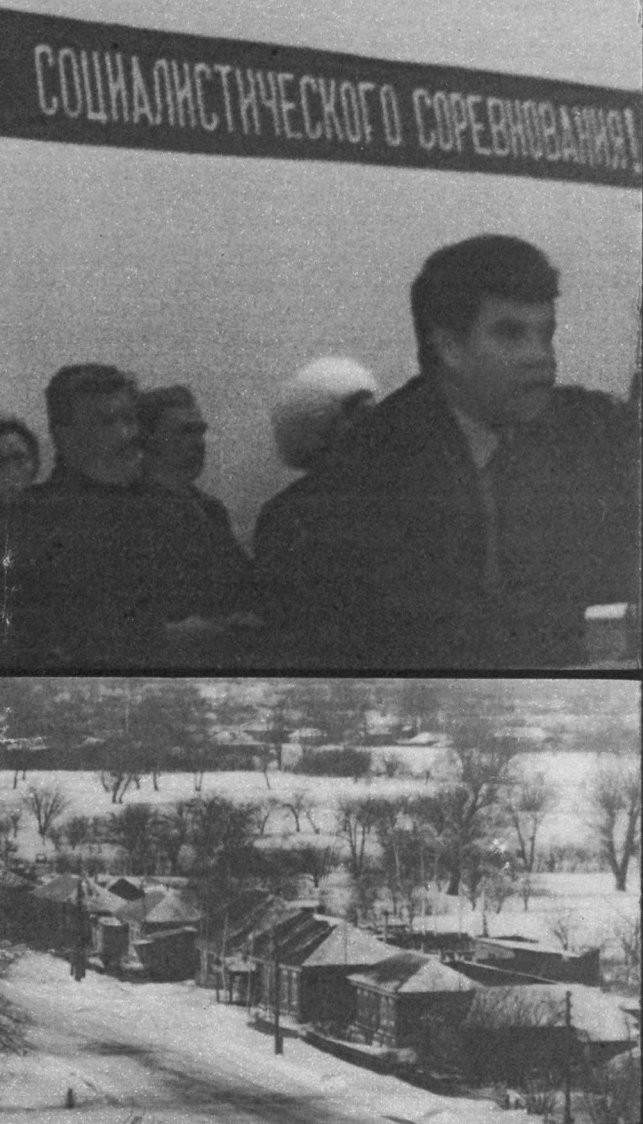
— Прислали нам человека, а у него за душой ни апатии, ни инерции, одна только ситуация. У нас в деревне таких, невесомых, своих много, которые без притяжения к земле...

Анекдоту посмеялись: понимай наоборот. Часа через полтора показалось Старо-Сеславино. Там, в колхозе «Большевик», назначено отчетное собрание. Годовое, обычное дело — правление отчитывается перед колхозниками, колхозники отчет должны всесторонне обсудить и решить: быть правлению в том же составе или не быть. Так что иногда отчетное превращается в перевыборное, поэтому шутки шутками, а напряженность ощущаешь в такой день и в конторе, и в клубе. Колхозный у с т а в дает право выбрать; именно поэтому его, колхоз, и называют демократической ячейкой общества.

Помните, что говорил Ленин на VIII съезде РКП(б): «Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире, является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего. Конечно, не выйдет никакого толку, если в деревне будут появляться скоропалительные люди, которые порхнули туда из города, приехали, покалякали, учинили несколько интеллигентских, а то и неинтеллигентских склок и, расплевавшись, разъехались. Это бывает. Вместо уважения, они вызывают насмешку, и совершенно законно».

Теоретики марксизма задолго до нашей революции сформулировали отношение к «низам». Проблемы государства и революции, революции и демократии волновали, требовали четкого понимания, вскоре решать их пришлось в огне, а в огне, как известно, брода нет. Чем заменить подлежащую уничтожению государственную машину? — вопрос вопросов. После анализа Марксом опыта Коммуны еще и полвека не прошло, а Ленин в 1917 году писал: «...теперь приходится точно раскопки производить, чтобы до сознания широких масс довести неизвращенный марксизм».

Ленин отстаивал право социалистического государства на движение, на развитие. Для него важно было выяснить и других в том убедить, как бесконечно лживо обычное представление, «будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле т о л ь к о с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии б о л ь ш и н с т в а населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни». Поразительное провидение. Сейчас за каждым из этих слов виден курс, намеченный XXVII съездом партии.

Воспряли сегодня оставшиеся жить

и работать в селе от схода снегов, наметенных в годы администрирования, управления нашим давно социалистическим сельским хозяйством с позиций силы бесконечных указаний, как жить, что сеять и вообще пахать ее, землю, или не пахать вовсе. Нет нахальнее, нет цепче сорняка все той же достопамятной «суеверной веры» в бюрократизм, в силу указующего перста, когда уполномоченный, носитель как раз «апатии и инерции», подменял здравый смысл работника на земле, давно переставшего быть крестьянином, то бишь хозяином поля и скотины. А тем не менее ветры демократизации согнали снега, вскрыли реки, ускорили сокодвижение в старых стволах невымерзших яблонь...

МОЕ И НАШЕ

Итак, колхозное собрание. Одно село. За стенами старенького, без архитектурных и прочих излишеств (фойе плюс зал) клуба — область, а именно Тамбовская область, в которой таких или примерно таких хозяйств чуть более четырехсот двадцати (колхозов — двести восемьдесят шесть). Урожайность зерновых — конечно, средняя — пятнадцать центнеров с гектара, или 8,3 центнера зерна на гектар пашни. Мало.

Меня это волнует, а колхозников? Да и знают ли они о результатах общественного труда на земле, на фермах, в мастерских, в садах? На пчельниках? В урочищах?

Умный директор совхоза в Новой Ляде В. В. Исаев сказал мне:

«На селе без чувства «мое» нельзя, прогоришь...»

Ленинское указание насчет кооперации — это гениально угаданная единственная форма сосуществования землевладельца с государством при социализме. Колхоз только сегодня получил возможность полноценно жить как кооператив. А ведь с годами, постепенно колхозник не стал отличаться от наемного работника, да и ни правление колхоза, ни даже председатель роли хозяев не играли. То было время расцвета администрирования на селе. И только теперь возникло естественное желание трудом и личными денежными вкладами участвовать в экономике р о д н о г о колхоза. Так след в след за коллективным подрядом, за семейным подрядом, за договорными отношениями со своим же колхозом пришла потребность рассматривать коллективное хозяйство на селе как кооперативное, где каждый член кооператива — хозяин, а не батрак у бригадира под присмотром.

Но в Тамбове меня остудили: не ищите разницы между колхозом и совхозом, не уловите! Жаль. Но такова реальность. Открыл первую страничку «Типового положения о районном агропромышленном объединении». Читаю: «...является... звеном в системе управления агропромышленным комплексом, осуществляет управление непосредственно подчиненными ему предприятиями и организациями, а также координирует деятельность других предприятий и организаций...» Ни тебе слова «колхоз», ни тебе слова «совхоз», сплошь «предприятия», никакой там к о о п е р а ц и и, да и слово «объединение» в этом контексте не объединение, а звено в системе, орган управления в районе. Стало быть, учреждение? Да, так и записано, вполне типово: «Объединение в соответствии... осуществляет государственное руководство колхозами...» Плоды руководства колхозами налицо. Объединение и тут звучит как орган управления, а не как о б ъ е д и н е н и е всех интересов и средств для лучшей жизни в районе.

У председателя правления Анатолия Егоровича Зацепина это пятнадцатый отчет (в «Большевике» — пятый). Перевалило за сорок лет, образование агрономическое, наград никаких (самый памятный день в жизни тот, когда бюро райкома партии сразу сняло восемь (!) выговоров). Твердый и тертый человек, от земли, никаких иллюзий. Перед собранием во рту пересыхало, подскочило давление; был внимателен ко мне, но рассеян.

— Волнуетесь?

— Нет. Высок перепад атмосферного давления. На дворе — весна. Тепло нежданно навалилось, берегись половодья...

В самом начале доклада председатель Анатолий Егорович провозгласил, что сегодня уважаемому токарю и вообще мастеру на все руки, преданному активисту Владимиру Максимовичу Серкову исполняется шестьдесят лет. И правление колхоза «Большевик» ходатайствует перед общим собранием членов присвоить ему высокое звание «Заслуженный колхозник».

В селе, как нигде, самые обычные дни на глазах складываются в строки истории с тысячью комментариев, потому что все люди и все их поступки тут на памяти всех. Серков был всегда, сколько люди помнят колхоз. Он первый не побоялся работы с железом, металлом, со станком — без него ни вспахать, ни сжать, ни обмолотить...

ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ

В докладе с болью еще и еще раз говорилось о том, что всем здесь известно: когда-то, лет тридцать назад, в селе проживали двенадцать тысяч душ, а нынче раз в пять меньше... Трудоспособных чуть больше четырехсот, а земли меньше не стало.

Благодаря решению партии и пра-

вительства год закончили с прибылью, сказалось повышение цен за продукцию. Годовые задания и по зерну, и по картофелю перевыполнили. Задания по мясу и по молоку тоже перевыполнили. Колхоз все подписанные договора выполнил, а безобманные отношения дорогого стоят! Население помогло колхозу с молоком, продало более тысячи шестисот центнеров. Со своей стороны, колхоз поступил сознательно и продал нынче колхозникам сена, чего давно не помнят. И с этим принципом взаимной услуги связано то, что колхоз вспахал все пары и всю зябь! А растениеводство в отчетном году дало шестьдесят шесть процентов рентабельности. И такого никто не помнит. Два звена на подряде — Жабина и Порошина — вырастили в е с ь картофель, у них производительность по сравнению с недавним прошлым выросла сразу в два с половиной раза. А инженеры помогли три четверти картофеля убрать комбайнами. И впервые не осталась картошка под снегом... Чудеса на плантации подсолнечника творил и творит Алексей Иванович Бредихин, он один в поле воин, вырастил нынче подсолнечник без ручной помощи и дал небывалую прибыль — более ста сорока тысяч рублей.

Зал восхищенно загудел. Голоса: «Бредихин, требуй Героя!.. Поделись, Алексей Иванович, прибылью!.. Он ее сам не видел... Делиться надо опытом!»

Председательствующий, главный экономист Иван Федорович Попов, навел порядок: поднялся, улыбнулся знакомо — и воцарилась тишина. Его любят.

Зал вслушивался: озимая пшеница по индустриальной технологии дала почти сорок центнеров на круг, а ее средняя урожайность на первом отделении — 26,5 центнера, а в среднем по колхозу меньше двадцати четырех... Лето выдалось на редкость сухое, но без хлеба не остались, а разница в урожайности кричит об упущениях. Все слушают анализ правления: кто, где, когда потерял зерно? Раньше не волновало, кто и почему впереди, а теперь как-то не по себе: одни стали работать, а другие все еще не поняли, какое время.

Много молока продали первосортным — это благо, и четыре тысячи рублей правление отдает дояркам как заслуженную премию. Но факты печальные такие: удой постыдный, ниже, чем в предыдущей пятилетке, и не только корма виноваты... Нет до сих пор охлаждения молока, а это убытки. Нетелей, проданных колхозом, в иных местах уже через год-два выбраковывают — так велик брак после коровьего брака. Продают же их как классных...

Шумят в зале — то ли одобрительно, то ли нарастает волна встречных претензий?

— Может, вам кинуть туда микрофон?

— Давай, мы скажем!..

Муху было бы слышно, когда докладчик заговорил о заработках. Ахнули: среднемесячный заработок у механизатора на подряде Гусева — 388 рублей. Каждый механизатор на подряде зарабатывал за день почти по тринадцать рублей. И это только начало, потому что придавила засуха и не все еще отработано в системе агросервиса. Всем, кто был на коллективном подряде, правление отдает четверть сверхплановой продукции.

— Рублями?

— Нет, товарищи, натурой.

Аплодисменты.

И еще похлопали, когда объявил Анатолий Егорович, что первому отделению начислили триста центнеров зерна бесплатного. Зал на одном выдохе вычислил: центнеров по семь на человека!.. Я подивился этому коллективному компьютеру — живому. Ах как много упущено страной в годы, когда с ним, живым, не считались!.. Зал в колхозном клубе — модель того самого народа, о котором столь давно и много пекутся политики и публицисты. Зал, набитый до отказа колхозниками, независим в суждениях, кто бы ни сидел на сцене. Он то безмолвствовал, то крякал — тоже суждение, то взрывался смехом или безразлично гудел: попробуй улови, почему?.. Да, иногда жизнь в селе была затяжно такая, что слабый уходил в стан тех, кто с ложкой; но хоть один «с сошкой» оставался, был верен земле. С сошкой навсегда остались в селе Алексей Бредихин, Владимир Серков, Владимир Жабин, Николай Гусев (сорок лет за баранкой), Мария Шипилова, Валентина Моисеева, Мария Бредихина, Николай Козлов, Гусев, но теперь Владимир, и еще Шипилов, и еще одна Жабина... В Старо-Сеславине много однофамильцев — на плитах скромненького памятника не вернувшимся с войны и в поле, на фермах. Их, таких, беречь надо, лелеять, их все меньше, помнящих о связи человека с полем.

Ноль внимания к дебатам в зале!

Говорили о том, что наболело. А молчали те, кто молчал и раньше, кому безразлична судьба села. Но только общий интерес — залог здоровой экономики.

ПРЕНИЯ

Между Госпланом с облпланом и полями, которые здесь — каждое — имеют имена собственные, дистанция огромного размера. И не километрами она измеряется. «Журавлев пчельник», «Дальний Крутой», «Медвежье» или «Гришино урочище»... Тайна за семью печатями для приезжих. А для Бредихиных — Жабиных — Шипиловых эти поля — родина.

Как много нового в лексиконе выступающих: «индустриальная технология», «коллективный подряд», «чековая книжка», «станочный парк», «хозрасчет»...

— Какой же это хозрасчет, если правление за наш счет справляет свою нужду? — На темпераментный вопрос бригадира животноводческого комплекса Марии Ивановны Шипиловой зал отозвался хохотом, а выступающая объяснила: — Чековая книжка нам очень помогла, во всем теперь экономия. Только один перерасход, по текущему ремонту. Почему? Да потому что старорежимные умники нам, животноводам, приписали работу на восемь тысяч рублей за то, что дорожная бригада развезла всем известные кучи щебня по полотну!.. Где буксовали, там теперь нет колдобин, зато свалили на животноводов восемь тысяч... Я считаю, правление колхоза нарушило договор!

— Пусть платит неустойку!

— Так их, Марья! Требуй в тройном!..

— А почему привесы меньше? Правление кормов не обеспечило в договорном объеме. Но пастухи наши по-доброму серьезные и сегодня здесь молчат о недоплате...

«Животноводство — зеркало хозяйства» — афоризм главного экономиста Ивана Федоровича Попова. Так что кормодобывание — главное в стратегии, и летние лагеря для скотины — главное на этот год в тактике. Шесть лет комплексу, а до сих пор не довели до ума. Молчали члены правления, когда с трибуны их спрашивали, когда же свиноферму построят? Пока только полы перестелили в старой — вот и вся модная нынче реконструкция.

Голоса зала:

— К нам семинар не пустили, потому что краснеть за комплекс пришлось бы.

— Мудрый наш учитель тут, завуч Иван Иванович, призывает детей наших привлекать к уходу за скотом, а если они там потонут?

— Сам дорогой председатель на комплекс ездит на «Кировце».

— Зато не краснеем за детский сад! Его нет в колхозе.

— Как нет? Я давеча заглянула в садик, там деток по трое на раскладушечке...

— Дайте уголь! Старушек сколько одиноких по избам, а топиться им нечем... Пятьдесят четыре души одинокой! Хоть бы Иван Иванович школьников надоумил обойти их...

— Напилите тёса! Как для чего? Для гробов! Не смейтесь, я не себе, о вас думаю! Гроб — дело житейское, а заботы нет...

— Село любим, а репьи торчат выше крыш!..

— Двадцать садов брошенных, пустующих... Стыдно! А ведь яблони живые. Как сироты...

— Дайте жилье Нелле Владимировне!

Нелла Владимировна Клычникова — баянист, она тут же, играла «туш», когда кого-нибудь величали за успехи в труде. А живет где-то у черта на куличках, и потому никакой почти работы в клубе.

На трибуне молодой человек, настроенный яростно:

— Вот тут призывали молодежь к активности! Любите, мол, село! За что? Уезжают, да! Почему? Я отвечу. Я окончил институт на вашу стипендию, я вернулся, потому что я ваш должник. А других не удержите! Экономические условия хуже тех, которые по телевизору каждый вечер видим. Духовной пищи тут никакой. Ни хора, ни оркестра, ни кружков. Одна работа, и ничего для души, для настроения и досуга. Разве это клуб? Понятно, когда-то и такого не было. Но важно другое, чтобы, кроме стен, было человеческое тепло, художественное содержание, а у вас никаких мероприятий. Наше село стареет, а почему вы не оставляете наследников своему колхозу — детей и внуков? Потому что вы хотите, чтобы дети и внуки жили лучше, чем вы. Правильно?

— Правильно! — Володю Ершова помнят, его бабушка вырастила, а теперь он будет агрономом.

— Да мы с вами самое большое село в округе! Но не самое красивое, не самое благоустроенное. И не самое богатое!

— Ну, это еще посчитать надо!..

Реплика из зала с намеком, ясным для всех. В селе Старо-Сеславине исстари занимаются выращиванием р а н н е г о картофеля. Усадебная невеликая земля дает огромные прибыли. В иных тамбовских местах традиционны махорка, лук, яблоки, а тут — ранний картофель. Что ни двор — хозяин ас, мастер высшего агропилотажа. Но традиция ни рубля не дает в колхозную кассу. Глупо, но традиционна и борьба с «частными» картофелеводами.

ДЕЛУ ТОРМОЗ

Все, конечно, были рады сообщению, что прибыль перевалила за миллион рублей. Но не хлопали. Я недоумевал — миллионеры! Где же веселые глаза? Где уверенная поступь хозяев? Оказалось, что прибыль связана не только с хорошей работой лучших, но и с государственной надбавкой к закупочным ценам (плюс 952 тысячи рублей). Но главная печаль оттого, что банк, узнав о прибыли, тут же забрал ее. Как так? По какому праву? Дело в том, что колхоз как раз должен был государству столько, а может, больше... Банк поступил противозаконно, потому что партия и правительство, решившись на повышение цен за колхозную продукцию, предусмотрели заранее возможные конфликты на местах и отодвинули срок возврата ссуд. Это было оговорено. Но давно известно, что иным работникам банка любой указ не

указ, они никак не способны гибко реагировать на природу естественного развития, потому функциям финансово-кредитного учреждения предпочитают функции контролера, стоящего-де на страже интересов государства. На дворе другое «тысячелетие», всемерно все мы стараемся объединить интересы работающего в поле и на ферме с интересами государства; но банк и «ныне там» — там, где блюдут, а не живут сообразно жизни. Вот почему общее годовое собрание колхозников обязало правление колхоза обратиться к руководству страны, в ЦК КПСС за разъяснением прав колхоза как самостоятельной хозяйственной организации перед самоуправством районного отделения банка. Колхоз — это прежде всего автономия в хозяйственной деятельности, не надо путать с госхозами. В районе создано РАПО, но и объединенная теперь экономическая сила никак не пересилит волюнтаризм банковских служащих. Куда же податься бедному крестьянину, получившему впервые в жизни 1 (один) миллион рублей? Миллион этот не в кубышке, а в госбанке; но банк слизнул, как корова языком, семьсот тысяч. Даже этого собрания не дождался. А ведь с самими финансистами поступили по-современному, по-человечески: «В связи с этим (отсрочкой задолженности.— **Н. Б.**) уменьшить соответственно Госбанку СССР план прибыли на 1986 год». Так они, переждав новогодие, забрали свое и не свое в наступившем 1987 году. Вот почему колхозники отослали в Москву коллективный вопрос по ходу жизни: можно ли не считаться с Уставом колхоза?

ВЕСНА ЗАВТРА

О планах сказал председатель Анатолий Егорович:

— Планируем оплату труда на текущий год в размере одного миллиона тринадцати тысяч. Договора продолжим. И, товарищи колхозники, знайте: если урожайность, вообще продуктивность превысят задания, мы расценки резать не будем. Не будем! Такого, товарищи, больше не будет! Все отдадим — до копейки, до зерна!.. И семьдесят процентов сэкономленных средств отдадим вам! На единый подряд! Да еще пятую часть отоварим натурой!..

Я ждал — отзовется зал громом аплодисментов, переходящих в овацию, а встретили товарищи колхозники взволнованное заверение руководства с достоинством, как должное: договор подписывают д в е стороны. Вполне равные теперь в своих правах: заказчик, подрядчик, организатор работ, с одной стороны, и исполнитель, мастер своего дела, звено или бригада, взявшая коллективный подряд,— с другой.

Доверие — вот главное впечатление от собрания в Старо-Сеславине. Председатель, члены правления не пытались отделаться общими словами, тем более обещаниями. И зал это оценил, шибко не критиковал, подбодрил. Но дал понять, что малейшие намерения и поступки, вся линия поведения руководства селу доподлинно известны. Очевидны. И никогда больше селяне не позволят играть в «демократию». Работать — так работать вместе. Самостоянье — пушкинское слово — вот что такое жизнь не в долг.

Уезжая, я поздравил Анатолия Егоровича с совершеннолетием — с марта пошел восемнадцатый год, как он председательствует. Но в селе год прожить — не поле перейти. Да и поле перейти нелегко. Сведя концы с концами на старте пятилетки, постановили жить дальше.

СОБЫТИЕ НЕДЕЛИ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПРИЗЫВАЕТ ВСЕХ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПРОНИКНУТЬСЯ СОЗНАНИЕМ И ЧУВСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА БУДУЩИЙ ОБЛИК СТРАНЫ, ЗА СУДЬБЫ СОЦИАЛИЗМА. Величественна картина достигнутого после Октября, за десятилетия социалистического строительства. Но время бросает нам новый вызов. В изменившихся условиях, как было подчеркнуто на январском Пленуме ЦК, наше общество вновь проверяется на динамизм, на способность быстро подниматься по ступеням прогресса.

Наша экономика испытывается на эффективность, на восприимчивость к передовым технологиям, на умение выдавать первоклассную продукцию, выдерживать любую конкуренцию на мировых рынках. Наша мораль, весь наш образ жизни испытываются на способность неуклонно развивать и обогащать ценности социалистической демократии, социальной справедливости и гуманизма. Наша внешняя политика — на твердость и последовательность в защите мира, на гибкость и выдержку в условиях раздуваемой империализмом лихорадочной гонки вооружений, нагнетаемой им международной напряженности.

Из Обращения Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «К советскому народу»

В Москве завершил работу VI съезд Союза журналистов СССР, представляющий самую массовую — восьмидесятипятитысячную творческую организацию. Отдать все силы борьбе за перестройку советского общества на путях, определенных XXVII съездом КПСС,— долг и почетная обязанность работников средств массовой информации.

На первом пленуме правления Союза журналистов СССР председателем правления союза избран главный редактор газеты «Правда» В. Г. Афанасьев.

Фото Алексея ГОСТЕВА

1917 • 1987

С каждым годом становится все меньше и меньше людей, которым посчастливилось видеть Ленина, слышать Ленина, фотографироваться с ним. Их воспоминания — бесценны.

В ОКТЯБРЕ ВОСЕМНАДЦАТОГО

Вот уже много лет я собираю материалы о курсантах Военной школы имени ВЦИК. Эта школа едва ли не первое советское военное учебное заведение. Она размещалась в Кремле. Ее воспитанникам довелось охранять кабинет и квартиру В. И. Ленина. Они избирали Владимира Ильича своим почетным курсантом.

...Недавно я побывал в одном из московских домов, где до последнего времени жил бывший кремлевский курсант Василий Георгиевич Введенский.

Его жена, Берта Давыдовна, рассказала мне много интересного о своем муже. Я обратил внимание на групповую фотографию. В центре В. И. Ленин. Рядом Я. М. Свердлов. Остальные — незнакомые молодые лица.

— И давно у вас этот снимок?

— Я его храню уже почти семьдесят лет как самую дорогую реликвию.

— А вы не скажете, кто запечатлен вместе с Лениным?

— Вот это Лидия Александровна Фотиева — секретарь Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны и одновременно личный секретарь Владимира Ильича. Рядом Мария Аристарховна Авилова... Анна Сергеевна Аллилуева. А в нижнем ряду справа — молодой человек в кожанке — шофер В. И. Ленина Степан Казимирович Гиль. Но вас, наверное, интересует, как я попала в Кремль?.. По рекомендации одной старой большевички — моей землячки — латышки, которая хорошо меня знала. До революции я была рабочей на военном заводе в Питере. В семнадцатом принимала участие в рабочих демонстрациях на Невском, ходила с красным бантом, пела «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянку». Несла плакаты с большевистскими лозунгами.

В апреле восемнадцатого года управляющий делами Совнаркома Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич пригласил меня в Кремль. До сих пор удостоверение храню, что мне разрешен переезд из Питера в Москву. Подписал документ Бонч-Бруевич. Так я стала работать в аппарате ВЦИК.

— А где вы жили? — полюбопытствовал я.

— В Вознесенском монастыре в Кремле, в небольшой комнатке вместе с двумя девушками-латышками Марией Кунцит и Мильдой Циновской. Раньше в этой комнатке жили монашки, а в восемнадцатом поселились мы, советские служащие.

— Берта Давыдовна, расскажите, пожалуйста, об истории фотографии.

— После злодейского покушения на Ильича сотрудники ВЦИК и Совнаркома очень волновались за его здоровье. Вскоре мы узнали: самые трудные дни позади, жизнь Ильича спасена.

Как только самочувствие Ленина улучшилось, он принялся за работу: читал газеты, журналы, писал, принимал посетителей. А 16 октября он вместе с В. Д. Бонч-Бруевичем совершил прогулку во дворе Кремля. Кто-то подал мысль попросить Ильича сфотографироваться с нами. Хорошо помню, как Лидия Александровна Фотиева сказала: «Берта, завтра оденься получше. Будем фотографироваться с Лениным».

Я надела свой самый лучший наряд — матроску. Ее подарил мой друг, балтийский моряк. Звали его Саша. А фамилия в духе времени — Комиссаров. Такую фамилию разве забудешь?

В зале, где мы собрались фотографироваться, было холодно, помещение не отапливалось. Вскоре пришел Ленин со Свердловым. Вид у Ильича был бодрый, энергичный. Потом появился фотограф Петр Оцуп. Он принес громоздкий фотоаппарат, установил его на штатив, поднял руку. Стало тихо-тихо. Вспыхнул яркий свет, щелкнул аппарат. Дня через два Фотиева подарила мне эту фотографию.

— А вы еще встречались с Лениным?

— Не раз. Бывало, иду по Кремлю — навстречу Ленин. Я видела, слышала Владимира Ильича на съездах Советов в Большом театре, в Колонном зале Дома Союзов.

Однажды я вышла из нашей комнатки прогуляться. Смотрю, у здания ВЦИК на скамеечке — Ильич. Сидит один. Вид задумчивый, сосредоточенный. Я поздоровалась. Он привстал, тепло улыбнулся: «Поздновато гуляете, барышня!» Я покраснела, извинилась. Было около полуночи.

Мне довелось работать с Лениным и на субботнике в Кремле 1 мая 1920 года. Я видела, как Ильич носил бревна с кремлевскими курсантами. И мы, девушки, не сидели сложа руки. На территории Кремля были кучи мусора, хлам, сор. Я с подругами убирала, подметала.

В Кремле я работала восемь лет. Позднее трудилась на московской фабрике «Новая заря».

Ну и еще. В Кремле я встретилась с одним курсантом, вы, наверно, догадываетесь. Это Василий Введенский. С ним я связала свою судьбу, мы поженились.

* * *

Из квартиры Берты Давыдовны я пошел прямиком в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Торопился сообщить: найден редкий подлинный ленинский фотодокумент. Замечу, что в портретной документалистике Ленинского фонда насчитывается примерно четыреста фотографий. Все они — свидетельства жизни и деятельности вождя.

Юлий ПЕСИКОВ

● **В. И. Ленин и Я. М. Свердлов среди сотрудников ВЦИК и Совнаркома. Октябрь 1918 г. В матроске — Берта Грундул.**

● **Б. Д. Грундул. Москва, февраль 1987 г. Фото Сергея Петрухина.**

Борис РЯЗАНЦЕВ

В ДВЕ СМЕНЫ... НА НАРОДНЫЕ ДЕНЬГИ

Корить себя при взгляде на этот снимок должны многие, чьими делами Поклонная теряла свою святую высоту...

Впрочем, что толку было порицать происходящее. Ведь единственный архитектурный проект памятника Победы был утвержден в свое время вопреки существующим в стране правилам и положениям на самом, даже на самом-самом верху.

Какими оказались его достоинства, свидетельствует активный протест художественной общественности, о чем «Огонек» сообщал в № 6. После этой публикации редакция получила много откликов. Вот что пишет в одном из них архитектор О. Чумакова:

«Это первая публикация, объективно и принципиально осветившая неприглядную суть дела. Все предыдущие заметки, подборки отзывов и прочие материалы грешили полуправдой — вроде бы и гласность соблюдена, и всенародное обсуждение проходит, и конкурс справедливый, и виноватых в этой ситуации искать не надо. Создавалось впечатление, что и пресса, и люди, выпустившие в свет программу конкурса, были подвержены какому-то гипнотическому внушению, мороке, мешающим трезво оценить происходящее. На наших глазах была успешно проведена операция, вуалирующая скандальный провал авторской группы памятника. В связи с происходящим не дает мне покоя один вопрос: как случилось, что архитекторы, люди высокой культуры и прогрессивных взглядов, оказались в рядах непротивленцев, молча наблюдающих за происходящим, бурно негодующих в своих кругах, но не протестующих официально? Промолчали и многие академики, народные, заслуженные и т. д. Что это — неверие в возможность объективного решения проблемы или боязнь нарушить хрупкое равновесие в отношениях между собой, позволяющее сохранить элитарный статус?..»

К этому времени трехсменный режим на Поклонной сменился на двухсменный. Поутихли и речи о том, что уходят, мол, ветераны, которые должны при жизни обязательно увидеть Мемориал. Но все еще сохранялась двадцатипятипроцентная надбавка строителям за особо важный объект. И все еще катится как бы по инерции на наших глазах бессмысленная в нынешнем виде стройка.

Что ж, неужели так и не научимся извлекать уроки из прошлого опыта? На нашей совести остается храм Христа Спасителя — памятник воинам Отечественной войны 1812 года, поставленный на народные деньги. Вместо него мы теперь имеем «шедевр» сантехники — бассейн «Москва», который подмочил нашу репутацию хранителей отечественной истории и буквально — Музей изобразительных искусств имени Пушкина.

Быть может, не на чем учиться? И величие подвига всегда следует выражать исполинскими габаритами? Отнюдь. На площади Ильинских ворот в Москве есть еще один воинский памятник, сооруженный в честь гренадеров, павших под Плевной. Он совсем небольшой по размерам, но совершенно не теряется среди многоэтажных корпусов. Напротив, они служат ему обрамлением. Памятник невелик и прост, но мимо него не пройдешь. Вот этого-то и не хватало проектам, представленным на прошедшем конкурсе,— простоты, от которой таланту шаг до гениальности.

Впрочем, как говорилось в предыдущей публикации, к несовершенной архитектуре невозможно придумать скульптурный уникум. И потому, быть может, самые наши талантливые зодчие и ваятели просто не стали участвовать в конкурсе? Но возможны и иные, глубинные причины. В революционной ситуации не все успевают за переменами, за временем, диктующим необходимость перестроиться. Но многим, не протестующим даже, требуется настроиться на перестройку. Поскольку заедает неповоротливость инертного мышления и привычный уклад.

Между тем Москва полна слухов о прекращении строительства на Поклонной. Слухи явно преувеличены. Работы все-таки продолжаются. Не столь активно, как прежде, но идут. В две смены.

— Мы обязаны выполнять государственный план,— объяснил заместитель начальника управления по строительству памятника Победы Главмоспромстроя Е. Г. Фридман.— И прекратить работу можем лишь после соответствующего распоряжения. Кстати, нам и самим надоела неопределенность, неясность, вызванная неудавшимся конкурсом. Мы были вынуждены перевести значительную часть рабочих на другие объекты и обратились с письмом в руководящие органы с просьбой уменьшить план. Пока нам предстоит освоить в нынешнем году 22 миллиона рублей. Сейчас непосредственно на объекте уже освоено более двадцати пяти миллионов (из сорока четырех, уже затраченных на воплощение Мемориала. О них говорил на пресс-конференции президент Академии художеств СССР Б. С. Угаров.— Б. Р.).

— Мрачноватое сооружение,— глядя на здание галереи, признался Владимир Ануфриев, бригадир монтажников из треста «Стальмонтаж», которые начали поднимать купол музея позади аркады, изображенной на снимке.

— А если разобрать придется?

— Как свой труд рушить... Может, как-нибудь на месте использовать?

— Но из-за места и горит сыр-бор. Люди требуют восстановить гору.

— Тогда не знаю...

Бригада Ануфриева стояла посреди гигантского барабана, на который должен лечь купол весом 830 тонн, и откровенно недоумевала: как же так? Неужели все прахом?

Совершенно не исключено, что рабочие думали и о миллионах народных рублей, потраченных впустую на их строительной площадке.

Эта мысль естественно приходит всем, кто задумывается о памятнике на Поклонной. Вот что читаем мы в письме пенсионерки Е. Петровой из Одессы:

«Я ушла на войну в 1941 году... Возмущена архитекторами, которые выбросили на ветер народные деньги. Ведь участники войны посылали их на строительство, отрывая от себя. Следует привлечь виновных в трате более 40 миллионов к уголовной ответственности, чтобы впредь другие думали; наказать работников Министерства культуры СССР, кто непосредственно должен был контролировать и отвечать за то, что делается; восстановить гору Поклонную, как это предлагают. Я за это тем более, что участвовала в боях за Москву...»

Между тем в новом разговоре Е. Г. Фридман сообщил, что никаких распоряжений относительно прекращения строительства не поступало. Единственное, что посоветовали Евсею Григорьевичу,— это подготовить предложения по консервации. Но прежде, сказал Фридман, требуется довести «до ума» некоторые сооружения. Скажем, уже готовы к установке металлоконструкции для купола музея. Он нужен хотя бы для того, чтобы накрыть построенное. А на консервацию, в зависимости от сроков, потребуется несколько миллионов рублей. Тех самых, народных.

— Ситуация напоминает крыловскую басню про кота Ваську,— услышал я от народного художника СССР В. Е. Цигаля.— Общественность возражает, строители продолжают работать. Жюри единодушно пришло к выводу — прежний проект не отражает величия подвига советского народа. Не сочетается с Великой Победой неоригинальная аркада и золотой купол. И не соответствует проект современным архитектурным представлениям. Все в проекте вторично и известно по другим сооружениям. Для единственного и неповторимого памятника такое неприемлемо. Значит, необходим новый, принципиально иной конкурс.

— Не может быть и речи о продолжении строительства,— добавил писатель Борис Васильев.— Необходимо самое широкое, всенародное обсуждение проекта. Мы на пороге двадцать первого века, но Мемориал останется и более далеким потомкам. И создавая его, нужно вложить в это безусловно неповторимое произведение всю душу творца. Здесь нужен истинный талант. Что же касается затрат, то, увы, бывало, теряли и больше...

Да, конечно, не к лицу нам экономить на памяти. Было бы на что тратить. Даже несмотря на открытый пока вопрос: должен ли кто-то понести ответственность за неоправданный расход сорока четырех миллионов народных рублей?

Однако сегодня главнее новый проект. Решение, достойное высоты нашей памяти, вершины подлинного искусства и вершины восстановленной Поклонной горы. Что же до будущего конкурса, то он, безусловно, должен проходить в два тура. И сначала необходимо выбрать идею. Самые широкие возможности для обсуждения имеются у телевидения. На игры вполне хватает экранного времени. Должно найтись и для такой всенародной акции. Скажем, можно для показа эскизов без всяких комментариев использовать учебную программу.

Раньше с Поклонной кланялись столице. Ныне она настойчиво требует поклонения себе. Но прежде нужно ее обрести вновь.

ОТ РЕДАКЦИИ: Когда номер подписывался в печать, заместитель председателя Моссовета Ю. А. Шилобреев сообщил, что 19 марта должно быть принято решение о приостановлении строительства.

Дмитрий ВАЛОВОЙ,
доктор экономических наук

...НА КРУГИ СВОЯ

Давно уже вопросы культуры экономического мышления, даже экономической теории не были столь явно в центре всенародного внимания. Обсуждая пути, на которых страна сделает следующий шаг, справедливо называя этот шаг революционным, мы понимаем, что лишь массовое знание закономерностей социалистического развития обеспечит осознанный успех перестройки.

Что греха таить, «мы все учились понемногу», да не все привыкли задумываться над научно неотвратимыми правилами, определяющими пути хозяйствования. Доктор экономических наук Д. В. Валовой, известный советский публицист, неутомимо выступает именно как сторонник научного подхода к любой из реформ, осознанного отношения к всякому шагу в общественном развитии, тем более к революционному шагу. Книги и статьи Дмитрия Валового, в частности «Поиск», не раз переводились, становились объектами живейшего обсуждения.

Полагаем, что и новая работа автора будет интересна нашим читателям.

В публикуемом отрывке молодая журналистка Лида Игнатьева, ее коллеги и экономист Петр Герасимович Логинов обсуждают в редакции молодежной газеты проблемы перестройки. Это материал для вдумчивого чтения, написанный ученым-экономистом. Но мы решились опубликовать его в массовом еженедельнике, продолжая вместе с вами раздумывать над тем, что же такое сегодня социалистическое предприятие и как ему развиваться. Итак, включайтесь в беседу...

— Простите за обилие цитат, но начну с них,— сказал Петр Герасимович.— С выступления на недавнем съезде партии академика А. П. Александрова:

«— Сейчас в Институте металлургии организована выставка, где показан большой комплекс разработок, доведенных до стадии внедрения и не внедряющихся... Когда мы работаем над чем-то новым, то стараемся либо создать какую-то энергосберегающую технологию, либо материалосберегающую технологию, либо заменить какие-то дорогие, дефицитные материалы на более доступные. Во всех случаях это делает продукцию более дешевой. И вот директор завода вдруг становится перед вопросом: если он даже работает, как работал раньше, то у него финансовая сторона начинает страдать...

Горбачев М. С.:

— И вал уменьшается.

Александров А. П.:

— И вал уменьшается, совершенно верно. Вы себе представить не можете, до какой степени это препятствие вредит новым разработкам. На одном из предприятий в Москве изготовляли контакты для электрических систем. Контакты были серебряные. И за экономию серебра предприятие получало премию. Все было хорошо. Потом придумали другой сплав, совсем без серебра обошлись. И вот тут-то «полетело» их благополучное положение в районе, сорвались все планы, потому что продукция стала дешевле».

Мне удалось побывать на этой выставке. Она лишний раз подтверждает талант наших ученых и специалистов. Если бы нам удалось их гений и находчивость в полной мере направить на пользу обществу! А пока что новинки, позволяющие существенно снизить затраты, маринуются и отвергаются, а их изобретатели попадают в «глупое положение», о котором говорил Александров. Судите сами. Каждая тонна нержавеющей стали поглощает до ста килограммов дорогого никеля. На выставке экспонируется прекрасная безникелевая нержавейка. Ее цена почти в два раза ниже, и поэтому «невыгодный товар» и не имеет спроса. Такая же судьба постигла представленные новые виды сплавов, благодаря которым освоены разнообразные виды легких профилей и многочисленные сорта эффективных, но дешевых видов металлопродукции...

А теперь послушайте еще одного делегата съезда — Председателя Совета Министров Казахстана Н. Назарбаева: «Планирование в рублях от достигнутого уровня ставит вновь назначенных хозяйственных руководителей в тяжелое положение. И вот почему. Их предшественники, создавая картину благополучия, не проявляли особой щепетильности при выборе средств. Для «накручивания» вала они расширяли повторный счет материалов и полуфабрикатов, завышали цены, а кое-кто не чурался и приписок. Теперь полученный таким методом объем продукции в рублях служит базой для планирования дальнейшего роста производства и производительности труда. Это вынуждает хозяйственников и дальше следовать проторенным путем. Погоня за объемом в рублях противодействует повышению эффективности производства и качества продукции, особенно потребительских товаров».

Мысль оратора о положении, в котором оказались «вновь назначенные хозяйственные руководители», отражает новую ситуацию. Нурсултан Абишевич, видимо, прочувствовал ее на себе. Суть проблемы в следующем. Многие из ушедших на заслуженный отдых руководителей, не жалея сил, трудились над созданием показного благополучия на вверенных им участках. Некогда это высоко ценилось, и многие даже стали Героями Социалистического Труда. Но все, что они так усердно накручивали и приписывали, ныне стало «достигнутым уровнем», от которого вновь назначенные руководители должны идти дальше. А «созданный» объем зачастую не только повышать, но и просто удерживать немыслимо без применения прежних «средств и методов». Как тут быть? И дальше следовать проторенной дорогой? Теперь это строго карается. А без ускорения, которое ошибочно отождествляют с ростом темпов от достигнутого по валу, дела плохи. Положение, как говорится, хуже губернаторского...

Чем масштабнее расточительство, тем больше требуется инструкций и методик, преобразующих-де его в экономию. Не случайно по ряду важных постановлений партии и правительства о совершенствовании хозяйственного механизма созданы целые тома нормативных актов. Как тут не вспомнить доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса, в котором отмечалось, что многие ведомства способны так интерпретировать решения ЦК и правительства, что после их инструкций от заложенных в основополагающие документы принципов на практике остаются лишь рожки да ножки. В гениальности авторам подобных инструкций и методик трудно отказать. И вот почему. Средства, затраченные на искусственное удорожание продукции и замороженные в сверхнормативных запасах, представляют, по Марксу, неразумно израсходованный материал и не принимают участия в образовании стоимости продукта. А по действующим методикам миллиарды подобных затрат включаются в стоимость общественного продукта и в соответствующей доле — в национальный доход. Поэтому они не только не являются результатом расточительства, а даже «снижают» материалоемкость и трудоемкость продукции, «увеличивают» национальный доход, а в конечном счете «повышают» производительность труда и экономическую эффективность общественного производства.

— Если перейти, как вы предлагаете, к измерению экономического благополучия по конечному общественному продукту и национальному доходу,— раздался новый вопрос,— не произойдет ли у нас резкого падения темпов роста производства?

— Резкое снижение темпов уже произошло. За последние три пятилетки темпы прироста объема валового продукта и национального дохода уменьшились более чем в два раза. Попытки искусственно удержать высокие темпы на базе вала дорого обошлись нашему государству. И чем быстрее мы откажемся от негодного измерителя, тем быстрее наступит коренной перелом в переходе от расточительного к противозатратному механизму хозяйствования. И тогда рост темпов будет отражать динамику действительной стоимости продукции.

— Вы не могли бы объяснить, почему раньше с помощью вала мы достигли огромных успехов, а теперь дела в экономике идут не лучшим образом. В чем тут дело?

— В период экстенсивного развития выпуск продукции увеличивался в основном за счет строительства новых предприятий и роста численности рабочих и служащих. И тогда справедливо говорили: большие результаты требуют и больших затрат! В семидесятые годы ситуация коренным образом изменилась. Сущность интенсификации в том и состоит, что она позволяет резко сокращать общественные затраты, увеличивая в то же время производство реальной продукции. Но при оценке работы по валу от достигнутого это ведет к ухудшению основных показателей работы предприятий, уменьшению фонда зарплаты и других источников поощрения. Поэтому хозяйственники старались любыми путями сохранить и увеличить объем вала, что и обостряло противоречие между интересами коллективов и общества.

— Почему же так живуч вал?

— Когда я задумываюсь об этом, невольно вспоминаю пословицу: «Чем проще истина, тем сложнее ее доказывать». Пастернак о простоте написал так:

Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.

Видимо, пороки вала столь очевидны, а его урон так значителен, что в них просто не верят...

— У Льва Николаевича Толстого,— вступила в разговор Лидия Владимировна,— есть такое любопытное высказывание: «Все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты». На моей памяти уже несколько раз заменяли вал, а он господствует и поныне. Чем можно объяснить этот парадокс?

— Вал действительно непригоден для измерения экономического роста и оценки работы предприятий и отраслей. Но не о з а м е н е его должна идти речь, а о б о г р а н и ч е н и и с ф е р ы п р и м е н е н и я. Иначе говоря, надо поставить вал на свое место. Попытки найти ему замену вели по ложному пути. Подобно поиску философского камня, пытались найти универсальный показатель для измерения динамики всех экономических процессов и оценки работы предприятий и отраслей. Но его не существует.

Знаменосцем противозатратного механизма должен стать не отдельный показатель, а у р о в е н ь и д и н а м и к а удовлетворения потребностей. Попытки замены культа вала культом другого показателя желаемых успехов не давали и не дадут.

— С нового года основной показатель оценки работы — стопроцентное выполнение договорных обязательств. В какой мере это ограничит господство вала?

— Если вы окажетесь перед дилеммой: зарплата или премия,— чему отдадите предпочтение? — вопросом на вопрос ответил Логинов.

— Зарплате, конечно. А разве она не зависит от результатов выполнения договорных обязательств?

— Нет. Например, на работавшем по-новому заводе транспортного электрооборудования в городе Брежневе выполнение договорных обязательств снизилось на двадцать процентов, а средняя зарплата выросла на одиннадцать рублей.

— А у тех, кто работает в условиях самофинансирования?

— Тоже нет. Зарплата предприятий по-прежнему остается в плену у вала, и поэтому им невыгодно осваивать и выпускать дешевые новинки...

— Петр Герасимович, а на что, по вашему мнению, следует обратить особое внимание в пропаганде нынешней экономической политики?

— Прежде всего следует подчеркивать саму о ц е н к у положения в экономике. Раньше при анализе причин застоя и негативных явлений в народном хозяйстве упор делался на объективные причины — погодные условия, сырье, мол, стали добывать глубже и дальше... А теперь, не отрицая объективных причин и внешних факторов, показано: столько нерешенных проблем в экономике накопилось потому, что своевременно не была выработана четкая линия на преодоление застоя.

Январский Пленум ЦК партии обратил внимание на неблагополучное положение и на теоретическом фронте. Мы до сих пор не имеем научного механизма использования экономиче-

Продолжение на стр. 26.

Константин БАРЫКИН,
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ (фото),
специальные
корреспонденты «Огонька»

НАШ ХЛЕБ

И «БАЛТИЯС», И «РИЖСКИЙ»...

Национальные хлебы не замкнуты границами. «Рижский» выпекается едва ли не на всех хлебозаводах страны. Всесоюзно известна украинская паляница. Московский калач едят в Хабаровском крае. Любой хлеб — достояние общенародное. Первый рассказ «Огонька» о национальных хлебах — из Латвии: из маленькой сельской пекарни и с большого хлебозавода.

Завтрашний хлеб и испекут завтра. Но опару для него мы поставили еще вчера...

С технологом Яном Альфредовичем Карклиньшем мы вошли в небольшую, надвое разгороженную комнатушку. На полатях справа и слева — выбеленные деревянные кадушки. Приподнял прикрывающее одну из них чистое полотно; тесто под ним живет, бродит, пузырится, причмокивает — о чем рассказывает? А ведь могло бы и поведать, как вчера ставили опару, как волновались, когда замешивали тесто — это всегда таинство; как принесли родниковой воды, не забыли все сдобрить проверенной закваской... Положили и кусок старого, от прошлой выпечки теста; так делали тут, в этом селе и год назад, и десятилетие, а может, и век... Добавили тмин, что-то еще.

Отсюда, из деревянной кадки, тесто, когда подойдет и созреет, попадет в дежу, выбродит в ней положенное и пойдет на разделку. Перед тем как попасть в печь, хлебной заготовке дают отдохнуть. Смоченными водой руками пекарь выглаживает заготовку.

— Чтобы хлеб хорошо себя чувствовал в печи,— серьезно, без тени улыбки комментирует Карклиньш.

Пекари Валда Клявиня и Янис Слутинш — а это они и их товарищи по сельской пекарне ежедневно дают девятьсот килограммов, а то и всю тонну буханок — взяли деревянные, с длинными, к концу истонченными ручками лопаты. Такими ловко подсадить заготовку в самый жар.

Разложили заготовки по пышущему поду, вроде бы и передохнуть можно. Но какой отдых возле печи: надо переложить буханку, проследить, чтобы не подгорела, чтобы пропеклась ровно и славно.

Работают здесь хлеб двух сортов. Кисло-сладкий, традиционный для прибалтийских республик. И такой вот ржаной, с патокой, с тмином. Добавляют чуточку сахара, скорее для вкуса, чем для сладости. Пекут неспешно, следят за каждой хлебиной. И получаются буханки ладными-складными, с хрустящей корочкой, без недопека-перепека — сами просятся на стол. Мякиш у такого хлеба плотный, вроде бы тяжелый, а начнешь есть и забываешь об этом: вкусно. Именно так — вкусно! С таким хлебом обед — в удовольствие. «Я ем пахучий хлеб ржаной, и долго пахнут тмином губы»,— сказала поэтесса.

— Это про наш хлеб,— говорили мне в пекарне.— Если не про этот, так про такой же. И вы тоже подметили, что похож он на поэтическую строку?

Откинули дверцу — принимай урожай печи. Ароматен — весь цех заполнился хлебным духом.

— Удался ли?

Что спрашивать!

По весу каждая буханка больше килограмма. Не сегодня замечено, что удается ржаной, если по всему поэтому соблюсти и нужный вес. Не получается добрый ржаной, когда делают его не большим караваем, не крупной буханкой, а малым недовеском. «Это уже не хлеб, а коржик»,— сказал как-то один из пекарей-ветеранов. Но приказным порядком несколько лет тому ввели, заставили переходить на выпечку хлебов так называемого «малого развеса». Дескать, в целях экономии хлебных ресурсов. Вроде бы если ты купил не килограммовый, а восемьсотграммовый хлеб, то, стало быть, эти 200 граммов сэкономил. «А в масштабах-то страны!» Но оказалось, что это выдуманная экономия, бюрократическая. Как говорится, гладко было на бумаге... «Экономные» буханки вовсе не так экономны, как хотелось бы. Помню, как возражал против такого решения видный наш ученый-хлебопек Виталий Александрович Патт. С расчетами в руках, с различными выкладками, а того больше — с подтвержденным веками мнением мастеров он пытался доказать, что прежде следует поискать иные пути экономии хлеба. Помню, как сокрушался видный наш хлебодел, Герой Социалистического Труда Г. С. Страмнов: «Погубят хлеб!» (Да и ныне, когда говоришь с тем или иным директором хлебозавода в частном, приватном порядке, обязательно скажет: потерял хлеб от малого развеса больше, чем выиграл. И тут же еще раз упредят: но не передавайте это мое мнение руководству, могут осердиться...)

Заводы спешно рапортовали: наладили выпечку хлебов малого развеса. И хлеб тут же проявил свой норов, во вкусе потерял да и черствеет быстрее. А чуть зазеваешься — пойдет разводьями плесени.

За хлебом из колхоза «Росме» такого не наблюдается.

Касательно же экономии пора бы кое-что снова посчитать. Утверждают, малая буханка съедается вся, без остатка. Но загляните в бачки для отходов. Многие тонны «экономного» хлеба идут на свалку. Не сработал мелкий развес. Не только, а может, и не столько в нем дело. Не призываю так же скоропалительно, как вводился уменьшенный хлеб, отменить его. Но следовало бы выпекать наряду с недомеренными, если сравнивать с народными хлебами, и полновесный хлеб. Он должен быть прежде всего вкусным и свежим. Иной отсчет, иную меру надо бы заложить в оценку хлеба. Не «мал» или «велик», а вкусен или не вкусен. Съедается ли, или остаются куски-отходы? По конечному результату надо считать...

Такая получается картина, если посмотреть на нее со стороны, но не сторонне. Недавно хлебную выпечку передали в ведение Министерства хлебопродуктов. Оно хотело бы наладить дело, уже успело начать хлебы улучшенные, ценою подороже. Но идут письма, не все едоки считают новые сорта хорошими. Может, не только от цены зависит качество?

Хотя и от цены тоже. Тут пришла пора сказать, что килограмм колхозного хлеба стоит рубль. 1 килограмм — 1 рубль. Дорого? Не спорю. Но снова не хочу опережать события. Беседовал с первым секретарем Салдусского райкома партии Владимиром Францевичем Рымашевским, человеком мыслящим, стремящимся к тому, чтобы видеть то или иное дело в развитии. Зашел разговор и о цене.

— Дороговато, говорите? — переспросил он меня.— Согласен: не дешево... Цену эту установил колхоз, но взял ее не с потолка. Рожь для своего хлеба выращивают специально: один и тот же сорт, из года в год, без каких-либо отступлений. Какое зерно для хорошего хлеба нужно, такое и идет. Помол особый, не стандартный. Технология, сами видели, ручная, трудоемкая и не быстрая. Все учли колхозники. Да и не стали бы они брать лишку, потому что пекут-то хлеб для себя; в колхозном магазине он и продается. Особого дохода от выпечки хлеба не имеют, но и не в убыток работают,— заметил секретарь.

...Значит, чтобы выпекать вкусный, долго не стареющий хлеб, надо возвращаться к пекаренкам? Но ведь с их помощью всех не накормишь.

— Надо идти от другого,— убежден директор крупного рижского хлебокомбината Янис Янович Целмс. Мы приехали к нему, на городской завод, прямо из колхоза — и могли сравнивать. Тут, как и на других предприятиях республики, выпекают разный ассортимент хлебов и всяких хлебобулочных изделий (так называют профессионалы булки, плюшки, коржики, бублики, ватрушки и прочую хлебную снедь). Пекут знаменитый на всю страну «Рижский», сравнительно новый «Видземес», «Балтияс», «Земниеку» — заварной, хороший хлеб. Он в булочных не залеживается.

— Профессиональная гордость не позволяет нам уступить в соревновании с сельскими пекарями,— продолжает Янис Янович.— Значит? Значит, мы должны выпекать хлеб, ни в чем не уступающий деревенскому, может, и превосходящий его, но не по тонне в день, а значительно больше—столько, сколько нужно.

— Нравится? — Это нас спрашивает технолог Валда Бернхардовна Блодоне.— Рецептуру мы сберегли. Не торопились «улучшать» ее. Скоро такой хлеб пойдет в магазины.

Сохранится ли истинно народный хлеб на заводском конвейере? Хлебопеки убеждены в этом. Иначе они не принялись бы за дело. Пробные выпечки и завозы нового хлеба в магазин убедили: этот хлеб завода Пролетарского района Риги отменно хорош и пользуется неограниченным спросом. Что, впрочем, не значит, что из производственной программы предприятия уйдут завоевавшие популярность «Рижский», «Видземес», пирог с корицей, булочки и ватрушки или другие сорта. Все они будут поступать в магазины — выбор у латвийского покупателя всегда был большим и разнообразным. И, казалось бы, ему, этому предприятию, можно бы и отсидеться, «не высовываться». И все же именно тут решили пойти на выпечку нового хлеба. Непросто его было перенести на конвейер, в заводской цех. Но теперь можно сказать, что основные трудности позади. Рижане уже получают с городского хлебозавода крестьянский хлеб. Случается, везут такой хлеб и в село — очень уж хорош!

Конечно, заводу труднее, чем колхозной пекарне, выдержать, чтобы мука была одного и того же качества. Случается, поступает такая, глаза бы ее не видели... В том же «Росму» идет на замес родниковая вода. Где ее в городе взять? Лаборатория позаботится о том, чтобы состав воды приблизить к той, колодезной. И так будет, иначе нельзя, иначе проиграет завод в конкурентном состязании за потребителя.

Министерство хлебопродуктов республики во всех таких делах и заботах не сторонний наблюдатель, а активный помощник и советчик. И не без министерской подсказки появилась новая строка в производственном плане комбината. Сейчас вместе бьются за то, чтобы поступили на завод положенные машины и механизмы. Вообще с механизацией хлебопечения дело поставлено не лучшим образом. Хлеб-то машиностроители едят ежедневно, а вот озаботиться тем, чтобы помочь сделать хлеб лучше, нередко забывают. И тут министерство не знает покоя да и другим успокоиться не дает...

...Большая и горячая работа — хлеб печь. За ней — опыт предков и доверие современников. Для них готовят хлеб: и в колхозной пекарне, и на большом столичном заводе.

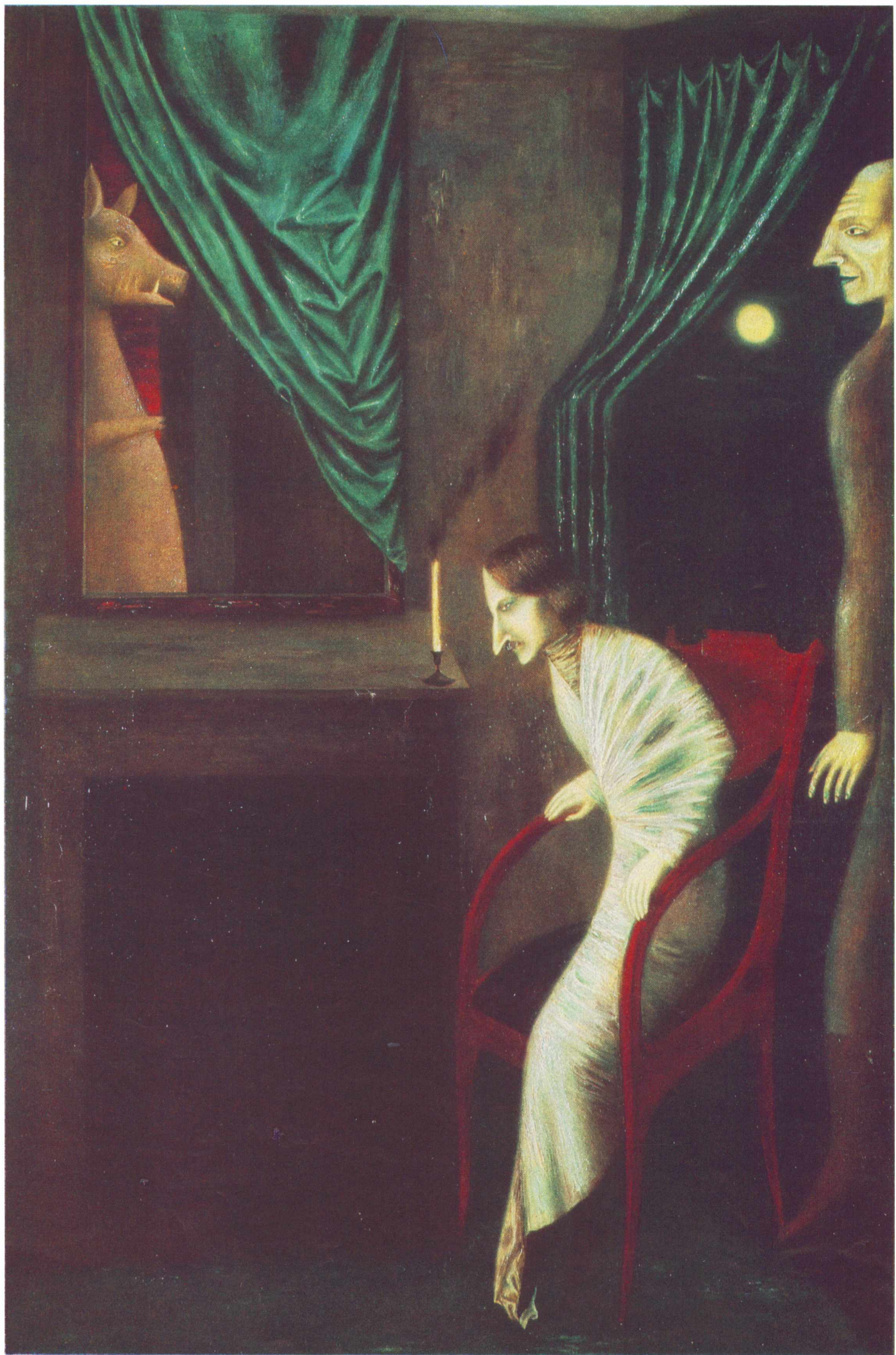
Старший технолог комбината Валда Блодоне, пекарь Андрис Рожкалнс, начальник лаборатории Наталия Грищенкова. Они пекут хлеб, они оберегают его традиции...

Хлебокомбинат Пролетарского района Риги давно стал профессиональной школой. На нашем снимке — ученица школы № 85 Марина Осовская. Она осваивает профессию пекаря.

ХЛЕБ НЕ ВЫБИРАЮТ, ХЛЕБ НАСЛЕДУЮТ.
ПОТОМУ ЧТО ОН—ОСНОВА ОСНОВ.
КОРЕНЬ ЖИЗНИ.

О. БУЛГАКОВА.
Род. 1951.
Н. В. ГОГОЛЬ. 1981.

Государственный Русский музей.

ПАЛИТРА

Ольга Булгакова и Александр Ситников. Фото Льва МЕЛИХОВА

МИР ДРАМАТИЧЕСКИЙ, МУЖЕСТВЕННЫЙ

Виталий МАНИН

Драматург сочиняет пьесу. Режиссер осуществляет постановку. Это двуединое действие в произведениях Ольги Булгаковой и Александра Ситникова слито. Художники приняли на себя единовременную роль драматурга и режиссера. В своих произведениях они задумывают пьесу и осуществляют режиссуру. Их картины являют условное действо условных персонажей. Поведение вымышленных персонажей подчинено драматургическому замыслу художников. Замысел и его реализация у каждого живописца свои, особенные. С этого несходства двух индивидуальностей начинается различие их художественного мышления. В чем-то Булгакова и Ситников единомышленники. Неудивительно, они муж и жена. Но существует рубеж, после которого каждый из них вымышляет свой художественный спектакль со своими, недоступными другому персонажами. Даже беглый взгляд на их картины показывает, что каждый из художников — индивидуальность, живущая в своем мире размышлений.

Мир этот условен. Он как будто полностью придуман, но неизменно слышны в нем драмы и трагедии времени. Ни Булгакова, ни Ситников не пытаются устраниться от своей эпохи. Напротив, они погружены в ее волнения. Образный язык каждого — наряду с общим — имеет ясно выраженную особенность. Почерк каждого узнаваем, образ мысли различим.

Оба художника окончили Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова. Она — в 1975 году по мастерской Д. Мочальского; он — четырьмя годами раньше, обучаясь плакату у Н. Пономарева и О. Савостюка.

Оба с успехом работают в живописи. Ситников неоднократно награждался призами, среди них — золотая медаль индийской Триенале, являющаяся знаком несомненного международного признания.

Живопись Булгаковой женственна, мягка, изящна, несмотря на разыгрывающиеся в картинах драмы.

Живопись Ситникова мужественна. Она более трагедийна, исполнена страстей, хотя художник не избегает идеальных образов красоты и гармонии.

Обоим художникам чуждо прямое изображение, обыденный пересказ увиденных событий. Для них характерно иносказание, ассоциативный строй мысли. Мир видится не конкретно, а условно-обобщенно.

Каждый художник начинается с определенной картины, ставшей для не-

Продолжение на вкл. 3—4.

ПОЛЕТ БЕЗ ОПАСНОСТИ

Советское представительство при Международной организации гражданской авиации (ИКАО) разместилось на восьмом этаже высотного дома в центре Монреаля на Шербрук-стрит, 1000. В структуре этого специализированного учреждения ООН имеются различные комитеты, в том числе комитет по незаконному вмешательству, который с 1969 года занимается разработкой рекомендаций для борьбы с актами диверсий и терроризма на воздушном транспорте. Председателем этого комитета на 1987 год избран представитель СССР при ИКАО В. А. СИНЮШКИН. По просьбе журнала «Огонек» корреспондент ТАСС в Канаде А. О. МЕЛИКЯН обратился к председателю комитета с рядом вопросов, касающихся деятельности ИКАО по предотвращению терроризма на воздушном транспорте.

— Какой вклад вносит Советский Союз в рамках ИКАО в борьбу с актами терроризма на воздушном транспорте?

— Принципиальная позиция Советского Союза по этому вопросу совершенно ясно изложена в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. В этом документе прямо говорится: «СССР отвергает терроризм в принципе и готов деятельно сотрудничать с другими государствами, чтобы выкорчевать его».

Еще в 1983 году 24-я сессия Ассамблеи ИКАО по предложению советской делегации приняла резолюцию «Об усилении мер по борьбе с незаконным захватом воздушных судов и другими незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации». Следуя этой линии, Советский Союз выступил с новыми инициативами и на 26-й сессии Ассамблеи.

По настоянию Советского Союза и других стран Совет ИКАО разработал и принял «типовую статью» по вопросам авиационной безопасности.

Наше государство выступает за расширение практики заключения двусторонних специальных соглашений между странами по вопросам авиационной безопасности — такие соглашения уже заключены между СССР и ГДР, НРБ, ЧССР, Финляндией и рядом других стран — наряду с теми мерами, которые позволяют вырвать с корнем бандитизм и терроризм на воздушном транспорте, в каких бы формах они ни проявлялись.

— Валерий Анатольевич, можно ли сказать, что международная жизнь внесла свои коррективы в первоначальные цели и задачи ИКАО? Я имею в виду обеспечение безопасности на воздушном транспорте с точки зрения не только чисто технических проблем — диспетчерская и наземная службы, навигационная аппаратура, подготовка летного и штурманского состава и т. д.,— но и фактов, порожденных, так сказать, политическими проблемами в мире.

— Безусловно. В конце 60-х и начале 70-х годов мировое сообщество впервые столкнулось с новой опасностью, которой не было, когда создавалась Международная организация гражданской авиации. Чтобы правильно уяснить себе роль комитета в борьбе с международным авиационным терроризмом, следует учитывать специфику ИКАО, в которую входят 156 суверенных государств. Комитет занимается разработкой мер, которые могут быть рекомендованы государствам для создания системы авиационной безопасности и борьбы с воздушным терроризмом. Непосредственная же борьба с конкретными актами незаконного вмешательства, поиск и наказание преступников — все это дело каждого государства.

Террористические акции в отношении индийского лайнера «Боинг-747» в июне 1985 года, когда погибли все 329 человек, находившиеся на борту; взрыв на борту американского лайнера «Боинг-727», выполнявшего полет из Рима в Афины в апреле прошлого года; взрывы на борту самолета «Три-Стар» авиакомпании «Эйр Ланка» в мае прошлого года, а также последние нападения и диверсии в аэропортах Франкфурта-на-Майне, Вены, Рима требуют принятия более эффективных мер, с тем чтобы не допустить, в частности, размещения взрывных устройств, предназначенных для уничтожения гражданских воздушных судов.

Большое значение имеет «человеческий фактор» — подбор и подготовка персонала служб авиационной безопасности, умение проводить досмотр, работать со специальным оборудованием, распознавать опасные предметы, не терять бдительность в условиях монотонной работы, усталости.

Комитет должен следить за разработкой государствами новой технологии для борьбы со всеми более сложными средствами и методами, используемыми сейчас террористами, включая возможное применение пластиковых пистолетов, бомб и так далее.

— Как «состыковываются» рекомендации комитета с практической деятельностью ИКАО?

— Самым непосредственным образом. Одних только организационно-технических мер, предлагаемых комитетом, было бы недостаточно в борьбе с воздушным терроризмом, если бы не была создана комплексная система мер, или, как принято в ИКАО называть, программа авиационной безопасности. Она охватывает юридическую и техническую области.

На состоявшейся в сентябре — октябре прошлого года сессии ассамблеи ИКАО вновь были осуждены все террористические акты против международной гражданской авиации, независимо от того, где и кем они совершаются, принят единый документ о долгосрочной политике ИКАО в области авиационной безопасности. Сессия призвала уделить значительное внимание «неконтролируемым зонам», то есть прежде всего территории аэровокзалов, залам ожидания, пунктам оформления пассажиров и багажа. Решено разработать правовой инструмент по борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию.

Разумеется, введение более строгих мер авиационной безопасности влечет определенные неудобства для тех, кто пользуется воздушным транспортом. Больше времени требуется для оформления пассажиров и багажа, а это значит, что пассажиру надо прибыть в аэропорт иногда за два и более часа до вылета. Поиск неопознанного багажа на борту самолета может привести к отклонению от расписания. Расходы на специально подготовленный персонал и приобретение оборудования приводят к росту стоимости перевозок. Досмотр багажа может быть придирчивым. Однако другого пути обеспечения безопасности всех воздушных путешественников пока нет. И всем, кто пользуется воздушным транспортом, надо это учитывать.

Говоря обо всем этом, я тем не менее не хотел бы создать преувеличенное представление об опасности воздушных передвижений в силу роста терроризма. К сожалению, стремление средств массовой информации использовать случаи незаконного вмешательства как предлог для очередной сенсации создает искаженное представление о реальной ситуации, вносит смятение и страх. Так, по данным печати, после ряда террористических актов летом прошлого года два миллиона американцев отменили свои поездки в Западную Европу.

А реальная ситуация такова, что воздушный транспорт является таким же безопасным, как и все другие виды общественного транспорта. Если говорить о степени опасности в целом, то вероятность катастрофы авиалайнера, выполняющего регулярный рейс, составляет один случай на 500 тысяч рейсов. Полет на современном воздушном судне в десять раз безопаснее, чем полет на поршневом самолете тридцать лет назад.

МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

Внимательно следивший за творчеством литераторов из народа Максим Горький писал в предисловии к сборнику Ивана Морозова «Разрыв-трава», вышедшему в 1914 году: «...все выше, бодрей звучат голоса пишущих: чувствуешь, как в нижних пластах жизни разгорается у человека сознание его связи с миром, как в маленьком человеке растет стремление к большой, широкой жизни, жажда свободы...»

Время накануне Великой Октябрьской социалистической революции было временем появления новых поэтических имен в России. Выходят первые сборники стихов Е. Тарасова, А. Коца, А. Микульчика, Е. Нечаева, Л. Белкиной... Революционным бурям присягнули и такие вроде бы не связанные с рабочим движением поэты, как Н. Минский, О. Чюмина, К. Бальмонт. Даже сегодня не все знают, что стихи Бальмонта печатались в большевистских газетах, что в издательстве «Знание» вышла книга его стихов, а в Париже была напечатана ставшая известной книга «Песни мстителя».

Никогда раньше в России не появлялось так много поэтической продукции, как в годы, предшествовавшие Октябрьской революции.

Будущий крупный руководитель Советского государства Валериан Куйбышев, находясь в нарымской ссылке, пишет стихотворение «Море жизни», ставшее популярной песней:

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает,
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.

Будущий, довольно известный поэт двадцатых годов, друг Есенина А. Ширяевец (Абрамов), напишет: «И я влил каплю алую в волну, пора была весенняя, хмельная...»

В некрологе, опубликованном «Невской звездой», говорилось: «11 сентября 1911 года в херсонской каторжной тюрьме умер рабочий Николаевских судостроительных заводов Алексей Гмырев. Покойный был несколько раз привлекаем по делам социал-демократических организаций... Бежав из ссылки, Алексей Гмырев в сентябре был снова арестован в Елизаветграде и привлечен по нашумевшему тогда делу... помещика Слуцкого. По этому делу Гмырев был осужден к 10 годам каторги и после 6-месячного заточения умер, сраженный чахоткой. Умер он на 25-м году суровой жизни». Стихи Гмырева уже в наше время неоднократно переиздавались.

Популярными были и стихи Ф. Шкулева, особенно стихотворение «Кузнецы», ставшее песней.

Не так давно в Центральном Доме литераторов проходил вечер, посвященный жизни и творчеству Евгения Тарасова, одного из самых ярких поэтов предреволюционной поры. Его стихи и сегодня читаются с немалым интересом.

Долгим и сложным был путь революционной пролетарской поэзии. Ею двигало желание приобщить широкие массы к культуре и искусству, жажда новой жизни, желание видеть Россию свободной.

Евгений ТАРАСОВ

1882—1943

НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ

Там, где суд стоит окружный,
Есть огромный, хмурый дом.
Уж давно семьею дружной
Мы томимся в доме том.
И к соседу от соседа
Там несется вечный стук:
Это мы ведем беседы
Монотонным тук-тук-тук...

Перед нами путь суровый,
Настоящее темно,
И вернуться к жизни новой
Далеко не всем дано.
И пока волна прилива
Сбросит путы с наших рук —
Мы стучим нетерпеливо,
Мы стучим лишь: тук да тук...

Ветра бурного дыханье
Увлекает стук с собой
И в упрек напоминанья
Превращает над землей.
Там не все оцепенело,
Там услышат этот стук —
Бейте ж, братья, бейте смело,
Неустанно: тук-тук-тук!

Александр БОГДАНОВ

1874—1939

ДВА СТАНА

Вам — «чары навии», рукоплесканья,
Пиры безумные, цветы ажурные...
Нам — жизнь в безвестности, снега изгнанья,
Могилы братские, скитанья бурные...
Вам — звоны сладостных цевниц,
Нам — цепи ржавые темниц...

Вам — чаши хмельные, вам — ложа смятые,
Вам — шорох шелковый, соблазны модные...
Нам — нивы дольные, хлеба несжатые,
Станки сверлящие, ремни приводные...
Вам — блуд и трепет голых плеч,
Нам — молот, плуг, зубило, меч...

Вам — мерзость пошлости, вам — пресыщение,
Страх одиночества, жуть умирания...
Нам — радость творчества, нам — вдохновение,
Огни вселенские, мятеж восстания...
Вам — осуждение в веках...
Нам — память братская в сердцах...

1911

Алексей ГМЫРЕВ

1887—1911

●

Я погибну, но вместе со мной не умрут
Пролетарские песни мои.
Знаю я, что к могиле моей не придут
Ни друзья, ни слепые враги.

Далеко за тюрьмой, где клубится туман,
Без обряда схоронят меня,
И покроет могилу колючий бурьян
С первым зноем горячего дня.

А зимой, когда вьюга заплачет над ней
И ковром снеговым опахнет,
Зазвенят мои песни по шири степей,
И, быть может, хоть звук до любимых людей
Буйный ветер тогда донесет.

Я умру, но со мною в тюрьме не умрет
Муза-узница, крошка моя.
И в последний мой час лишь она обовьет
Грустной песней и лаской меня.

1912.

ОНИ ПОБЕДИЛИ!

Они победили... рекою крови
Залиты четыре свободы.
Они победили... и вновь потекли
Позорные рабские годы.

Они победили... Гремят по стране
Расстрелы, террор и нагайки.
Они победили... растут в тишине
Грабителей алчные шайки.

Они победили... Как ульи, кишат
Борцами Сибирь, казематы.
Они победили... твердыней глядят
Царя золотые палаты.

Они победили... Из разных сторон
Несутся голодные стоны.
Они победили... Для цинготных ртов
У них есть не хлеб, а патроны.

Они победили... И с Думой спешат
Покончить крамольные счеты.
Они победили, они не хотят
Избранников дружной работы.

Они победили, но шум их побед
Так жалок, как место разврата.
Они победили, но в сумраке лет
Их ждет роковая расплата.

1907.

Филипп ШКУЛЕВ

1868—1930

МЫ КУЗНЕЦЫ...

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастию ключи!
Вздымайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи!
Мы светлый путь куем народу —
Мы счастье родине куем...
В горне желанную свободу
Горячим закалим огнем.
Ведь после каждого удара
Редеет тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.

1912.

Иван ЛОГИНОВ

1891—1942

ПОЭТУ-МЕЩАНИНУ

Не тот поэт, кто гладко пишет
И рифмы звонкие плетет.
А тот — чей стих борьбою дышит
И к новым формам мир зовет.
Лишь тот поэт и бард вселенной,
Кто, позабыв давно Парнас,
Движенью жизни современной
Слагает гимны каждый час.
Но ты ль достоин называться
Поэтом, бардом и певцом,
Когда удел твой: преклоняться
Перед заезженным словцом.

1917.

Подборку составил Феликс МЕДВЕДЕВ

В недавнем интервью «Литературной газете» Д. С. Лихачев сказал: «Нам давно пора было начать «разгребать» архивные «залежи». Широко открыть двери для той литературы, которую мы так долго замалчивали. Вернуть ее народу, нашей культуре». Среди незаслуженно забытых писателей неоднократно называл

академик Лихачев и Л. И. Добычина. Яростный обличитель мещанства, своеобразно талантливый, резкий, ни на кого не похожий, Леонид Добычин успел написать немного, но то, что он создал,— это настоящая литература. Мы публикуем воспоминания о Л. И. Добычине и четыре его небольших рассказа.

ОДИНОЧЕСТВО

Марина ЧУКОВСКАЯ

В 1924 году в журнале «Русский современник» был напечатан рассказ «Встречи с Лиз». Среди хлынувшего в 20-х годах потока прозы, зачастую вычурной, речистой, пестревшей многозначительными троеточиями, рассказ этот обратил на себя внимание. С большим вкусом и тактом тонкого художника автор сумел найти лаконичный и точный язык, естественно сливавшийся с содержанием. Необычен был и несколько конспективный стиль рассказа. Имя автора никому ничего не говорило: Л. Добычина из Брянска не знал никто.

Вскоре мы познакомились с ним у К. И. Чуковского. К нему как одному из редакторов «Русского современника» Добычин пришел, приехав в Ленинград.

Корней Иванович хвалил рассказ. Добычин молча слушал, довольный, поблескивая стеклышками пенсне.

Ничего примечательного в его внешности не было. Невысокий, довольно плотный, опрятно одетый, с гладко, до глянца выбритой головой, этот тридцатилетний человек походил на рядового совслужащего той поры и уж никак — на автора острого рассказа. Светлые глаза, прикрытые старомодным пенсне без оправы, глухой голос, смех, похожий не то на клекот, не то на рыдание,— все было обыкновенным. И только горькие, обидчивые складки опущенного рта да манера неожиданно с хрустом трещать пальцами выдавали трагичность его характера.

Вскоре он опять уехал в Брянск, где служил в каком-то учреждении — по образованию он был экономистом и окончил Ленинградский политехнический институт.

Он уехал, и, к нашему изумлению, из Брянска посыпались письма. В коротких письмах он писал обо всем — и ничего о себе, о своей трудной, как угадывалось, жизни. То он обстоятельно писал, какая в Брянске погода. То описывал разговор с кем-нибудь, то своих сослуживцев. Казалось, весь день он вынужден молчать, разговаривать ему не с кем. А вечером берет длинные узкие полосы бумаги, бог весть откуда добытые им в те трудные, нищие годы, и быстро заполняет их своим четким, разборчивым почерком, делясь впечатлениями дня. То посылал рассказ, написанный от руки на узком листочке,— помню, как из конверта вывалилась «Конопатчикова».

Году в 30—31-м он снова появился в Ленинграде, пришел к нам, мы как-то сразу легко разговорились с ним, подружились, и он стал часто бывать у нас. Добычин никогда ничего не рассказывал ни о себе, ни о своей семье. Случайно мы узнали, что мать его была известной в Двинске акушеркой, практиковавшей в «хороших домах».

Леонид Иванович легко болтал о пустяках, легко молчал, и с ним было просто и непринужденно. С молодым эгоизмом мы втягивали его в свои интересы. Он охотно входил в нашу жизнь, в наш быт.

К этому времени вышли два сборника его рассказов — «Встречи с Лиз» и «Портрет».

Возможно, крошечные рассказики эти покажутся поначалу однообразными. Ведь даже фон, на котором происходит действие, один и тот же почти во всех рассказиках. Городская площадь, скверик с памятником в центре, домишки со ставнями на окнах, сараи... Безрадостен и пейзаж — речка, за речкой пригорок с огородами, черные сучья деревьев. Луна, уныло освещающая эту убогую жизнь. Или пыльная палящая жара.

Но с первой же странички короткие точные фразы, словно свистящий бич, без всякой пощады градом сыплются на человеческую пошлость и глупость. И во всех почти рассказах — смерть или похороны. Автор как бы хочет показать, что дураки, населяющие его рассказы, одинаково тупо и безразлично относятся ко всему, и даже смерть для них источник такого же мелкого развлечения, как и все другие явления жизни. Прочтешь — и ужаснешься беспросветной пошлости и глупости.

А может, автор попросту сухой человеконенавистник?

Но разве «человеконенавистнику» написать такой по-чеховски лиричный рассказ, как «Отец»? Тонко подмечены в нем чувства отца, задумавшего жениться и ввести в семью мачеху своим сыновьям. Сумел бы «человеконенавистник» в рассказе «Матрос» так ласково, любовно изобразить мальчика? Сумел бы без единой фальшивой нотки описать день, полный событиями для Лешки, показать его ребяческое восхищение матросом?

Какое там «человеконенавистничество»! Ненависть — к пошлости, ненависть — к глупости, но не к людям!

В Ленинграде многие прочли «Встречи с Лиз» и «Портрет» — и многим книжечки понравились. Тиражи в те времена были крошечными. Скромный успех ободрил автора, и из скупых его высказываний о себе мы поняли, что он хотел бы бросить службу в Брянске, переехать в Ленинград и стать профессиональным литератором. Он решился и переехал. О нем мы знали, что он снимает комнату, живет неустроенно, а добиться собственной жилплощади в Ленинграде ему никак не удается.

И все кончилось тем, что ему снова пришлось вернуться в Брянск и снова поступить на ненавистную службу.

И опять полетели письма из Брянска. Часто вспоминал Леонид Иванович жизнь в Ленинграде. «А помните, как вы однажды дали мне много халвы?» — неожиданно заканчивал он одно письмо. В другом писал, как его вызвал к себе Начальник (Начальник он писал всегда с заглавной буквы). «Скажите,— а не вы ли тот Добычин, который книжки пишет?» — «Я». «Гм! — сказал Начальник.— Это не фунт изюму!..»

Он упорно искал возможности вернуться в Ленинград, хлопоча о комнате, с трудом добиваясь увольнения с опостылевшей ему службы.

Вернулся он в Ленинград не то в конце 34-го, не то в начале 35-го года. Через Союз писателей он получил комнату на Мойке, в большой коммунальной квартире. И, казалось, наконец-то прочно обосновался в Ленинграде.

Он продолжал бывать у нас почти ежедневно. Мы так привыкли к его посещениям, что в тот день, когда его случайно не было, даже дети спрашивали с удивлением: «А где же Леонид Иванович?» А маленький сынишка встречал его приход ликующим воплем: «Лидиванчик пришел!»

Нам-то и в голову не приходило, с какой силой льнул Леонид Иванович к детям. Но льнул неумело, неуклюже.

Помню, он как-то говорил своим глуховатым голосом:

— Я расскажу вам сказку...

Конечно, дети жадно приготовились слушать. Он начал, улыбаясь:

— Жила одна лисичка. Вот однажды она пошла... Она шла, шла, шла... Шла, шла, шла, шла, шла, шла...

Понемногу кончики его рта стали опускаться. Сказку он, конечно, не досказал. Так никто и не узнал, куда шла лисичка. Дети разбежались, не дослушав.

Леонид Иванович смущенно умолк, порыдал своим клекотом-смехом, заломал руки, схватил свою кепочку, простился и ушел.

Было больно и неловко за него.

— Тата, дайте ваш альбом, я вам впишу стишок,— как-то сказал он дочери.

Никакого «альбома» у той не было, и он написал ей в тетрадку:

«Жил на свете мальчик с мамой,
С интересной, полной дамой.
— Мама, купим красный галстук!
— Ах, отстань, болван, пожалста!»

Ехидно и добродушно рассказывал он про писателя Гора, с которым тоже подружился:

— У Гора тесно, мешают дети. И вот он садится за стол, берет палку в левую руку и, не глядя, машет ею за спиной, отгоняя детей, а правой пишет.

— Я поднимаюсь к Кавериным по лестнице. Вдруг сзади кто-то пыхтит. Смотрю — это дочка их идет из школы. «Наташа, отчего вы пыхтите?» — «У меня бот расстегнулся...» А у самой щеки красные-красные. Толстушка.

И надувал щеки, показывая, какие щеки у Наташи, благодушно смеясь.

Он подружился с Кавериными, Слонимскими, Шварцами, с Гором, с Рахмановым. С женой Слонимского ходил в Эрмитаж, на выставки, с Екатериной Ивановной Шварц — по комиссионным магазинам в поисках старинного фарфора, охотно ходил со мной в кино, за покупками.

Каверина он любил и ласково-насмешливо говорил о нем:

— Веничка все еще пылкий гимназист в курточке, из которой вырос. Рукава коротки, красные руки торчат.

Помню, я раз сыграла ему сонатину Равеля. Задумчиво он слушал.

— Будто кто-то стоит у окна, и идет дождь,— сказал он тихо, когда я кончила. И вдруг стал ломать с хрустом руки — верный признак душевного волнения у него.

Что, что вспомнилось ему?

Он любил Диккенса, «Пиквикский клуб» особенно. Часто мы наперебой вспоминали смешные сцены из книги, и он смеялся своим рыдающим клекотом-смехом, который всегда неожиданно обрывал — как обрубал.

Неправильности речи, даже разговорной, болезненно коробили его. Помню, как, возмущенно пофыркивая, он говорил, что не все чувствуют разницу между «одел» и «надел». «Одеть можно кого-то, но на себя нужно надеть. Слова необходимо употреблять очень точно».

К Зощенко, который тогда был весьма знаменит и с которым у него, казалось, было много общего, он относился ревниво. Как-то пришел и сказал, что О. Форш приглашала его к себе на вечер, где Зощенко будет читать свою новую вещь. «Вам особенно будет интересно»,— подчеркнула она многозначительно.

— А я не пойду... Зачем?..

Пожал плечами, захрустел пальцами, и углы рта обидчиво опустились. Казалось, вот-вот заплачет.

Среди жильцов квартиры, в которой поселился Добычин, был молодой человек, некто А. П. Дроздов, рабочий из бывших беспризорников. По словам Стенича, долго жившего в этой квартире, решительно ничем не примечательный. Это был здоровый и туповатый малый.

Постепенно в разговорах Леонида Ивановича все чаще и чаще стал упоминаться Шурка. «Шурка сказал», «Шурка сделал», «Мы с Шуркой»... Все чаще и чаще стал он рассказывать об их совместных прогулках, разговорах, с плохо прикрытой ревностью о Шуркиных любовных похождениях. Судя по рассказам Леонида Ивановича, ничего интересного для нас в Шурке не было. Но мы радовались пылкой привязанности одинокого Добычина, скрасившей ему жизнь. Сквозь привычную насмешливость в словах печально и трудно живущего Леонида Ивановича явно звучало восхищение и любование Шуркой, этим уверенно занимающим свое место в жизни молодым человеком.

И когда вышел «Город Эн.»—книга, на которую много надежд возлагал Добычин, книга очень откровенная и автобиографичная,— мы с удивлением увидели на первой страничке посвящение А. П. Дроздову.

Пожалуй, Шурка, польщенный посвящением, все же прочитал «Город Эн.».

Только понял ли он, что хотел выразить Добычин в этой книге? Заметил ли он среди, казалось бы, монотонного описания пошлости вкрапленные в текст фразы? Словно прорвавшиеся нечаянно, они ясно объясняли, как складывался этот глубоко несчастный и трагический человек.

...Как Демон из книги «М. Лермонтов», я был один. Горько было мне это...

...Я думал когда-то, что мы, если выиграем (деньги), то уедем жить в город Эн, где нас будут любить...

...Взволнованный, как всегда перед новым знакомством, я ждал своей встречи с Гвоздевым.— Не он ли,— говорил я себе,— этот Мышкин, которого я все время ищу?

...Разочарованный, ожесточенный, оттолкнутый, я уже не соблазнялся примером Манилова и Чичикова. Я теперь издевался над дружбой...

А ведь тянуло Добычина не только к хихиканию и издевкам.

...С Андреем приятно, но в нем как-то нет ничего поэтического.

...Он принес мне в училище «Степь» (Чехова), и я тут же раскрыл ее. Я удивлен был. Когда я читал ее, то мне казалось, что я сам написал.

Он тянется к мальчику Ершову, он страстно хочет подружиться с ним. Но нет у него этого умения сходиться с людьми, присущего почти каждому человеку. Оно представляется ему редчайшим, драгоценнейшим даром. И все, что он делает, чтобы завоевать дружбу и доверие Ершова,— все не то. И Ершов отталкивает его.

И снова мальчик один.

Он отчаянно тоскует, вспоминая Ершова.

...У глаз я почувствовал слезы...

...Мечтательный, он пошевеливал веками и улыбался приятно: он счастлив был в дружбе,— с завистью пишет он об учителе.

Легко ли признаться, что —

...мне никто не писал...

Понял ли Шурка многозначительные слова, которыми кончалась история «Города Эн.»?

...Я надел очки, и тут оказалось, что все, что я видел до сих пор, я видел неправильно...

Каким же теперь, надев очки, увидит он мир, его окружающий? Ответа нет.

Вряд ли все это понял, заметил и пережил вместе с Добычиным Шурка.

Леонид Иванович был уверен, что появление «Города Эн.» будет крупным литературным событием. Волнуясь, ждал рецензий, статей. Но их не было. Книга понравилась узкому кругу читателей, что всегда происходило с сочинениями Добычина.

Снова он подавил в себе обиду. Снова еще раз убедился, что у него нет таланта легко покорять людские сердца.

И начал писать новую вещь. На этот раз он задумал большую повесть о глухой деревне, о мужиках.

Помню, как он читал нам куски из своей новой повести. Безжалостно, холодно и бесстрастно, в горьковской тональности, описывал он тупую и дикую деревенскую жизнь.

Очки, которые он надел, оказались отнюдь не розовыми.

Повесть эту до конца он дописать не успел.

В январе 1936 года в «Правде» появилась известная статья «Сумбур вместо музыки». И началось выискивание формалистов во всех областях искусства и несправедливая жестокая расправа с беззащитными людьми.

Ленинградское отделение Союза писателей с лихорадочной поспешностью откликнулось очередным «мероприятием» на эту статью.

Помню переполненный зал Дома Маяковского. Все растеряны, напуганы. Кого будут казнить? Кто окажется искупительной жертвой? Вполголоса, оглядываясь, произносят имена Эйхенбаума, Шкловского, Тынянова — почтенных, признанных «формалистов». Не подсказать бы их имен очередному палачу, которых — увы! — немало объявляется.

Пришел на собрание и Добычин. Так же, как и все, недоумевающе пожимая плечами, поболтал со знакомыми и скромно занял место среди публики.

И никогда никому не могло прийти в голову то, что произошло вслед за этим.

Не помню, кто выступил первым. После двух-трех общих фраз оратор сразу назвал имя намеченной жертвы.

Это был Л. И. Добычин. Его книги «Портрет», «Город Эн.»...

И страшные, заранее подготовленные обвинения обрушились на несчастного автора, выступавшие обвиняли Добычина во всех непростительных грехах того времени.

Один за другим все выступавшие продолжали громить этого чуждого им, непонятного человека. Что же, при желании можно разгромить кого угодно...

Мертвая тишина воцарилась в переполненном зале, изредка прерываемая испуганным шепо-

Леонид ДОБЫЧИН

ПОЖАЛУЙСТА

Ветеринар взял два рубля. Лекарство стоило семь гривен. Пользы не было.

— Сходите к бабке,— научили женщину,— она поможет.— Селезнева заперла калитку и в платке, засунув руки в обшлага, согнувшись, низенькая, в длинной юбке, в валенках, отправилась.

Предчувствовалась оттепель. Деревья были черны. Огородные плетни делили склоны горок на кривые четырехугольники.

Дымили трубы фабрик. Новые дома стояли — с круглыми углами. Инженеры с острыми бородками и в шапках со значками, гордые, прогуливались. Селезнева сторонилась и, остановясь, смотрела на них: ей платили сорок рублей в месяц, им — рассказывали, что шестьсот.

Репейники торчали из-под снега. Серые заборы нависали.

— Тетка, эй,— кричали мальчуганы и катились на салазках под ноги.

Дворы внизу, с тропинками и яблонями, и луга и лес вдали видны были. У бабкиных ворот валялись головешки. Селезнева позвонила. Бабка, с темными кудряшками на лбу, пришитыми к платочку, и в шинели, отворила ей.

— Смотрите на ту сосенку,— сказала бабка,— и не думайте.— Сосна синелась, высунувшись над полоской леса. Бабка бормотала. Музыка играла на катке.— Вот соль,— толкнула Селезневу бабка:— вы подсыпьте ей...

Коза нагнулась над питьем и отвернулась от него. Понурясь, Селезнева вышла.

— Вот вы где,— сказала гостья в самодельной шляпе, низенькая. Селезнева поздоровалась с ней.— Он придет смотреть вас,— объявила гостья.— Я — советовала бы. Покойница была франтиха, у него все цело — полон дом вещей.— Подняв с земли фонарь, они пошли, обнявшись, медленно.

Гость прибыл — в котиковой шапке и в коричневом пальто с барашковым воротником.

— Я извиняюсь,— говорил он и, блестя глазами, ухмылялся в сивые усы.

— Напротив,— отвечала Селезнева. Гостья наслаждалась, глядя.

— Время мчится,— удивлялся гость.— Весна не за горами. Мы уже разучиваем майский гимн.

— Сестры,

— посмотрев на Селезневу, неожиданно запел он, взмахивая ложкой. Гостья подтолкнула Селезневу, просияв.

— Наденьте венчальные платья,
путь свой усыпьте гирляндами роз.

— Братья,

— раскачнувшись, присоединилась гостья и мигнула Селезневой, чтобы и она не отставала:

— Раскройте друг другу объятья:
пройдены годы страданья и слез.

— Прекрасно,— ликовала гостья.— Чудные, правдивые слова. И вы поете превосходно.

— Да,— кивала Селезнева. Гость не нравился ей. Песня ей казалась глупой.— До свиданья,— распростились наконец.

Набросив кацавейку, Селезнева выбежала. Мокрым пахло. Музыка неслась издалека. Коза не заблеяла, когда загремел замок. Она, не шевелясь, лежала на соломе.

Рассвело. С крыш капало. Не нужно было нести пить. Умывшись, Селезнева вышла, чтобы все успеть устроить до конторы. Человек с базара подрядился за полтинник, и, усевшись в дровни, Селезнева прикатила с ним.

— Да она жива,— войдя в сарай, сказал он. Селезнева покачала головой. Мальчишки побежали за санями.

— Дохлая коза,— кричали они и скакали. Люди разошлись. Согнувшись, Селезнева подтащила санки с ящиком и стала выгребать настилку.

— Здравствуйте,— внезапно оказался сзади вчерашний гость. Он ухмылялся, в котиковой шапке из покойницыной муфты, и блестел глазами. Его щеки лоснились.— Ворота у вас настежь,— говорил он,— в школу рановато, дай-ка, думаю.— Поставив грабли, Селезнева показала на пустую загородку. Он вздохнул учтиво.— Плачу и рыдаю,— начал напевать он,— едва вижу смерть.— Потупясь, Селезнева прикасалась пальцами к стене сарая и смотрела на них. Капли падали на рукава. Ворона каркнула.— Ну, что же,— оттопырил гость усы.— Не буду вас задерживать. Я, вот, хочу прислать к вам женщину: поговорить.

— Пожалуйста,— сказала Селезнева.

ХИРОМАНТИЯ

Петров с наслаждением вдохнул продушенный воздух и, сосчитав ожидающих, сел. Ладислас извинился, отлучился от бреемого и задвинул задвижку.

— Я успел,— посмеялся Петров и подумал, что это к хорошему.

Парикмахеры брили в молчании — устали, спешили и не отпускали учтивостей. Звякали ножницы. Рождество наступало. Колокола были сняты и не гудели за окнами. «Пи»,— басом пищал иногда и, тряся улицу, пробегал грузовик.

Петров не читал. Он просматривал. Он уже изучил эту книгу с изображенными на каждой странице ладонями. Он кончил ее вчера вечером, и, закрыв, присел к зеркальцу, и вспомнил стишки, которые когда-то разучивал в школе:

Исполнен долг, завещанный от бога
мне, грешному.

Подбритый и подстриженный, он вышел. Он благоухал. Усы, бородка и завитушки меха на углах воротника покрылись инеем. Высокая луна плыла в зеленом круге. Жесткий снег переливался блестками. Как днем, отчетливы были афиши на стенах. Петров уже читал их: показательный музей «Наука» с отделениями гинекологии, минералогии и Сакко и Ванцетти снизил цены.

Маргарита Титовна жила недалеко. Петров смеялся. Как всегда, она шмыгнет в другую комнату, мать будет ее звать, она придет, зевая и раскачиваясь, и состроит кислую гримасу. Не смущаясь, он задержит ее руку, повернет ладонью вверх, прочтет, что было и что будет, кого надо избегать. Она заслушается... «Маргарита Титовна»,— пел мысленно Петров, ликуя и покачивая станом.

Громко разговаривая, пробежали под руку два друга в финских шапках.

— Я ей сделал оскорбительное предложение,— услыхал Петров,— она не согласилась.— Он задумался: она не согласилась — предзнаменование, пожалуй, неблагоприятное.

И правда: Маргариты Титовны не оказалось дома.

— У музей ушодчи,— посочувствовала мать.— Ко всенощной теперь не мода,— посмеялась она.

— Да,— вздохнул Петров.

том: кто это Добычин? Он здесь? Где? Большая часть публики не знала его в лицо.

Перепуганные, смятенные, все слушали чудовищные обвинения, не решаясь выступить в защиту Добычина. Зловещие предчувствия уже носились в воздухе...

Бледный, дрожа как в ознобе, сидел Леонид Иванович среди незнакомых ему людей, украдкой бросавших испуганные взгляды на несчастную жертву. Уголки его рта скорбно свисали вниз, он трещал пальцами рук, сжатых между колен.

Последним выступил один из писателей, обретших славу до революции, но недавно во всеуслышанье признавший Советскую власть и вернувшийся из эмиграции. Он уселся на эстраде и равнодушно, снисходительно начал судить Добычина. Судил с сознанием своей значительности, своего таланта, не пытаясь скрыть чувства превосходства перед мелкотой, послушно, вытянув шеи, сидящей под ним на стульях. Помню, он говорил: «Все начинается с того, что Федин, сидя под зеленым абажуром у своего письменного стола...»

Ему почему-то понравился образ Федина, сидящего у стола под зеленым абажуром, и он снова повторил: «И вот, сидя под зеленым абажуром, Федин услышал о некоем Добычине...»

И вескими, падавшими, как обвинительный приговор, словами мэтр легко уничтожил и растоптал Добычина. Потом любезно предложил ему выступить, встал и ушел. И, вероятно, тотчас же забыл о нем...

Да и читал ли он Добычина?

Один Михаил Слонимский не выдержал. Взволнованно пытался он объяснить, доказать, что обвинения подобного рода не относятся к Добычину. Что никакого формализма в сочинениях его нет, что пишет Добычин просто, понятно, отчетливо выражая свои мысли и рисуя образы. Но защита Слонимского потонула под лавиной обвинений...

В зале было так напряженно и жутко тихо, что никто не шелохнулся.

Леонид Иванович встал, протиснулся вдоль тесного ряда стульев, добрался до прохода и, не поднимаясь на эстраду, повернулся лицом к публике. Глухим, дрожащим и прерывающимся голосом он сказал, что не понимает, чем он заслужил такие обвинения, что никогда ни о каком формализме у него и мыслей не было, что писал он всегда только так, как умел. Больше он говорить не мог, судорожно заломил руки и, опустив голову, стремительно вышел из зала.

Ни один человек не встал и не побежал за ним.

Растерянные, подавленные, угрызаясь своим малодушием, уходили мы с собрания.

Был ясный, холодный апрельский вечер. Уже смутно предчувствовалось приближение белых ночей. Мы с Николаем Корнеевичем не сразу пошли домой. Взбудораженные, мы долго ходили по пустынным улицам, толкуя о происшедшем. Несправедливость обвинений казалась нам вопиющей.

Дома в кроватках мирно спали дети.

И вдруг я остро почувствовала невыразимое одиночество Леонида Ивановича.

— Знаешь что? Я позвоню ему! — воскликнула я.

— Но ведь уже час ночи! Поздно! — сказал Николай Корнеевич.

Но я все же позвонила. Леонид Иванович сразу подошел к телефону. Похоже, что он еще не ложился.

— Леонид Иванович! Милый! Не горюйте! Все, как всегда, образуется! Будьте бодры и завтра, как обычно, приходите! Придете? Да?

— Спасибо. Непременно приду. Я в полном порядке! Спокойной ночи!

И знакомый клекот-смех раздался в трубке.

Но он не пришел.

Не пришел ни завтра, ни послезавтра.

Но ведь это могло быть случайностью?

Позвонили — дома его не оказалось. Бог мой! Да разве он обязан сидеть все время дома? Мало ли куда он вышел!

Ни у кого из друзей он за эти дни не появлялся.

Словно предчувствуя недоброе, мы отчаянно беспокоились.

А через два дня, вытаскивая утром почту из ящика, я вытащила конверт, надписанный знакомым почерком.

«Дорогой Николай Корнеевич,— писал Добычин.— В «Красной нови» должна быть напечатана моя вещь. Я послал туда распоряжение, чтобы гонорар был выслан Вам. Пожалуйста, израсходуйте его следующим образом.

(И шел перечень его мелких долгов.)

А меня не ищите — я отправляюсь в далекие края.

Ваш Л. Добычин».

Мы бросились звонить его друзьям. Никто о нем ничего не знал...

Сообщили в Союз писателей. Там «приняли к сведению», пообещали «навести справки».

А вскоре пришло письмо от его матери из Брянска.

«Слыша о Вашем дружеском отношении к моему несчастному сыну, умоляю сообщить, что Вы знаете о нем,— писала она.— Я получила от него посылку, в которой были кое-какие вещи и военный билет...»

Все розыски — да кто производил их в то неясное, тревожное время! — оказались безрезультатными.

Вот и вся горестная история несчастного Добычина. Он сгинул безвозвратно и навсегда...

А его книги? С тех пор они ни разу не переиздавались. Редкие сохранившиеся экземпляры— раритеты. И еще сохранилась в нашем альбоме маленькая фотография Леонида Ивановича. Кепочка, печальные невыразительные глаза, прикрытые стеклышками пенсне, трагически опущенные уголки рта...

Апрель 1965 г.— ноябрь 1974 г.

— Мышь одолела,— занимала его мать беседой.— Я на крюк в ловушке насадила сало: уж теперь поймается.

— Поймается,— похохотал Петров.

Шаги визжали. Провода и ветви были белы. Церкви с тусклыми окошками смотрели на луну. Музей сиял. Прелестные картины, красные от красных фонарей, висели возле входа. Умерла болгарка, лежа на снегу, и полк солдат усыновляет ее дочь. Горилла, раздвигая лозы, подбирается к купающейся деве: «Похищение женщины». Петров шагнул за занавеску и протер очки.

— Билет,— потребовал он, посучил усы и тронул бороду и хиромантию, выглядывавшую из кармана.

ОТЕЦ

На могиле летчика был крест — пропеллер. Интересные бумажные венки лежали кое-где. Пузатенькая церковь с выбитыми стеклами смотрела из-за кленов. Липу огибала круглая скамья.

Отец шел с мальчиками через кладбище на речку. За кустами, там, где хмель, была зарыта мать.

— Мы к ней потом,— сказал отец,— а то мы опоздаем к волнам.

Заревел гудок.

— Скорее,— закричали мальчики.

— Скорее,— заспешил отец. Все побежали. Над калиткой стоял ангел, нарисованный на жести и вырезанный. Второпях забыли постоять и, подняв головы, полюбоваться на него.

Сбегали по тропинке, и гудок опять раздался.

— Опоздаем,— подгонял отец. Сердца стучали, в головах отстукивалось.

Сбрасывая куртки, добежали и, вытаскивая ноги из штанов, упали на землю: успели. Справа тарахтело, приближался дым, нос парохода, белый, показался из-за кустиков. Вскочили, заплясали, замахали шапками. Величественный капитан командовал. Шумело колесо, шипела пена, след в воде кипел. Присели, потому что с палубы смотрели женщины, и, глядя на них боком, сжали себе руки коленями.

— Шлеп,— набежала первая волна.— Скорей! — все бросились. Река была, как море.— Ух,— кричали люди и подскакивали.— Ух,— кричал отец, держа мальчишек на руках и прыгая.— Ух, ух,— кричали они, обхватив его за шею, и визжали. Волны кончились. Отец, гудя по-пароходному, ходил в воде на четвереньках. Мальчуганы ездили на нем. Потом он мылся, и они по очереди терли ему спину, как большие. Выпрямляясь, он осматривал себя и двигал мускулами: вечером он должен был отправиться к Любовь Ивановне. Он думал: «Но зато я неплохой отец».

Назад шли медленно.

— А то купание,— говорил отец,— сойдет на нет.— Взбирались по тропинке долго. Обдували одуванчики и обрывали лепестки ромашек. Оборачивались и смотрели вниз. Коровы шли по берегу, отсвечиваясь в речке. Иногда они мычали. Огоньки зажглись у станции и переливались. Солнце село. Звезд еще не видно было. Ангел над калиткой потемнел.

— Вы подождите здесь,— сказал отец у липы.— Я приду.— Они уселись, сняв картузики, и взялись за руки. Пищал комар.

Кусты сливались, черные. Верхи крестов высовывались из них. Хмель светлелся. Здесь отец остановился и стоял без шапки. Он зашел по поводу Любови Ивановны и мялся: как и что сказать?

А мальчуганам было страшно. Мертвые лежали под землей. В разбитое окошко церкви кто-нибудь мог выглянуть, рука могла оттуда протянуться. Стало хорошо, когда пришел отец.

Приятно было идти улицами, мягкими от пыли. Фонари горели кое-где. Ларьки светились. Во дворах хозяйки разговаривали с чинными коровами, пришедшими из стада. В городском саду пожарные отхватывали вальс. Отец купил сигару и два пряника. Молчали, наслаждаясь.

ЛЕКПОМ

Человек сошел с поезда, вытащил зеркальце и огляделся. К нему подбежала дожидавшаяся возле звонка телеграфистка.

— Фельдшер? — спросила она и стояла, как маленькая, смотря на него. Он поднял брови, соединявшиеся на переносице, и взглянул снисходительно.

— Лекпом,— поклонился он.

Идти было скользко. Он взял ее под руку.

— Ах,— удивилась она.

Фонтанчик у станции был полон, и брызги летели по ветру за цементный бассейнчик.

— Сюда.— С трех сторон темнелись сараи, рябь пробегала по лужам. Через лед сквозила трава. Взбежали по лестнице, в кухне сняли пальто и повесили их на дверь.

В комнатке было тепло. Мать дышала за ширмой.

— Разбудить? — заглянув туда, вышла на цыпочках телеграфистка.

— Нет,— помахал он галантно руками.— До поезда долго, пусть спит.— Оборачиваясь, она выкралась в кухню и стала греметь самоваром.

Цикламен цвел в горшке. Лекпом нюхал. Под окном шла дорога, валялась солома. За плетнем лежал снег, из снега торчала ботва.

Пили чай и тихонько говорили про город.

— Интересная жизнь,— восхищался лекпом,— Мери Пикфорд играет прекрасно.

Он смотрел на огонь и, чуть-чуть улыбаясь, задумывался. Брови были приподняты. Волосок, не захваченный бритвой, блестел под губой.

Перешли на диван и сидели в тени. Печка грела. Самовар умолкал и опять начинал пищать.

— Женни Юго брюнетка,— заливался лекпом и сам же заслушивался.— Она — ваш портрет.

Поджав ноги и съежившись, телеграфистка молчала. Глаза ее были полузакрыты и темны от расширившихся, как под атропином, зрачков.

— Вас знобит,— присмотрелся лекпом.— Вы простудились. Весна подкузьмила вас.

— Нет, я здорова,— сказала она и застучала зубами,— может быть, форточка.

Он оглянулся и повертел головой:

— Закрыта. Наденьте пальто. Я вам дам потогонное. Надо беречь себя, одеваться, как следует, перед выходом из дому есть.— Она встала и начала мыть посуду, стукая о полоскательницу. Лекпом поднялся, прошелся на цыпочках, взял со столика ноты, посмотрел на название и замурлыкал романс. Мать проснулась.

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Размышления рядового болельщика

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
собкор. «Огонька»

У каждого болельщика есть своя заветная команда. Мои футбольные симпатии, например, долгое время были отданы фрунзенскому ЦОРу — удивительному коллективу, установившему в 1983 году впечатляющий рекорд. За сорок игр, проведенных в седьмой зоне второй лиги чемпионата СССР, киргизские мастера кожаного мяча сумели не одержать ни единой победы и лишь четырежды согласились на ничью!

Сражаясь с такими грандами мирового футбола, как «Шахриханец» из Шахрихана, «Амударья» из Нукуса, «Хорезм» и т. д., фрунзенцы тем не менее ухитрились забить в их ворота аж 15 мячей, пропустив в свои всего 141 и отстав от победителя зоны на каких-нибудь 63 очка. И это был далеко не случайный успех — в предшествующие годы ЦОР столь же решительно штурмовал вершины турнирной таблицы, и, полагаю, лишь утомительная среднеазиатская жара помешала ему достичь заветного максимума — проиграть все сорок игр подряд.

Вас смущает слово «успех»? А вы попробуйте переверните турнирную таблицу чемпионата СССР с ног на голову. Поменяйте минус на плюс, сосчитайте поражения за победы, пропущенные мячи за забитые — и тогда сами убедитесь, сколько у нас поистине замечательных в этом плане коллективов.

Ну ладно, как водится, нашлись завистники, и в конце концов расформировали перспективную команду из г. Фрунзе. Но покачнувшееся было знамя тут же подхватил «Чкаловец» из четвертой зоны, не оставивший своим соперникам надежды даже на ничью. Лишь дважды в первенстве 1984 года тем удалось склонить бескомпромиссных чкаловцев к перемирию, и два очка, добытых за сезон, чуть-чуть омрачили настроение лидера.

В 1985 году бочку с пальмой перехватил алмаатинский СКИФ из восьмой зоны — четыре ничьи, двадцать восемь поражений в тридцати двух играх. В 1986 году...

Впрочем, ей-богу, рекомендую: займитесь статистикой сами. Увлекательнейшее занятие! Рассматриваемый в этом ракурсе чемпионат приобретает неожиданную психологическую остроту, динамичный, напряженный сюжет.

Ведь это уму непостижимо, как надо любить друзей-соперников, чтобы из года в год, презрев условности, раздаривать им самое дорогое, что есть в футболе,— очки. А какую самобытную игру надо показывать, каких бойцов воспитать, чтобы на каждый забитый мяч отвечать девятью пропущенными!

Приятно, что и в моем родном городе появилась наконец команда, способная повести серьезную борьбу за последнее место в любой зоне. Болельщики с довоенным стажем помнят, как блистало некогда на всесоюзной арене знаменитое ленинградское «Динамо». Но «пришли честолюбивые дублеры», благополучно спланировали из высшей лиги в первую, вторую, вошли во вкус и устремились почти что в Англию, где, говорят, существуют и третий, и четвертый, и даже пятый дивизионы.

Мы до этого пока не доросли, и у нас дальше второй лиги ехать особо некуда. Появились, правда, панические слухи, что динамовцев за успехи, добытые в последних двух сезонах, либо разгонят, либо премируют новым тренером, но слухи не подтвердились. Тренера (Г. Бондаренко) было «попросили», но вернули вскоре обратно, из чего следует заключить, что достигнутое не предел.

Признаться: однажды нетактично поинтересовался у игроков, что чувствуют они, проигрывая могилевскому «Днепру» со счетом 1 : 8. Есть же такие понятия, как спортивная честь, честь своего знаменитого на весь мир города. А мне ответили:

— С кем не бывает. Вон даже московский «Спартак» на своем поле как-то ростовчанам 1 : 6 залетел.

— Но собрался и снова, в который раз подряд, стал серебряным призером!

— А что,— засмеялся кто-то из ребят,— мы тоже за «серебро», за предпоследнее место в своей зоне воюем!

Вот тогда-то я и догадался перевернуть таблицу чемпионата вверх ногами.

А иначе, право, тошно на нее смотреть. Десятки команд, тысячи молодых здоровых парней, сотни наставников — а результат? Который год кормят нас оптимисты, руководящие отечественным футболом, обещаниями счастливых перемен, но ни перемен, ни стабильной игры, ни сколько-нибудь заметных успехов на международной арене нет и не предвидится. Ибо киевляне (низкий поклон им за минувший сезон) весь возок на себе не потянут, а впрячься рядом с ними почти некому — слишком уж быстро гаснут вчерашние лидеры, не подтверждая закономерность одноразового своего чемпионства ни классом, ни волей.

Причин тому в различных дискуссиях называлось немало, но лишь в последнее время вслух коснулись главной — обмана, на котором замешаны глиняные ноги нашего футбольного колосса.

Нет, я не имею в виду так называемые «договорные» матчи, странные судейские «ошибки» и прочие сопутствующие главному злу явления. А главным считаю ржу, начинающую разъедать юную душу мальчишки с той проклятой минуты, когда чистейшую радость от игры в мяч замутит первая шкодливая мыслишка насчет того, что он, помимо радости, еще «может с этого дела иметь».

Не сама, ох не сама приходит она в голову: сначала радужные материальные перспективы нарисует перед талантливым пареньком родной тренер, потом ставки повысит заезжий селекционер — и, глядишь, годам к шестнадцати, еще не имея толкового футболиста, мы уже располагаем не по летам расчетливым дельцом, размышляющим не о чести, совести и прочих невесомых субстанциях, а о том, где больше дают и лучше платят.

Да и как иначе, если с первых шагов его приучают к нахлебничеству, заглазно зачисляя в шахтеры, металлурги, нефтяники, щедро оплачивая незамысловатые пока финты житейскими благами, о которых тот же шахтер, металлург, нефтяник может только мечтать. Квартиры, машины, зарубежные поездки, вольная жизнь на неутомительных сборах у теплого моря — ах, как все это ласкает юное самолюбие, возвышает над серой толпой тех, кто годами стоит в очереди на жилье, телефон, машину, а поездки за рубеж и отдых у моря оплачивает из собственного кармана.

Постепенно, исподволь калечит нравственность вчерашнего юниора сознание собственной исключительности, особого расположения судьбы, подарившей ему непыльную участь защищать «спортивную честь» тех, кто трудится в пыли. Неважно, в какой именно — угольной, дорожной, заводской,— лишь бы платили своему «защитнику» как следует. А плохо заплатят — пыль можно и заменить.

Разумеется, я далек от мысли обвинять в рвачестве всех ребят, всерьез примеривших бутсы. Но будем справедливы: какой инженер, рабочий имеет в 20—25 лет от жизни столько, сколько успевает невесть за какие заслуги перед Отечеством получить его сверстник, связавший свою судьбу с зеленым полем!

Блага эти выглядят справедливыми, если речь идет о талантах вроде Яшина, Блохина... Но талантов за последние двадцать лет нам не удалось наскрести хотя бы на одну приличную сборную.

Что же остальные?

Остальные рассуждают здраво: мало родиться с задатками Блохина, им еще надо стать. Стать путем каторжной работы над собой, отказа от большинства мирских соблазнов, которых именно сейчас и хочется. Так нужно ли от них отказываться, если все свои запросы можно удовлетворить без особых усилий, спокойно окопавшись в каком-нибудь не шибко привередливом насчет

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

турнирных успехов клубе с прочной материальной базой и заботливыми шефами.

И вот, занимая дефицитные места в самолетах, мечутся из одного конца немаленькой нашей страны в другой «мастера», мастерство которых не способно привлечь зрителей на трибуны своих, а тем паче чужих стадионов.

Чего ради? Кому нужны эти, по сути, никого, кроме самих себя, не представляющие команды, ухитряющиеся не оправдывать даже квасной (кумысный, виноградный, хлопковый и т. д.) патриотизм своих меценатов?

Что за нелепое занятие выдумали мы для тысяч и тысяч молодых, полных сил парней, которых так не хватает в цехах, на полях и стройках?

Им нравится играть в футбол? Кто же мешает: собрались, купили мяч, нашли поляну и бегайте на здоровье.

Ах, они считают это занятие своей профессией! Так ведь нет у нас такой. Футбол-то в стране сугубо любительский, ни корысти, ни стяжательству неподвластный, и духом от него веет исключительно олимпийским.

Разве не так? Так, во всяком случае, нас еще недавно на полном серьезе убеждали. Хотя и чудику было ясно, что у человека, честно отработавшего полновесную смену под землей, за штурвалом комбайна, возле мартена, на «большой спорт» с его неимоверными нагрузками, постоянными разъездами ни сил, ни времени не остается.

Показателен в этом плане так называемый армейский футбол. Ну кто объяснит мне, почему, на основании каких законов одни призывники должны мерзнуть в карауле, месяцами нести вахты в глубинах далеких океанов, рисковать собой под пулями, а другие в несравненно более комфортных условиях отбывать два года в одном из многочисленных СКА? Ведь в Конституции СССР, Основном Законе для каждого из нас четко сказано: «Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР — почетная обязанность советских граждан». Служба, не игра!

Однако волею обстоятельств мы настолько привыкли ко всякого рода мимикрии, что уже и не задумываемся над тем, отчего люди, по сути, обязанные учиться военному ремеслу, охранять правопорядок, тренировать наших детей, в общем — заниматься именно тем, что записано в их трудовой книжке,— занимаются футболом?

Двусмысленность их положения очевидна, а любая двусмысленность всегда чревата искривлениями морали. Вот уж чего-чего, а примеров такого рода всенародно любимая игра дала нам куда больше, нежели трофеев, добытых хотя бы в европейских турнирах. Ворошить их лишний раз не буду, хотя мне, честно говоря, не понятна та боязнь, с которой мы до сих пор «стесняемся» называть некоторые вещи своими именами. Взять, к примеру, столь обтекаемую формулировку, как «договорные матчи». Увы, не только взаимная симпатия, но и десятки тысяч, перекочевавшие в карманы подкупленных игроков, судей, нередко стоят за ними. Ну, как говорится, «не пойман — не вор». А ловил ли кто взяточников хоть раз так, как их положено ловить,— с помощью милиции?

Болезненная для ведомственного самолюбия тема эта всегда вызывает глухое ворчание со стороны функционеров от футбола: критиковать, мол, легко, а попробуйте, докажите факт сговора! Хотя сами же и доказали это, публично обвинив не одну — сорок команд высшей и первой лиги в непорядочности, соглашательстве во имя своих корыстных целей. Как же иначе понимать пресловутый «лимит» на ничьи? Уж сколько лет ему от роду, а отменить боязно, ну как беззубые наши чемпионаты и вовсе превратятся в фарс, когда чемпионов и аутсайдеров впору выбирать тайным голосованием.

И что самое печальное — никто из игроков, тренеров не обиделся на это оскорбление, не сложил с себя футбольные доспехи в знак протеста. Неужто так сладка футбольная жизнь, что ради нее мужчине можно проглотить любую обиду? Куда там... Не жизнь — каторга, если верить сетованиям игроков на газетных страницах. И травмы их преследуют, и будущее неясно, и условия существования оставляют желать лучшего.

Читаешь и диву даешься: да кто же вас на этой каторге неволит? Идите работайте, учитесь, живите, как все. Ну, например, как те медсестры, что смазывают ваши царапины йодом, имея в месяц 90 рублей. Со всеми вытекающими из этой суммы перспективами.

Не идут. Более того, всерьез заговорили сейчас о пенсиях, которые хотели бы получать лет с 35, после завершения спортивной карьеры. По аналогии с артистами балета.

Да за что, ребята? Разве можно сравнить заслуженную мировую известность, авторитет нашего балета с вашими скромнейшими результатами? Ну, а что до пота, пролитого на тренировках, то, поверьте, не меньше проливают его те, кто крутит баранку на смертельно опасных трассах Памира, добывает руду, варит сталь.

...Однако перечитываю написанное и вижу за своими строчками этакого желчного, возможно, даже пузатого брюзгу, огорченного завистью к чужой красивой жизни.

Поверьте, я совсем другой! Не желчный, не пузатый, не завистливый. И о футболе сужу не только как зритель. Вот уже двадцать лет дважды в неделю выхожу на поле и полтора-два часа в любую погоду добровольно изнуряю себя вместе с коллегами-журналистами, столь же фанатично преданными этой прекрасной, изматывающей игре, от которой нам ни славы, ни денег — одни травмы.

С разными командами доводилось встречаться за эти годы. И как бы сильны они ни были (по нашим любительским меркам), убедился твердо — достойно можно сыграть с любой.

У профессионалов мерки, конечно, пожестче. И все-таки беру на себя смелость утверждать, что нет среди самых расхваленных зарубежных чемпионов таких супермастеров, перед которыми нашим ведущим клубам, сборной заведомо следовало бы вставать на колени.

Однако сдаются. Сдаются порой, еще и не добравшись до настоящих лидеров, на самых дальних подступах к пьедесталу почета. И ладно бы просто оступились раз-другой — мяч-то круглый, всякое случается. Но какой престижный турнир ни возьми, какой ключевой матч в нем ни вспомни — проигрывают его наши.

Сидишь у телевизора, смотришь, как в очередной раз «волнуются наши молодые игроки, непростительно ошибаются опытные», и орать хочется от обиды: ну проснитесь же, проснитесь, мужики! Имейте совесть — миллионы на вас смотрят, надеются, верят.

А «мужики», словно рыба сонная. И сон этот поистине золотой, ибо нынешнее наше огорчение, испорченное настроение «отольются» завтра народному хозяйству ощутимым убытком.

Но кто конкретно считает эти недоданные станки, машины, тонны нефти, кубометры газа? Уж, во всяком случае, не футболисты, смолоду привыкшие, приученные только брать.

А когда же отдавать-то будем? Когда о гордости вспомним, о том, что любой матч у любого Марадоны можно выиграть, вырвать, выцарапать, если упереться, не пожалеть себя в решительные минуты, выложиться до кровавой пелены в глазах.

Однако мало кому из нынешних игроков нужны такие страсти. Страсти — это из истории, когда некоторые даже с открытыми переломами на Олимпийских играх сражались.

И выигрывали! Через боль, через запредельную усталость сражались яростно, до конца, упрямо шли к заветному олимпийскому, европейскому золоту. И ведь не кормила их тогда щедрой грудью заботливая мама по имени «Адидас», не баловала жизнь заморскими турне, а тем более тренировками на зарубежных базах.

Чем же нынешние, по науке выпестованные, по распоследней моде экипированные ребята хуже? Может, забыли, недодали все-таки им какого-нибудь отечественного витамина?

Скорее закормили. Сотворили себе капризного кумира и не знаем теперь, что с ним делать. Хотя окружающая жизнь, обнадеживающие перемены, происходящие в ней, решительный отказ от всяческого вранья, показухи уже дали немало убедительных примеров решения куда более сложных проблем.

И не случайно столь широкий интерес вызвали у болельщиков предложения доктора экономических наук Н. Горелова, кандидата экономических наук В. Галенко и старшего научного сотрудника Г. Громова из Ленинградского финансово-экономического института имени Н. А. Вознесенского.

Ученые высказали идею, которая давно носилась в воздухе: сделать наш футбол хозрасчетным. Не просто высказали — убедительно обосновали ее реальность с научной финансовой точки зрения, предварительно проанализировав огромный статистический материал. (Более подробно об этих предложениях читайте в журнале ЭКО № 11, 1986 г., «Советском спорте» от 18 января 1987 г.)

Но и они, как выяснилось в разговоре, не знали о том, что еще в середине шестидесятых годов была у нас команда, находившаяся на полном самообеспечении. Вот что рассказывал об этом ее тренер М. Якушин:

— Как известно, «Пахтакор» — сельское спортивное общество. Команда в мою бытность там защищала честь колхоза «Кзыл Узбекистон». Его председатель сразу сказал мне: «Товарищ Якушин, колхозной копейки я команде дать не могу, выкручивайтесь сами, как можете, переходите на хозрасчет». Вот и весь разговор. Пришлось мне и моим помощникам стать еще и финансистами. Единственным источником получения денег для команды у нас были сборы с матчей. Вот тут пришлось всем дополнительно подумать о том, как улучшить игру, и каждую встречу проводить на пределе возможностей, а то ведь зрители не пойдут на стадион и касса окажется пустой. Пришлось считать каждую копейку. Достали мы, помню, расписание железнодорожных и авиационных рейсов по всей стране, и я скрупулезно выбирал наиболее короткие, а следовательно, и более дешевые маршруты передвижения. В колхозе специальный счет открыли для команды. На него перечислялись деньги, полученные от сборов с товарищеских и календарных матчей «Пахтакора». Я, как человек въедливый, все это тщательно контролировал. И ничего, обходились, в смету укладывались, дотаций не просили, а в одном сезоне 1966 года даже прибыль имели...

Почему же никого не заинтересовал этот опыт?

Потому что с ним связаны лишние хлопоты. Одно дело получать деньги просто так — за красивые мускулистые ноги и совсем другое — зарабатывать их теми же мускулистыми ногами, руководствуясь старинным русским принципом: «как потопаешь — так полопаешь».

Лопать-то хочется, а вот топать...

И все-таки, надеюсь, придется. Придется беречь, считать каждую добытую потом копейку, носить трусики из отечественного сатина, ездить на тренерские семинары не в Уругвай да Бразилию, а куда билет подешевле — в Саратов, например. И так до тех пор, пока не зашелестят в клубной кассе трудовые червонцы.

Кстати, знаете, сколько их нужно для нормальной жизни клуба высшей лиги? Около полутора миллионов рублей ежегодно! Вот и представьте, как должен будет относиться к своему делу футболист, чтобы завоевать наше с вами расположение, материальным эквивалентом которого и явится эта, а может, и еще более внушительная сумма. Сегодня ее у нас вынимают из кармана не спросясь. А завтра...

Очень хочется, чтобы завтра сбылись наконец мечты думающих, честных специалистов футбола о введении профессионального статуса.

«Это изменило бы прежде всего психологию игроков,— подчеркивает старший тренер московского «Спартака» Константин Иванович Бесков.— Футбол стал бы их узаконенной работой. А в работе недопустимы небрежность, лень, беспечность. Качество же труда футболиста, его отношение к делу нетрудно будет определить и оценить по игре».

И не надо бояться слова «профессионализм» только потому, что оно ассоциируется у нас с чуждыми нравами закордонного спорта. Чужие болячки вместе с ним к нам не пристанут. А вот от многих своих получим хороший шанс избавиться вместе с балластом ленивых, бесталанных игроков и бездарных тренеров, видящих в футболе лишь способ безбедного существования.

В конкурентной борьбе за сердца болельщиков произойдет нормальный естественный отбор тяжелой работой, от которой дармоед всегда бежал как черт от ладана. И которой никогда не боялись настоящие звезды, чей свет согревает нашу душу воспоминаниями о былых победах, дарит надежду на победы грядущие.

Юрий МИХАЛЬЦЕВ

«ГРУЗИЯ-ФИЛЬМ»: УСПЕХ БЕЗ СЕКРЕТОВ

Восхищаясь фильмами Тенгиза Абуладзе, Отара Иоселиани, Эльдара Шенгелая, задумаемся о том, что работы небольшой республиканской студии на протяжении двух десятилетий во многом задают тон нашему современному кино... В чем секрет этого успеха, этого постоянства?

Когда я направлялся в Тбилиси, признаюсь: студия «Грузия-фильм» привлекала меня не только вершинами. О них, особенно теперь, говорят немало. Студия привлекала меня тем, что определяет уровень, что дает точку отсчета.

Встречая интереснейших, увлеченных людей — как бы хотелось, например, подробно рассказать об уникальном опыте замечательного режиссера и педагога М. И. Туманишвили, который воспитывает для студии актерскую смену!—я все же выделил из множества всего две беседы с теми, кто работает сегодня для будущего.

Резо Эсадзе — художественный руководитель объединения «Дебют» со дня его основания в 1979 году. В Грузии мне посчастливилось познакомиться со многими талантливыми людьми, которые сумели проявить себя в разных областях творчества. Эсадзе, с его яркой индивидуальностью,— прекрасный, типичный их представитель. Выпускник физико-математического факультета ТГУ, оставленный при кафедре для подготовки диссертации, он вдруг уезжает учиться во ВГИК. Интересный художник, сделавший несколько персональных выставок, Эсадзе к тому же великолепный характерный актер. Он вспоминает слова своего учителя М. И. Ромма, который заметил: «Свои фильмы ты сделаешь только там, откуда приехал. Но как актер можешь быстро получить общее признание».

Да, режиссерские работы Эсадзе имели трудную судьбу. Он глядел на мир широко открытыми глазами и шел вперед, не оглядываясь на осторожных. «Как прекрасно незнание,— говорит он и сегодня.— Как прекрасно, когда человек свободен и смел в своем незнании!»

Эсадзе делает несколько работ на «Ленфильме», но его лента «Любовь с первого взгляда» получает столь резкую оценку руководства, что его на шесть лет лишают права постановки. В тот тяжелый момент на помощь молодому режиссеру и пришел Реваз Чхеидзе. Он не только пригласил его на студию, но и добился, чтобы отснятый материал передали на «Грузию-фильм».

Рассказывает Резо Эсадзе:

— Я был назначен заместителем художественного руководителя первого творческого объединения Тенгиза Абуладзе. Он снимал тогда свой знаменитый фильм «Древо желания». Моя картина вся была изрезана, и мне дали время для того, чтобы ее восстановить.

И вот как-то вызывает меня Резо Чхеидзе. Предлагает выступить на республиканской конференции молодых творческих работников. Мне, человеку, только что лишенному права работать на «Ленфильме». Что мне там говорить? Но он уверен, что я скажу хорошо. О чем? О том, говорит, о чем считаешь нужным.

С 1973 года студией «Грузия-фильм» руководит народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Реваз Давидович Чхеидзе.

Я не мог отказать человеку, который столько для меня сделал, с которым связано все доброе, что происходит на студии. А конференция уже идет, у меня нет даже времени обдумать, что сказать. Врать не хочу, а сказать то, что думаю,— значит опять подвести не только себя, но и Чхеидзе, который мне доверяет...

Идет заседание. Сижу в зале — ничего нет в голове. Уже называют мою фамилию, поднимаюсь на трибуну — в президиуме все наши руководители республики. Поворачиваюсь к залу и вдруг вижу одного молодого, очень одаренного режиссера, который прячется где-то за колонной. Он, помню, долго примеривался на студии — как бы сделать фильм, о котором он мечтал, но из этого ничего не получалось. И вдруг все стало на свои места.

Я сказал: «Сегодня я безгранично счастлив.— Смотрю, в президиуме все расслабились, уверенные, что выступление будет гладким. А я продолжаю:—Сегодня мой сын, Константин Эсадзе, первый раз пошел в детский сад». И я рассказываю, что мы делали, вся наша семья, чтобы этот день превратить в праздник. Мы готовились, старались продолжить праздник за пределами нашей квартиры, даже специально подмели лестницу, вымыли парадное. Но когда мы вышли во двор, как мы ни старались, праздник продолжить было невозможно. Особенно, когда мы дошли до детского сада. И я начинаю размышлять: откуда начинается становление человека, творческой личности? Не поздно ли мы собрались обсуждать наши проблемы?

Вот у меня вместо мечты получались осколки возможного — я имею в виду и картину, и человеческие отношения, без которых не может делаться искусство. И ведь это при том, что у меня оказалось достаточно силы воли. Рядом было много ребят, очень талантливых, но они сдались. Не все могли сразу стать на ноги, это тоже способность. Так происходит ломка характера, художественной природы, а в итоге — безрезультатность нашей работы и, самое главное, колоссальные пустые расходы. Не лучше ли создать особые условия в начале нашего пути — чуть-чуть приближенные для молодого художника к празднику, так же, как наша семья старалась превратить в праздник для моего сына первый день, когда он пошел в детский сад. Не лучше ли вначале истратить какие-то деньги, не рассчитывая на мгновенную отдачу, не ожидая немедленной прибыли? Прибыль будет, но будет позже, и она будет гораздо ценнее для всех нас. Потому что вырастет художник, верящий в свою силу, в силу добра, делающий добро и стремящийся возвратить другим то, что получил сам.

Нам нужно создать объединение «Дебют». Мы все, сидящие в этом зале,— жаждущие люди. Если спросить жаждущего, сколько ему нужно, чтобы напиться, ему покажется мало и океана. Но когда он припадет к роднику, то поймет, что было нужно всего полтора стакана. Давайте дадим друг другу эти полтора стакана чистой воды.

Этим я закончил и ушел... За мной погнались, чтобы получить текст выступления, а у меня его и не было...

Проходит два-три месяца, и вдруг меня ищут по всей студии—срочно к Чхеидзе. «Ты знаешь, что вчера произошло? Нам выделили 440 тысяч для создания молодежного объединения». И тут я вижу, что его удивляет полное мое спокойствие. «Ты что, не понял?» «Понял,— говорю. — Понял, что мир заселен добрыми, умными людьми». Тогда он улыбнулся, встал и обнял меня: «На, возьми это постановление и действуй!..»

Сейчас у нас сделано двадцать пять картин, и из них я могу подписаться под пятнадцатью. У нас такая установка: мы должны молодому режиссеру создать условия для того, чтобы он снял именно то, что он хочет. Не навязывать ему ничего, а понять, с чем он пришел. Помочь в осуществлении того, к чему лежит у него душа. Мы вмешиваемся только тогда, если он сам обратится за помощью. Мы создаем ему максимально удобные студийные условия, чтобы он привык к работе, потому что это производство, это общение с людьми самых разных профессий. Но мы ничем его не связываем. Это переход с ученической скамьи в профессиональное кино. Это очень живое дело, в котором масса загадок, масса возможностей для совершенствования. Но мы с самого начала стремились не превращать «Дебют» в какое-то лабораторное объединение, все делали на глазах общественности, и не только нашей республики, а всего Союза. И это принесло плоды, мы ведь единственное объединение, удостоенное премии Ленинского комсомола.

Вот те, за кого я могу поручиться: Тимур Баблуани, Гедерци Чохели, Нана Джорджадзе — режиссеры, которые уже заявили о себе в большом кинематографе. Отар Латанишвили, Юра Квачадзе, Гобита Чкония, Нана Джанелизде, Нана Дванишвили — их уже много, боюсь кого-то пропустить...

Надо стремиться понять даже того, кто на первый взгляд тебе не по вкусу. Во многих случаях, если бы я сам делал работы, проходившие через объединение, я делал бы их совершенно иначе. Но нельзя исходить из своего вкуса, своей художественной позиции.

Вот вам пример. Я показывал несколько наших картин на «Мосфильме». В зале режиссеры, художники, операторы, сценаристы. Я сижу за пультом. Знаю, что где-то в первых рядах сидит Евтушенко. Начинается фильм «Ирисы берега». Через несколько минут между нами с Евтушенко происходит очень показательный диалог. Евтушенко: «Резо, сценарий существовал?» Я: «Существовал». «Кто-нибудь его понял?» «Никто!» «А утверждали?» «Утверждали». «Кто?» «Директор студии Резо Чхеидзе». «А он понял?» «Нет». «А что же он утверждал?» «Он поверил мне». «А ты понял?» «Нет, почувствовал...»

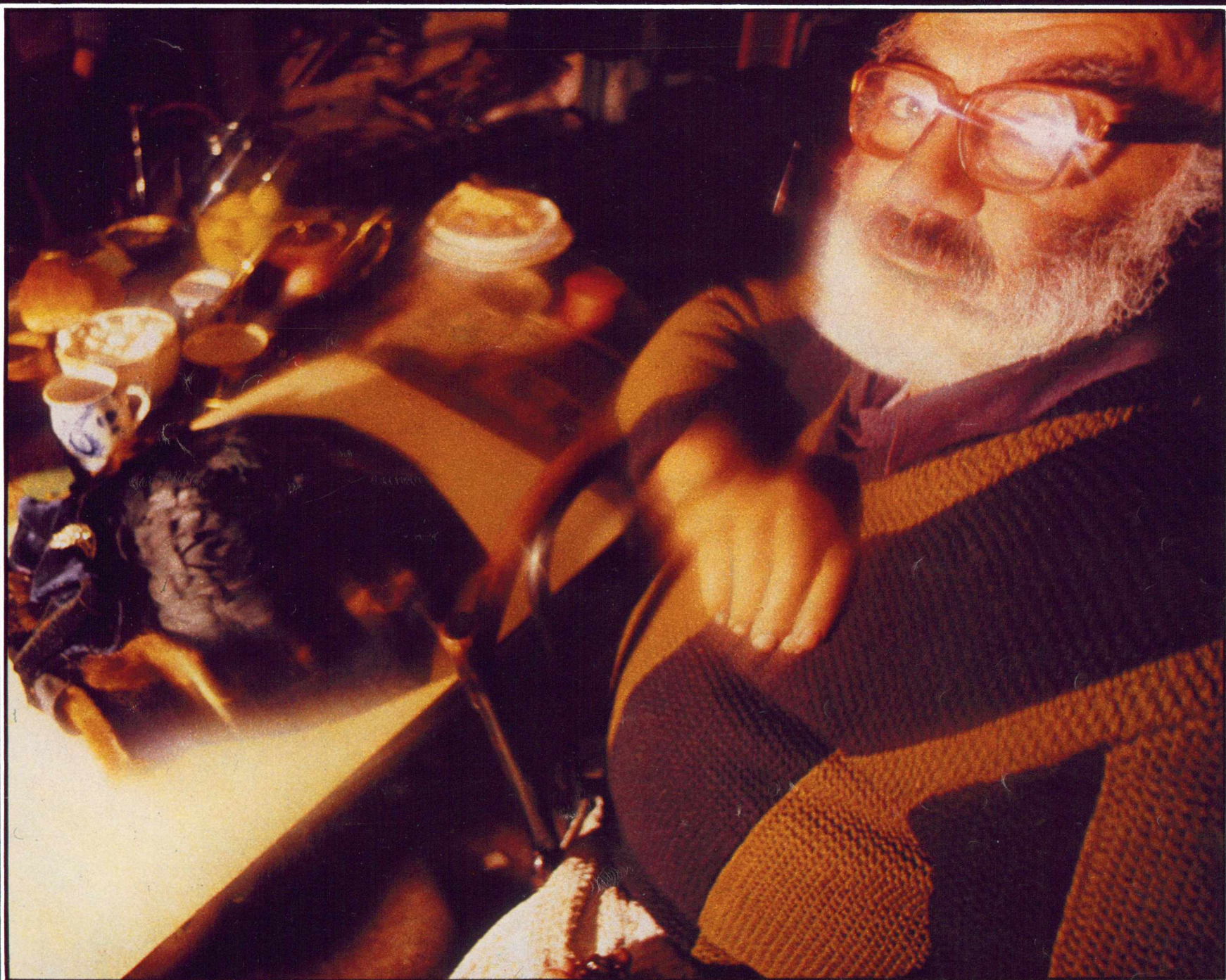
Евтушенко встал, в темноте подошел ко мне, обнял и сел рядом. «Почувствовал» — это очень емкое слово, правда? Этот фильм снял Гобита Чкония, его посылают в Португалию на фестиваль экспериментальных работ... Я, знаете, очень далек от всяких терминов. Вот не понимаю в искусстве ярлыка «экспериментальный». Если это искусство — все эксперимент. А если в нем нет сути, содержания—это сумасшествие...

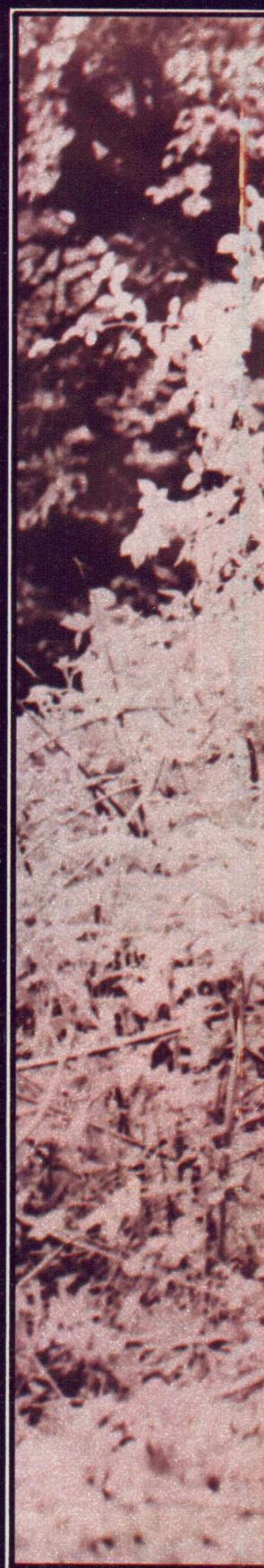
Фильмы самого Резо Эсадзе тоже совсем особые по настроению, очень открытые, беззащитные в своей искренности. «Добром воевать против зла, слепить светом» — вот его любимые заповеди. Очень ироничный к себе, прекрасный рассказчик, Эсадзе вспоминает, что во время демонстрации по Центральному телевидению его фильма «Мельница на краю города» по первой программе транслировали футбольный матч СССР — Голландия. «Я был так рад, что фильм смотрело меньше равнодушных обывательских глаз... Друзья мне потом рассказывали, что Никита Михалков звонил всем знакомым, требовал — переключите!»

Может быть, сегодня мы с большим вниманием отнесемся к его новой работе, фильму «Нейлоновая елка», который снова как-то незаметно проходит по экранам? Хочется обратиться к каждому кинозрителю, сказать: не пропустите, посмотрите этот фильм, он нужен вам, чтобы быть душевно щедрее, внимательнее к тем, кто живет рядом с нами...

— В моем назначении тоже был своеобразный риск,— говорит Реваз Давидович Чхеидзе.— Ведь можно было опасаться, что директор-режиссер будет все мерить по своему аршину, навязывать собственную творческую манеру... И все же получается, что во главе студии удачнее всего работают творческие люди. Так было в свое время на «Мосфильме». Три года Калатозов руководил нашей студией — его вспоминают как лучшего директора.

Знаете, когда мне предложили возглавить студию, я долго отказывался. И одна из причин была та, что мне

Продолжение на стр. 21.

С. Параджанов готовится к новой работе.

Съемки фильма «Они танцуют».

В роли Рыцаря Печального Образа — К. Кавсадзе.

В бутафорском цехе студии куют оружие для Дон-Кихота.

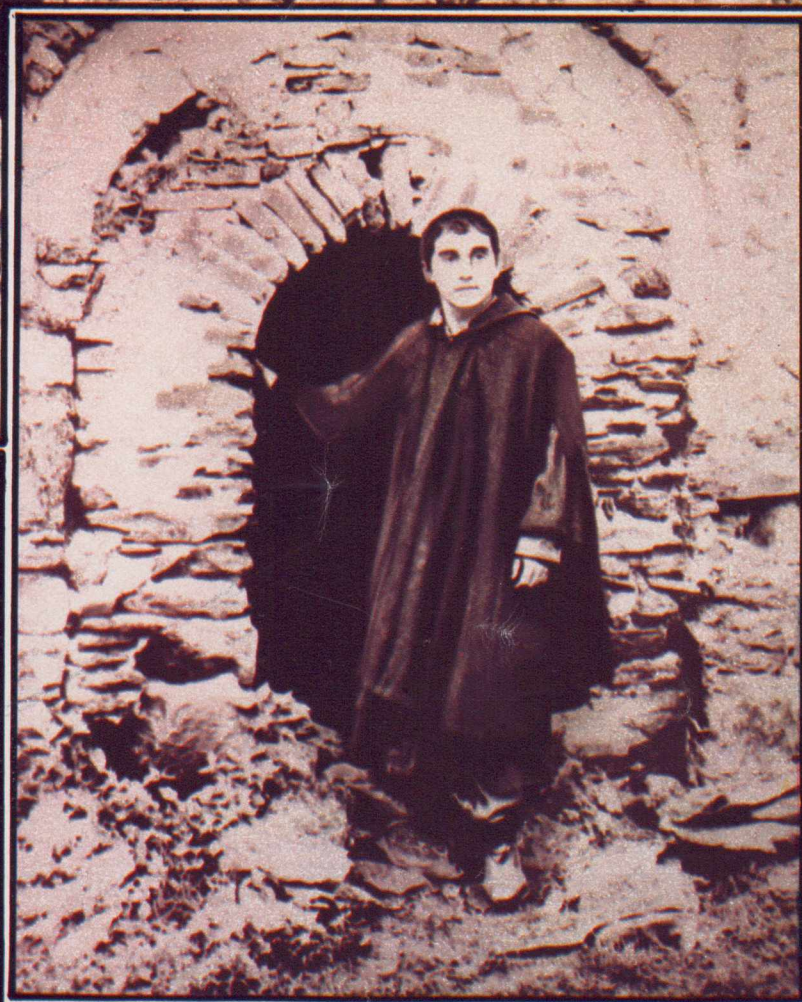
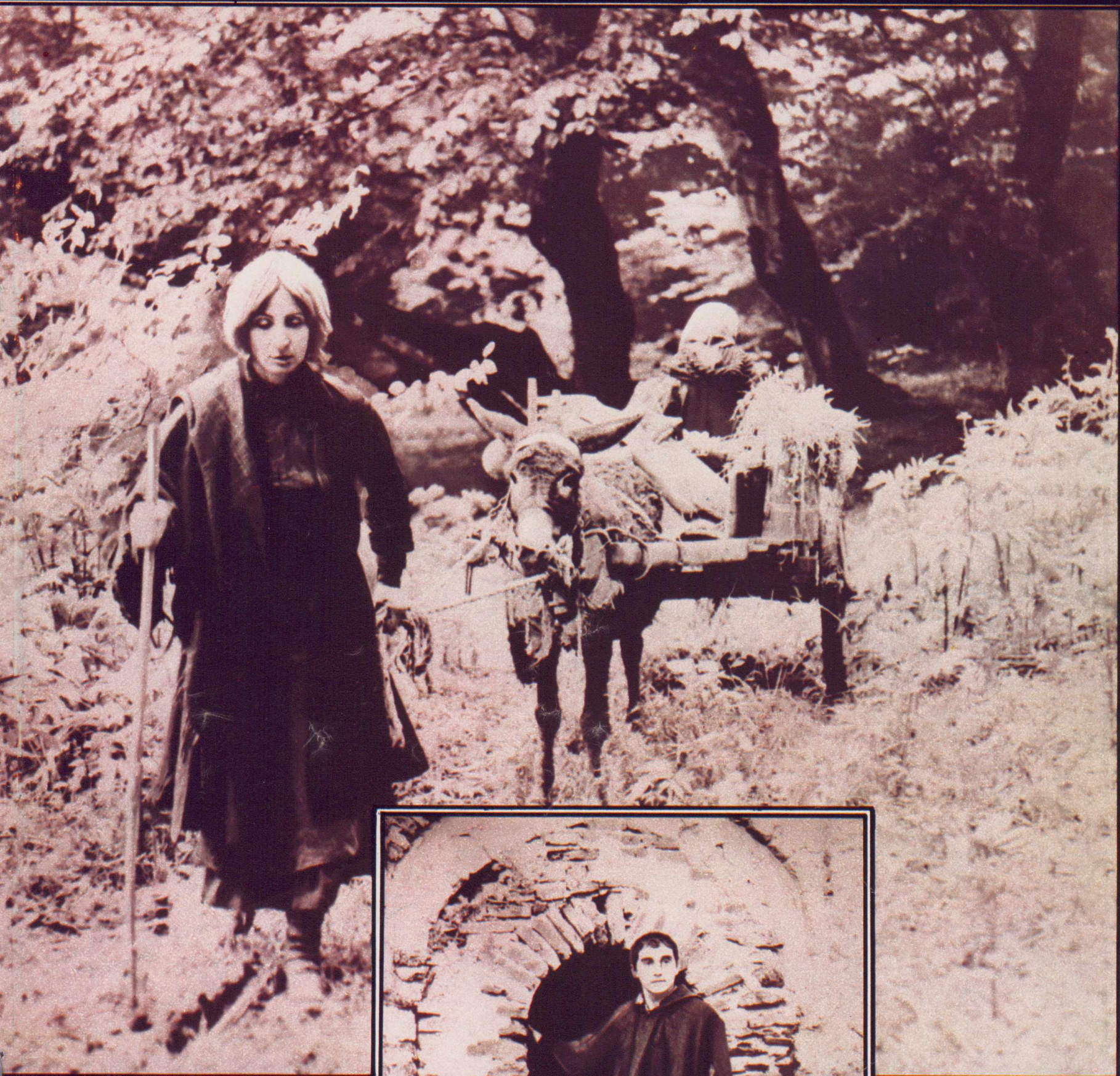
М. Туманишвили ведет репетицию в Театре-студии киноактера.

Фильм режиссера А. Рахвиашвили «Путь домой». В нем снимались артисты З. Кверенчхеладзе и В. Панчулидзе.

Фото Александра ТОМБУЛИДИСА и Игоря ГАВРИЛОВА

Виталий РЕЗНИКОВ

Я УЛЫБНУЛАСЬ БАХУ...

Это было невероятно. Ни глазам, ни ушам своим поверить было невозможно. На сцене стоял рояль, а из-под открытой его крышки в зал неслась такая искренняя и проникновенная музыка, такая живая, трепетная, сердечная, что казалось — пианист не играет ноты, а легким прикосновением к клавишам высвобождает из нот, как из атомов, заключенную в них энергию, которая сразу захватывает твою душу и сердце, и ты осязаешь всеочищающий момент истины — той самой истины, которую являет собой великая музыка. Звучал Скрябин.

Ну, а то, что творилось потом в зале, описывать нет смысла, потому что все сошли с ума от пианиста. Оказывается, ему сейчас всего десять лет, да и вообще это девочка, похожая на всех девочек из вашего двора.

Имя этой девочки — Поленька Осетинская.

Значит, что она сейчас играет: фортепианные концерты Баха, Моцарта, Бетховена, Шумана, Мендельсона, Сен-Санса, Грига, Рахманинова, Шостаковича, Щедрина... Этюды Шопена, Дебюсси, Скрябина. Кое-что Листа и всех других композиторов. Умеет играть джазовые импровизации. Активно сочиняет романсы на стихи Игоря Северянина.

После того, как она мне в частном порядке, конфиденциально сыграла концерт Шумана, концерт Сен-Санса и финал Пятого концерта Бетховена, я не удержался и спросил:

— Откуда ты взялась-то? Ведь так не бывает, чтобы дети допускались до такого репертуара...

— Ой, а я концерты Баха и Моцарта играла в восемь лет.

— Может быть, ты вундеркинд?

— Нет, у меня с математикой плохо.

— Ну а кто же тебя научил так играть?

— Как кто? Папа!

— Он что, профессор консерватории?

— Папа не профессор, он просто папа, и все.

— Но он музыкант?

— Не-ет! Он сценарии пишет для кино. Может быть, видели его фильмы «Взлет», «Звезда пленительного счастья», да у него много фильмов. А какой он про Глинку сценарий написал! «Вальс-фантазия» называется. Я читала и не могла оторваться. Там и про музыку, и про любовь. Почему-то только фильм не снимают.

Полина занялась своей собачкой, а нам самое время заняться папой, ибо, на мой взгляд, практически законченная профессиональная пианистка в десять лет — это его лучший сценарий в жизни.

Недавно журнал «Коммунист» опубликовал беседу с Дмитрием Борисовичем Кабалевским. Вот каким наблюдением он делился: «Дети воспринимают искусство, как солнце, облака, ветер, поле, лес, как улыбку матери... Всю жизнь вожусь с детьми, наблюдаю, изучаю, восхищаюсь, а понять, куда исчезают их творческие способности, не могу. Догадываюсь, что виноваты мы, взрослые (и родители, и учителя-воспитатели), вернее, крепко въевшаяся в наше сознание и в практику система воспитания и обучения по примитивному принципу: это — можно, а это — нельзя; так — правильно, а так — неправильно. То есть, в сущности, дрессировка, а не воспитание. Творчество же начинается там, где во имя создания нового и лучшего переступают привычные табу... Так и научились мы убивать в детях творческое начало уже в дошкольные годы, а о школе и говорить нечего».

Строго, но справедливо.

Итак, что же такое папа юной артистки? Папа — Олег Осетинский — как раз и есть самый что ни на есть злостный нарушитель и яростный сокрушитель того самого воспитательно-педагогического привычного табу. Иногда папу называют сумасшедшим, или, помягче, просто психом. Такова репутация папы в широких и влиятельных музыкально-педагогических слоях. О его склонности писать киносценарии мы уже знаем. Вот некоторые другие склонности: своего неуклюжего от природы племянника он за год делает чемпионом Москвы по боксу; некоторое время Олег Осетинский руководил никому не известным провинциальным рок-ансамблем, пестовал его, мыкался с ним — теперь это известный «Аквариум». Одному парню, который не умел и не хотел петь, он в течение нескольких месяцев поставил голос. Еще скажу о такой мелочи, что Олег Осетинский успешно лечит руки скрипачам и пианистам.

Вот какой, значит, папа достался Поленьке. И вот что думает о случившемся музыковед, теоретик, пианист, редактор сборников по методике преподавания фортепиано, доцент Ленинградской консерватории С. М. Мальцев: «Полина Осетинская — законченный виртуоз. Она была им уже в десять лет. Абсолютная техническая свобода. Поразительное проникновение в суть музыки. Суть методики ее отца замечательна. Просто поражаюсь тому, как он это все смог узнать, быть на уровне самых передовых методик времени — без специального образования, без академического знания теории. Придет время, когда об этом узнают все и будут поражены, каким путем он шел к этому».

Вот мнение кандидата психологических наук, музыкального педагога С. Г. Гребельника: «Его метод держится на трех китах: раннем физическом, умственном и эмоциональном развитии ребенка. Приходишь к выводу, что у Осетинского, виртуозно владеющего основами педагогических знаний, сложилась своя, оригинальная методика, многоосновность которой весьма продуктивно влияет на жизнь и творчество его дочери».

— Это совершенно уникальная, гениальная девочка. На моей памяти — а я много помню — в десять лет так никто не играл. Музыкальность, переживание, культура звука, вкус и непостижимая в этой малютке, поистине «трансцендентная» техника. А как она играет Дебюсси, Скрябина! Поверьте мне, я просто не знаю, кто сейчас в стране т а к играет Дебюсси...— говорит Анна Даниловна Артоболевская, педагог Центральной музыкальной школы, воспитавшая великое множество лауреатов международных конкурсов.

И тем не менее, позанимавшись некоторое время в ЦМШ, Осетинские оттуда бежали. Отец не утруждал себя выбором дипломатических выражений в оценке профессионализма педагогов и методики преподавания вообще. Педагоги, в свою очередь, упрекали отца в дилетантизме, дурном вкусе и грозили позвать милиционера.

— Но знаете, что самое смешное? — Отец Поленьки хитро улыбается сквозь неправильную бороду.— Ребенок одного профессионального педагога занимается по его просьбе у меня. Вслух он меня хает, чтобы угодить начальству, а потом звонит мне и жалобно просит заняться руками его ребенка. Ведь у большинства педагогов...— Олег задумывается.— У них ученики играют только пальцами. А у меня, если Полина играет хотя бы одну ноту, не понимая, зачем она,— мы останавливаемся. Даже при импровизации я запрещаю всякие там стандартные ходы, секвенции, аккорды, если они только от пальцев. Потому что даже при импровизации мысль и фантазия должны быть чуть впереди пальцев.

— Много у вас было концертов?

— Да, были... Я развил у Полины привычку к публичному самосожжению. Артист должен сжигаться — иначе почему он на сцене. Педагогика должна воспитывать гениев — гениев добра, интеллекта, гениев дела, гениев чистой красоты. И не когда-нибудь, а сегодня, сейчас...

Есть данные, что две трети учеников, успешно окончивших музыкальные школы, никогда больше к инструменту не прикасаются. Я не знаю, большая это беда или небольшая. Думаю, что для бывших учеников эта беда не очень большая. А вот музыкальная педагогика могла бы к этому отнестись как к личной трагедии. Почему? Да ведь, выходит дело, две трети счастливчиков из детских музыкальных школ так и не смогли полюбить музыку. Педагог, например, точно знает, как играть Баха: «Только так!» Он точно знает, как играть Моцарта: чтобы обязательно был «мальчик резвый, кудрявый, влюбленный» и больше никакой. И никто не скажет ученику про Баха: «Страстный подъем, выразительность, веселье, смех, нежность, скорбь, молитва, сила...»

Это я вкратце изложил полуторачасовую страстную речь Олега Осетинского, с которой он выступил на кухне в собственном доме.

— Ну хорошо,— говорю,—а как вы, не имея диплома о сносном музыкальном образовании, посягаете на святая святых сложившейся передовой методики, откуда это вам известно, как следует нынче преподавать музыку детям?

— А у Пикуля тоже нет диплома об образовании историка,—парирует мой оппонент.— Не было музыкального образования ни у Бородина, ни у Мусоргского.

— Мм-да... А все же как вы пришли к пониманию своих основ? В чем секрет вашей методики? Наитие, интуиция? Сверхспособность?

— Способности способностями — они у большинства людей имеются. Но на фортепиано играют руками. И этому учат. И учат в основном неправильно, отрывая руки от головы. Пальцы становятся ловкими, а голова пустая. Никаких секретов у меня нет. Я просто изучил, как устроен рояль. Просто изучил, как устроены рука, спина, с точки зрения врача и спортсмена. И просто много лет люблю музыку... Приведу грустный пример... Полина у меня не первая дочь, и это не первый опыт обучения ребенка музыке. Моя старшая дочь от другого брака Наташа в восемь лет была в числе четырех теннисисток — учениц знаменитой Тепляковой. Про Наташу, кстати, писал в 1972 году «Огонек» как про талантливую теннисистку. Она обыгрывала всех своих сверстниц — ныне звезд нашего тенниса. Так вот, однажды жена предложила учить Наташу музыке. Я купил рояль и повел ребенка в музыкальную школу. И ее не приняли. Средние способ-

●

Дирижер Георгий Ветвицкий и Полина Осетинская во время репетиции.

●

Поля Осетинская со своей собачкой Жулькой.

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

ности, плохой слух. Тут уж было задето мое самолюбие — самолюбие человека, который уверен, что при правильной методике способности человека должны развиваться безгранично. И вот я решил взять это в свои руки. Перечитал горы литературы, сам сел за рояль. И начали мы с ней заниматься. Через год Наташин слух признали абсолютным. А через полтора года она поступила сразу в четвертый класс Центральной музыкальной школы.

— А что дальше?

— А ничего... Она благополучно окончила четвертый класс, самостоятельно подготовила программу для экзамена, получила пятерку. А дальше... Мы с женой расстались, и дочь училась без меня... Примерно через полгода я под окном послушал, как она играет,— и заплакал. Все было кончено. Душа оторвалась от пальцев... Полину в чужие холодные профессиональные руки я не отдам.

— Так, значит, педагоги виноваты?

— И педагоги тоже. Но вся беда в методике, а педагоги — ее рабы. Вы не меня, вы профессора Г. Ципина послушайте. Вот что недавно он писал в «Правде»: «Музыкальное воспитание сегодня сводится... к формированию узкоремесленнических умений и навыков... Объектом воздействия педагога становится не сознание, а... пальцы ученика... Пора покончить с сугубо инструктивными учебными программами, этими сухими и мертвенными музыкальными «гербариями».

— И все-таки, Олег Евгеньевич, что же конкретно лежит в основе успехов Полины? Каковы основные принципы вашей методики?

— Да неужели еще непонятно?! Записывайте: раннее развитие, свободное музицирование — учит сама музыка. Исходить из концепции ученика, как бы наивна она ни казалась, искусно развивать ее, облагораживать. Развитие образного мышления, активизация всех психических и двигательных реакций, высвобождение эмоционального начала, полный запрет механической игры. Активное состояние души и тела, много любви, строгости и справедливости к ребенку.

В этот момент к нам на кухню вошла Полина.

— Полина Олеговна,— спрашиваю,— вы можете вспомнить самые яркие впечатления в своей жизни?

— Сирень в Коктебеле,— с ходу отвечает она.— И еще Гейченко в Михайловском разрешил мне сыграть на инструменте Пушкина... Павловск, конечно... А еще помню, когда в Риге играла ре-минорный концерт Баха, я была тогда совсем маленькая, и перед самым концом, после коротенькой каденции в третьей части, ну остается секунд двадцать и такая пауза после трели... я ее еще немножко затянула и вдруг широко-широко улыбаюсь и не могу удержаться.

Папа потом спрашивает, почему я улыбалась... А потому, что вдруг в одну секунду... как-то вдруг сразу увидела, услышала весь этот концерт, эту потрясающую музыку, как будто сердце везде бьется. И улыбнулась ему, концерту Баха, понимаете?..

Странная вещь получается. Мы справедливо восхищаемся девочками, делающими чудеса в фигурном катании и в гимнастике. Мы знаем, и это не очень скрывается, что юным мастерам спорта помогает государство. Полина четвертый уж год дает бесплатные концерты. В Одессе на одном из них было более тысячи слушателей. Она выступала в Латвии, Литве, Эстонии, Казахстане, и местные телестудии поспешили снять ее на пленку. В Ленинграде она выступала...

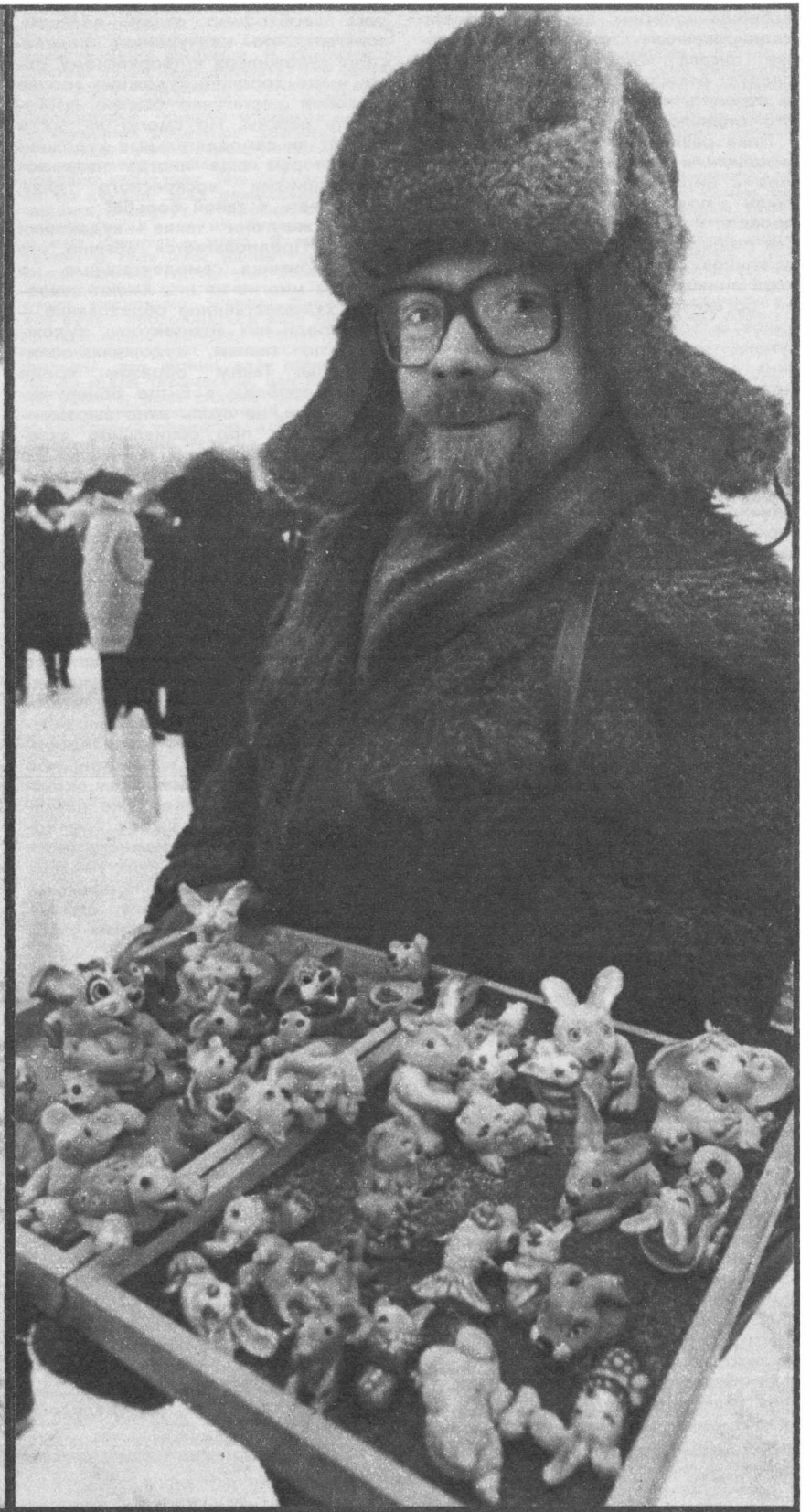
А что же ее родной город Москва? Полину в Москве пока знает узкий круг людей.

Принято считать, что талант — это народное достояние и его следует беречь. Не согласен. Талант надо расходовать. На радость людям и таланту. Чем больше расходуется большой талант, тем больше он сам становится. Гласность — сестра таланта.

ВЕР

Что происходит и происходило в Битце?
Лет десять назад
в Битцевском лесопарке
на юго-западе Москвы
стали появляться художники
со своими картинами.
В воскресные дни там много гуляющих,
особенно на благоустроенной
Центральной аллее.
Там и располагались художники.
Несмотря на относительно невысокие цены,
покупки в Битцевском лесопарке
совершались не так уж часто.
Для многих художников
важной оказалась сама
возможность встречи со зрителем.

НИСАЖ НА СНЕГУ

Андрей КОВАЛЕВ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА

До недавнего времени в Битце было довольно тихо. Художников было относительно немного — человек 50—70, изредка их число доходило до ста. Посмотреть на картины и, может быть, купить их приходили в основном жители близлежащих районов столицы.

Но примерно с лета 1986 года в Битцу устремились москвичи из самых отдаленных районов, да и не только москвичи. По приблизительным подсчетам, в иной из выходных дней их набиралось до двадцати тысяч, число художников доходило до восьмисот человек. Парадоксально, но злую шутку сыграли тут печать и телевидение. Первоначально тон газетных публикаций был весьма оптимистическим, однако постепенно стали появляться и тревожные нотки. В ноябре «выставка» была перенесена на Битцевский конноспортивный комплекс. На продуваемых ветром пространствах комплекса, приспособленного к конным состязаниям, оказалось очень неуютно и картинам, и их авторам, и зрителям-покупателям. Исчезло то обаяние связи искусства с природой, которое так привлекало на главной аллее.

Такой поворот событий был вызван карательной санкцией лесопаркового хозяйства Москвы, составившего акт о повреждении природы в Битцевском лесопарке и предъявившего Севастопольскому райисполкому штраф на семьдесят тысяч рублей. Кроме того, стали упорно распространяться слухи о появлении в Битце спекулянтов дубленками.

Слухи эти, на которые намекалось в статье «Московской правды», все-таки сильно преувеличены. Собственно спекулянтов оказалось не так уж много, да и их появление вызвано совсем другими причинами, чем те, которые вызвали к жизни битцевский феномен. Интересно, что любители ловли рыбки в мутной водице, привлеченные огромными массами людей, вызвали протест самих художников, с негодованием изгонявших «жучков». Их, как и тех «мастеров»,

которые пририсовывают личики несовершеннолетних девиц к неумело скопированным «венерам» (о них тоже писала «Московская правда»), следует отнести по ведомству ОБХСС и отделить от того положительного, что сложилось в Битце.

Пока различные организации размышляли и размышляют, как поступить с Битцей, в среде художников стали появляться разнообразные проекты и поиски дальнейших путей. Так родился проект Товарищества художников «Битца», составленный некоей «инициативной группой», с идеей организовать битцевских художников в Товарищество и, используя суммы, полученные в качестве членских взносов, обеспечить всех элементарным оборудованием; кроме того, предполагалось на эти же средства заасфальтировать и благоустроить определенную часть Битцевского парка, где и проводить так называемые «выставки-продажи». Однако этот, казалось бы, реалистический проект натолкнулся на определенные препятствия.

Во-первых, все то же Управление лесопаркового хозяйства категорически отказалось предоставить для деятельности Товарищества не только Центральную аллею, но и любую другую часть лесопарка. Битцевский лесопарк располагается на значительной территории, там есть и неблагоустроенные, и даже вовсе не озелененные места. Одно из таких мест — Лысую гору — пригляделн для себя художники из Товарищества. Но и в этом было отказано под тем предлогом, что территория отведена под будущий зоопарк.

В Уставе Товарищества тоже были неясности, но самым неприемлемым для большинства художников была предлагавшаяся сумма членских взносов — 10 рублей в месяц. (Для сравнения: в Союзе художников СССР — 3 рубля в год.) Нельзя не согласиться с большинством художников, которые справедливо полагают эту сумму неоправданной. Теперь сумма уменьшена, ибо уже не идет никакой речи об устройстве территории, пока руководство конноспортивного комплекса согласно терпеть под своим крылом стихийно сложившийся рынок произведений искусства.

Да, именно рынок, а не выставка или выставка-продажа — слова, так стыдливо скрывающие истинное положение вещей. Эта стыдливость в названиях, происходящая из вполне достойного желания не дать погибнуть, в общем, хорошему делу, маскирует вполне явное для всех обстоятельство, что Битца — это место, где продают и покупают произведения искусства. Истинно коммерческий характер Товарищества подчеркивала и уже упоминавшаяся сумма в десять рублей ежемесячного взноса, которая предполагала, что его члены будут выручать от продажи более значительные деньги. Один из лидеров инициативной группы, Г. Аванесов, неутомимой энергии которого необходимо отдать должное, полагает, что конкуренция подхлестнет художников к творческому росту и что хороший художник вполне способен достаточно быстро производить работы. Но смогут ли, да и захотят ли самодеятельные художники, которых еще иногда называют «художниками воскресного дня», участвовать в такой борьбе?

Кто же они такие — художники Битцы? Предполагается обычно, что это художники самодеятельные, но на деле многие из них имеют какое-либо художественное образование — есть среди них архитекторы, художники по тканям, художники-полиграфисты. Таким образом, среди прочих проблем в Битце обнаружилось некое, не столь явно выраженное до сих пор социальное явление — существование значительного слоя «полупрофессиональных» художников, не подлежащих ведению ни художественных союзов, ни организаций, занимающихся самодеятельным искусством. Кроме того, среди завсегдатаев Битцы — студенты художественных вузов и училищ, которые тоже еще не имеют права реализовывать свои произведения через систему Художественного фонда. Примечательно, что руководство их учебных заведений категорически противится появлению студентов в Битце, прямо грозя исключением. Этот запрет непонятен, ибо почему будущим художникам, которых в достаточной мере уже научила художественная школа, не попробовать заработать немного (если их работы, конечно, купят) — ведь выступают же в своей профессиональной сфере, к примеру, студенты музыкальных и театральных учебных заведений.

Долгое время предполагалось, что самодеятельному художнику, актеру, музыканту вовсе ни к чему стремиться получать материальную компенсацию за свое творчество. Но жизнь внесла свои коррективы, и теперь многим самодеятельным театрам и музыкальным коллективам разрешено брать входную плату, то есть вести финансовую деятельность — для того чтобы как-то компенсировать затраты, порой весьма значительные, на оборудование, декорации, аппаратуру. А ведь краски, кисти, холсты тоже стоят денег, и немалых!

Важно отметить, что речь идет только о картинах, так как вопрос о произведениях декоративно-прикладного и народного искусства, различных поделках урегулирован Законом об индивидуальной трудовой деятельности.

В последнее время в разных кругах много говорится о том, что Битцу захлестывает поток китча, халтуры, что без худсоветов и проверки дело не пойдет. В самом деле, работ действительно высокого художественного качества в Битце очень и очень мало. Художники, как правило, с трудом расстаются со своими лучшими произведениями, да и редко кто пойдет на то, чтобы вытащить свои наиболее удавшиеся работы на улицу, под снег и дождь. Уровень большинства работ — средний и ниже среднего. Работ с ясно выраженным дурным вкусом крайне мало, но пугает то, что именно такие произведения стоят дороже всего. Одна из самых дорогих картин — зализанная и нелепая копия «Джоконды» — 200 рублей. Не исключено, что в условиях рыночной конъюнктуры количество таких «шедевров» будет увеличиваться.

Вместе с тем на примере Битцы обнаружилось весьма явно желание людей, ранее, может быть, далеких от искусства, украсить интерьер квартиры художественными произведениями, оригинальными, авторскими работами. И так же явно высветилось обстоятельство, что существующие формы распространения изобразительного искусства не в состоянии удовлетворить это желание.

Мы обратились к социологу и художественному критику Даниилу Борисовичу Дондурею, который много занимался социологией искусства, с вопросом о том, какие явления в художественной жизни нашей страны, на его взгляд, привели к стихийно сложившемуся рынку произведений искусства в Битце.

Д. Б. ДОНДУРЕЙ. У нас в стране — и в этом есть свои достоинства — публика практически не участвует в финансировании изобразительного искусства. Оно живет за счет других источников. Посещая время от времени выставочные залы, зрители словно не подозревают, что экспонируемые произведения имеют стоимость, что кто-то их оплачивает. Не задумываются зрители и над тем, можно или нельзя купить работу художника прямо из мастерской. И дело не только в том, что публика не знает о предоставленных ей больших культурных полномочиях. Отсутствует главное — непосредственная включенность в систему отношений и связей современного искусства, в реальную художественную жизнь. Согласитесь, странно, что мы можем наполнять собственные жилища самыми дорогостоящими бытовыми предметами, утварью, радиоаппаратурой, но не произведениями современного изобразительного искусства.

Магазины-салоны? Живописи и графики во всей России, например, продается на сумму всего 400—500 тысяч рублей в год (месячная выручка одного «средней руки» мебельного магазина). В миллионном Новосибирске в 1983 году было выручено от продажи живописных полотен целых... 282 рубля. Три четверти всех продаж станкового искусства в огромной республике осуществляет всего-навсего один салон на улице Димитрова в Москве.

Общение с культурой ныне все более становится домашним делом. Сам дом у большинства населения теперь оснащен так же, если не лучше, как учреждения культуры. А ведь приобретение произведений изобразительного искусства при небольших дополнительных усилиях правильно поставленной пропаганды могло бы стать не менее престижным, чем обладание книжными сокровищами. Уж, во всяком случае, если бы массовая аудитория была осведомлена о значении подобных мероприятий, то, безусловно, покупала бы картины, изделия народных промыслов, графические листы или мелкую пластику с неменьшей настоятельностью, чем хрусталь или ювелирные украшения.

Да, авторская работа, висящая на стене квартиры, пусть даже созданная художником не таким великим, ценна ощущением подлинности. Конечно, можно было бы пойти в худсалон, но там многое не устраивает — и цены очень высокие для человека, который еще не привык делать такие покупки, да и выбор там, по всеобщему признанию, невелик...

Как же все-таки можно было бы сохранить то положительное, что возникло на главной аллее Битцевского парка? Ясно, что бесконечно пользоваться гостеприимством конноспортивного комплекса, у которого, особенно в теплое время года, напряженный план работы, невозможно. Наилучший выход видится в организации постоянного рынка, как или, если угодно, ярмарки, где, как на обыкновенных рынках, за определенную плату предоставлялись бы место, необходимый инвентарь и помещение для хранения. В зимних грезах нам виделось, что такой рынок можно было бы превратить в настоящую ярмарку искусств, устроив там небольшой выставочный зал для тех художников, которые желают просто показать свои работы. Можно проводить специализированные выставки-продажи керамики, ткачества и других видов декоративно-прикладного искусства. Там же можно было бы проводить под открытым небом выступления самодеятельных музыкальных коллективов. Да много чего можно! Как все было бы хорошо, если бы все было хорошо...

Дело в том, что единственная организация, которая в состоянии воплотить в жизнь такой проект, — это Главное управление торговли Мосгорисполкома. Но, увы, он плохо согласуется с устоявшейся структурой торговли. Начальник Управления рынками В. В. Муратов ссылается на то, что рынки именуются «колхозными» и предназначены только для торговли продовольственными товарами, и поэтому организация ярмарки искусств не имеет к управлению никакого отношения. Д. Н. Одинцов, начальник Управления организации торговли,

тоже высказал свои сомнения: «На колхозных рынках имеется специальная санитарная служба, которая следит за качеством продаваемых продуктов, кто же будет следить за «качеством» произведений искусства? Кто будет следить за тем, чтобы на ярмарке искусств не предлагались бы вещи, чуждые нашему обществу? Таких специалистов в штате управления нет». И во-вторых, по мнению Д. Н. Одинцова, с чисто коммерческой точки зрения неясно, оправдает ли себя эта затея, ведь у торговли нет опыта продажи произведений искусства. В качестве альтернативного варианта он допускает давно предлагавшийся Главным управлением культуры Мосгорисполкома вариант с организацией комиссионного магазина, куда принимались бы произведения изобразительного искусства от всех желающих, правда, на жестких условиях, с платой за хранение нереализованных вещей и высоким комиссионным сбором. Идея хорошая, но она не может служить альтернативой Битце, которая, по его же словам, завоевала солидную «торговую марку». Кроме того, не приведет ли организация такого магазина к еще одному нерентабельному худсалону, только, может быть, самого дурного вкуса? Вот в системе ярмарки искусств такое учреждение было бы вполне уместно — и зарекомендовавшая себя «торговая марка» сохранилась бы, и художникам было бы удобно.

Но торговля явно не хочет взваливать на себя эту обузу, хотя все вопросы, которые беспокоят торговых руководителей, вполне разрешимы. Можно организовать лектории, консультации для художников и посетителей: МОСХ в принципе согласен выделить для этого квалифицированных специалистов. Так можно воспитывать вкус и держать художественный уровень ярмарки. Но и пугаться крайностей нет нужды: ведь всякое, пусть спорное, полотно существует в единственном экземпляре и не может поколебать наши принципы и взгляды... В любом случае практика подскажет конкретные формы. Почему бы в самом деле не провести такой эксперимент, не создавая пока нерушимых инструкций и конструкций? Намертво скрепленных цепями положений и приказов? Пусть пока все будет временным. Небольшие затраты на дело, надо думать, вполне окупятся.

На такую ярмарку придет ведь и человек, который вовсе ни на какие выставки никогда не ходил. И картину, может быть, приобретет, пусть даже не самого высокого качества. Но так он станет покупателем, а впоследствии, возможно, Коллекционером и Знатоком, завсегдатаем вернисажей.

И все же как быть, если Управление торговли не пожелает участвовать в начинании и брать на себя ответственность? Видимо, в таком случае стоит подумать о том, чтобы доверить эту ответственность самим художникам. Если, конечно, сами художники смогут прийти к взаимоприемлемому компромиссу и делом показать жизненность такого объединения.

В качестве постскриптума. Пока готовился и собирался материал для нашей статьи, жизнь, такая динамичная современная жизнь дала еще несколько задачек для размышления. Из многих городов Российской Федерации, из других союзных республик приходят сообщения о том, что нечто подобное московской Битце наблюдается и там — собираются художники, выставляют и продают произведения в парках и скверах своих городов. Но то, что происходит в Битце,— это явление чисто московское, одна из проблем больших городов, где количество художников «на душу населения» велико.

Да, «распустить» Битцу, наверное, можно. Можно, как часто бывает, «не запрещать, но и не разрешать». Но «отмененные» в одном месте решительными мерами проблемы вылезут непременно в других местах.

«ГРУЗИЯ-ФИЛЬМ»: УСПЕХ БЕЗ СЕКРЕТОВ

Начало на стр. 16.

казалось: все на студии делается «по звонку». Я считал: зачем мне работать, если кто-то будет указывать, что ставить, что нет... Но меня убедили. И я понял, что очень ошибался. Сейчас много говорят о самостоятельности. Так вот, нам и прежде никто не мешал. Я не помню случая, чтобы кто-то из руководителей поправлял нас, даже в той ситуации, когда можно было, наверное, и поправить. Существовала особая деликатность отношений, никогда не было вторжения в ткань фильма, ни по одному эпизоду, только общая оценка. Абсолютное доверие. И это доверие взаимное.

Сейчас меня, честно говоря, волнует вопрос о переводе киностудий на полную самоокупаемость. Этот вопрос сложный, он требует очень взвешенного подхода. Полная самоокупаемость означает, что мы выпускаем столько фильмов, сколько заработали денег. Мне кажется, что такая ситуация, в особенности для небольших национальных студий, может оказаться трагической. Сегодня, когда вся наша страна идет, и очень правильно идет, к полному хозрасчету, мои слова могут прозвучать диссонансом. Но я уверен, как бы ни решали этот вопрос, оставляя определенную долю средств на экспериментальные работы, самоокупаемость может стать препятствием для настоящего киноискусства. Есть фильмы, которые не могут рассчитывать на большой, тем более быстрый кассовый успех. Предполагается, что в Союзе кинематографистов будет особый фонд, субсидирующий такие фильмы. Но кто и как определит, сколько таких фильмов нам нужно? Один раз дадут субсидию, другой, а потом скажут: «Смотрите, чтоб больше таких картин у вас не было!» Ссуду неприятно ни давать, ни получать — нахлебником себя чувствовать.

И что получится? Когда ко мне заходит режиссер, который, я знаю, снимет прекрасный фильм, я должен встать и пожать ему руку. А рядом— ремесленник, который снимет не фильм, а кабак, но обеспечит мне рынок. Кого же мне встречать с оркестром? Рехвиашвили или какого-то проходимца? Как удержать верные критерии?

Когда этот вопрос встал перед нами, я, может быть, впервые так ясно ощутил преимущества нашего общественного строя. Прекрасно, что мы так воспитаны — никогда в искусстве во главу угла не ставили коммерческий успех. Конечно, нас радует демократизация кинематографии, всех наших дел. Не будет регламентации, студии сами будут определять, что и как снимать. Не будет мелочной опеки. Но неужели эта демократизация невозможна без придания кино коммерческого духа? Если руководитель не способен решать творческие и финансовые задачи студии — его надо менять. Но почему это ставить в зависимость от прибыли?

Другой вопрос — как поставить заслон фильмам откровенно плохим, конъюнктурным, как закрыть доступ в кино приспособленцам, халтурщикам, демагогам... Даже у нас при сравнительно небольшом плане выпуска фильмов необходимо иметь около пятидесяти съемочных групп. Судите сами, выпускаем мы пятнадцать полнометражных фильмов, процесс выпуска — три года. Практически в работе нужно иметь одновременно пятьдесят хороших сценариев, то есть добротных литературных произведений — этого республика дать не может, думаю, и со всего Союза не наберешь. Значит, уже первооснова вызывает сомнения. Потом режиссеры. Если бы у нас было пятьдесят великолепных режиссеров — это была бы сказка. Да, у нас есть пятнадцать, скажем, мастеров, на которых можно положиться. Потом есть люди, подающие большие надежды, которые вот-вот подойдут к большому кинематографу. Есть середнячки и наконец есть халтурщики. Можно спросить: зачем такой план, если нет возможности сделать столько качественных фильмов. И все-таки, я считаю, план надо держать. Это защита нашего будущего. К нам приходит много молодежи. Те же Баблуани, Джорджадзе, Чохели и другие — они, естественно, начинают замещать старые кадры режиссеров, которые делают пока посредственные фильмы. Этот процесс нарастает. Мы сейчас приняли на студию всех режиссеров, окончивших институт. У нас кое-кто удивляется: куда вы их будете девать? А мне кажется — мало. Я знаю, они заявят о себе, они начнут вытеснять халтурщиков, методично, беспощадно. Иначе с ними не справиться. Тут предстоит несколько этапов. Сначала (и это будет продолжаться еще несколько лет) самое важное — брать вершины. Пусть пока делаются средние фильмы, это нужно для производства. Да и для творчества, как ни странно. Знаете, есть слабые фильмы, где вдруг проявится хороший актер. Или талантливый оператор, или новый художник. Это же идет на пользу, такое накопление.

Абуладзе, Гогоберидзе, Шенгелая, Иоселиани — они снимают не чаще, чем раз в три года, и ускорить этот процесс нельзя. Это крупные художники, авторы своих фильмов в полном смысле слова. Так вот, эти вершины «Грузия-фильм» берет. Но теперь, особенно когда у нас открыли в театральном институте кинофакультет, мы уже можем рассчитывать на качественную смену. Они придут, и тогда повысится средний уровень. Вытеснение — другого способа нет!

Слушая Реваза Чхеидзе, я все же не мог не поделиться своим удивлением, когда заметил почти полное отсутствие грузинских фильмов в киноафише Тбилиси. И огромные толпы у кинотеатров, где шел индийский боевик «Как три мушкетера» или польская комедия «Новые амазонки». Всесильный кинопрокат...

— Прокатные организации не просто плохо работают. Мне кажется, что они уже нанесли огромный ущерб нашему зрителю. Возьмите эти закупки зарубежных фильмов самого низкого сорта. Кто же это решил, что у нас народ глупый и ему нужно показывать обязательно глупые фильмы? Да, эти фильмы собирают зрителя, но это уже результат воспитания. Я помню, классические наши фильмы собирали огромные аудитории. Что же случилось? Порочная практика кинопроката сыграла губительную роль в формировании пристрастий наших зрителей. И сейчас мы сами не можем не учитывать это в нашей работе. Перед нами зритель с испорченным вкусом. Да, я понимаю, развлечения тоже нужны, но я никогда не поверю, что Толстого, Достоевского, Чехова нужно читать меньше, чем детективы. А разве в кинематографе должно быть иначе? Зрители и читатели — одни и те же люди. Но отношение к кино искажено. Нужно сделать так, чтобы мы видели настоящие наши фильмы, и классику, и лучшие современные фильмы зарубежных мастеров...

Что касается грузинских фильмов— их вообще не показывают. По стране они практически не идут. Не могу сказать, почему. У нас их много показывают по телевидению, так что в республике наших режиссеров знают хорошо. Но прокатчики рассуждают по-своему. Когда фильмы наши попадают в какой-то район страны (так и хочется сказать: случайно), мы получаем восторженные отзывы и верим, что картины находят отклик у широкого зрителя. Но если фильм физически не прокатывается — как его можно оценить? А нам говорят, что грузинские фильмы не нравятся, не смотрятся... И всегда идут они вторым, третьим, четвертым экраном — даже такие, классические уже, как «Древо желания» Абуладзе, «Сурамская крепость» Параджанова, «Путь домой» Рехвиашвили. И никак не можем мы это поломать. Ничего не меняется.

...В чем же дело? — спросим и мы. Эти фильмы «не смотрятся», потому что их нельзя смотреть бездумно. Они требуют ответной работы мысли, чувства, души. Они требуют напряжения, но оно возвышает душу, пробуждает чувства, обогащает мысли... Да разве не для этого мы ищем себе собеседника в искусстве? И разве не в надежде на ответный этот отклик берется за перо писатель, художник — за кисти, а на съемочной площадке звучит команда: «Мотор!»

Мне повезло. На студии мне удалось увидеть подряд много замечательных фильмов. И подумалось вот о чем. Если тебе есть что сказать людям, перед тобой два пути. Можно взойти на высокую гору и громко крикнуть, обращаясь ко всем вокруг. Многие услышат тебя. Но есть и другой путь: идти, идти по дорогам, заходить в каждый город, в каждое село, стучаться в каждую дверь — и каждому, открывшему тебе, говорить несколько слов. Для этого нужно очень много мужества и терпения.

Грузинское кино сегодня стучится в каждую дверь. Но какова судьба этих «трудных» фильмов? Неужели, непонятые, они не достигли цели? Ты стучишь — и тебе не открыли... Не захотели, побоялись? И все же самим своим приходом ты оставил за закрытой дверью вопрос, а то и тревогу. Жизнь за этой дверью лишена чего-то очень существенного. И, значит, надо стучаться, чтобы о твоем приходе знали.

Поэтому и продолжают на студии «Грузия-фильм» делать эти трудные фильмы, доказывая, как сказал Тенгиз Абуладзе, что кино — это искусство, а не только ремесло.

— Лично мне,— вздыхает Реваз Чхеидзе,— больше всего не хватает времени. Знаете, режиссеру нужно все время совершенствоваться в профессии. И когда я вижу, как интересно работают на студии и молодые, и мои товарищи, я стараюсь не отстать от них. Чувствовать время. Тут уж мне помогает мое директорство— я же в курсе всего, что делается на студии, могу оценить работу всех творческих групп. Это дает ощущение уровня. Но время — это трагедия. До вечера я практически творчеством не занимаюсь. Только вот когда выезжаем на натуру — это прекрасные дни, это счастье...

Пять с половиной часов мы смотрели материал многосерийного фильма, который Реваз Чхеидзе снимает по заказу испанского телевидения. Фильм о Дон Кихоте. Трудно, невозможно говорить о незаконченном. Еще впереди съемки, монтаж, озвучивание. И все же основные черты уже ясны.

Мы увидели редчайший пример подлинного проникновения в историю, полностью лишенную исторической «бутафории». Национальный дух Испании живет в картине в своей первозданности. Не говорю даже о великолепных актерских работах. Но и изобразительный ряд — величие горных вершин или равнины с грубыми рубцами дорог, роскошь княжеского замка или переполненный звуками, цветом, запахами постоялый двор — все завораживает точностью, подлинностью.

При полном соответствии роману сюжетная линия в фильме отходит на второй план, действие разворачивается одновременно в мире условно-театральном, подчеркнуто-реалистическом и карнавально-игровом... И из этого сложного переплетения возникает удивительная, целомудренная простота философской притчи, полная высокой романтики, точных символов, глубокой метафоричности.

Когда смотришь сцены из будущего фильма Чхеидзе, понимаешь их родственность языку лучших мастеров современного европейского кинематографа. И становится ясно, что именно глубокое национальное своеобразие грузинского искусства дало возможность художнику так приблизиться к постижению характера иного народа.

Так в чем же секрет успеха студии? Я не спрашивал об этом до самого конца своей поездки. И буквально перед отлетом все же не удержался. Но Реваз Чхеидзе сделал вид, что не понял вопроса, и со свойственным ему лукавством ответил так, что помог мне самому сформулировать простую, в общем, истину...

«...Знаете, вам надо поехать в Кутаиси, там сохранился сад и домик, где жил Василий Амашукели, это он в 1912 году сделал первый полнометражный документальный фильм. О нем писал в своей книге Садуль. А найти дом нетрудно. Совсем рядом с ним стоит древний храм XI века... Вам обязательно надо поехать в Кутаиси».

Кино строится на том же основании, что и культура: это глубина исторической памяти, уважение и знание своей истории, которые только и дают возможность для настоящего творческого единения всех людей.

Много в Грузии гор и камней. Но глубок и плодотворен тот культурный слой, на котором вырастает будущее.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕММА

Еремей ПАРНОВ

Рисунки
Валерия КАРАСЕВА

РОМАН

Исчез со своей дачи профессор-химик Георгий Мартынович Солитов, увлекавшийся исследованиями лекарственных трав и старинных рецептов. Сотрудник уголовного розыска майор Люсин и следователь прокуратуры Гуров после долгой и кропотливой работы устанавливают, что Солитову позвонил некий Корнилов, спекулировавший книгами, и предложил купить у него богемский травник семнадцатого века из библиотеки императора Рудольфа. Солитов взял в поселковой сберкассе тысячу пятьсот рублей и отправился за покупкой. В Москву он не приехал. Тело Солитова было обнаружено в озере Синедь, неподалеку от которого находился дачный поселок.

Глава двадцать первая

ТЕМНАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

В небесах, как это все чаще случалось в последние годы, что-то окончательно разладилось. Вечерок выдался на редкость безветренный, теплый. После мимолетного дождика, ласкового, как в мае, стало еще теплее, и явственно запахло робким цветением.

Волшебно преображенные улицы были прекрасны, как тропические реки. Призывно и нежно вспыхивали в таинственных мокрых глубинах разноцветные огни, и, словно колеблемые зыбью, дрожали и множились золотистые змейки.

Не зная, чем себя занять, Люсин вышел на улицу. Оставаться в четырех стенах было невмочь. Еще издали примечая каждую телефонную будку, он влился в подхвативший его поток и, безотчетно ускорив шаг, понесся по направлению к Садовому кольцу. Остановился лишь на Смоленской площади возле киоска с пепси-колой. Щекочущая пена приятно охладила гортань, но он оставил бутылочку недопитой. Мешало волнение, беспокойно теснившее грудь.

Потерпев поражение в борьбе с самим собой, а может быть, одержав победу, решился наконец позвонить Наташе.

— Простите, но это я,— торопливо выпалил он, точно боялся, что она сразу же повесит трубку.— Больше вам не придется пугаться меня, ожидая плохого. Оно случилось, Наташа, и, как мне ни горько, я хочу, чтобы вы узнали все от меня.— И умолк, слыша, как отдается дыхание в настороженной пустоте. Слова были продуманные и заряженные внутренней энергией, словно горячая «двушка», которую он чуть не час продержал в кулаке, прежде чем сунуть в щель автомата.

— Где вы сейчас? — отчетливо прозвучал ее голос, соединив разделенные бездной материки.

— В двух шагах от вашего дома.

— Тогда заходите. Сейчас я объясню вам, как нас скорее найти.

— Может, лучше на улице? Если вы, конечно, не против.

— Ладно,— с вялым безразличием согласилась она.

— Тогда жду вас на том же месте! — задохнулся он от невыразимого облегчения.— Я буду там через две с половиной минуты.

— Надо же, какая точность...

Обменявшись молчаливым рукопожатием, они, не сговариваясь, направились в сторону Ленинских гор. Люсину казалось, что с ним уже было однажды такое: темная набережная, тени встречных прохожих, одиноко сгущающиеся у фонарных столбов, плавное ненарушаемое течение без всяких переходов и поворотов. Люсин молчал, благодарно ощущая, как тает горечь неутоленного одиночества, размываемого всепоглощающей жаркой волной. Ему даже казалось, что слова могут лишь помешать столь неожиданно установившемуся совершенно удивительному общению душ, которое если бывает между людьми, то только во сне.

— Расскажите, как это случилось,— мягко напомнила Наташа, напрочь развеяв иллюзию.

— Да-да.— Внутренне вздрогнув, он очнулся и, опуская натуралистические детали, коротко изложил основные события вчерашнего дня, уже затуманенного в сознании душным беспамятством ночи.

Наташа выслушала, ни разу не перебив. Незаметно сжившись с гнетущим ожиданием неминучей беды, она, в сущности, не узнала теперь ничего нового. Запоздавшая весть оказалась даже в чем-то успокоительной для переболевшего сердца. В ней была та извечная определенность, перед которой смиряется человеческий разум.

— Ужасно,— уронила под конец Наталья Андриановна, коря себя за бесчувственность.— Как вы считаете, когда можно будет организовать похороны? — Ей стоило усилия переключиться на мысль о предстоящих хлопотах.— Нужно же как следует подготовиться...

— Если позволите, мы решим организационные вопросы с вашим начальством. С Людмилой Георгиевной я уже говорил.— Собравшись с духом, он взял ее под руку.

— Но вам-то зачем? — искренне удивилась Наташа.

— По ряду причин. Так уж получилось, что Георгий Мартынович стал мне не безразличен.— Люсин ответил ей виноватой улыбкой.— И Степановна тоже,— добавил он как бы вскользь, умалчивая об остальном.— Я обязательно дам ей знать о дне похорон.

— Спасибо.— Наташа на мгновение прижала к себе бережно поддерживающую ее руку.— Как непрочно все в этом мире! Ушел человек, и в одночасье начинает распадаться с такими трудами сложенное им строение. Перемены подталкивают одна другую по принципу домино. Цепная реакция падающих на голову кирпичей. Наша кафедра уже совсем не та, что прежде. А ведь это только начало! У Георгия Мартыновича есть... была, словом, осталась древнекитайская «Книга перемен». Там говорится, что перемены являются основным законом жизни природы, общества и человека. Нравится нам это или не очень, но приходится принимать миропорядок таким, как он есть. Ничего не поделаешь.

— Ничего,— глухо повторил Люсин.— Нас не спрашивали, хотим ли мы появиться на этой земле.

— Другой нет и, надо думать, не будет... Поговорим о чем-нибудь еще.— Наташа осторожно высвободилась и подошла к парапету.

От реки несло знобкой сыростью и немножечко тиной. По железнодорожному мосту грохотал бесконечный товарный состав. Над Лужниками клубился светозарный туман.

— Боюсь, что от меня будет мало толку.— Люсин свесился над непроглядной водой.— Я ведь прекрасно знаю, что мое поведение самоубийственно, но ничего не могу с собой поделать.

— Не понимаю, о чем вы.

— Мне казалось, что вы все понимаете.

— Нет, я сознательно разучилась понимать недосказанное. Так спокойнее. Чувствуешь себя более уверенной, защищенной.

— Вы давно разошлись с мужем?.. Ничего, что я об этом спрашиваю?

— Двенадцать лет.

— А Тёме уже четырнадцать?

— Скоро будет. Ждет не дождется. Готовится вступить в комсомол. Хочет поскорее сделаться взрослым, глупышка.

— Взрослому легче. В детстве все переживается гораздо острее. Любая безделица. О мировых вопросах я уж и не говорю. Байрон, Лермонтов, Леопарди! Мне казалось, что они писали специально ради меня, что лишь я, единственный, сумел постичь безмерную глубину людского страдания.

— А кто такой Леопарди?

— Как, вы не знаете Леопарди? Значит, вас никогда не мучила мировая скорбь. Очевидно, это удел мужчин.

— Причем болезненно переживающих свое раннее созревание...

— Это вы о великих?

— Нет, о таких, как вы, перескочивших на палубу с подножки трамвая.

— Запомнили, однако.— Люсин был благодарен ей даже за этот пустяк.

— Лучше сформулируем так: не забыла,— непринужденно парировала она.— Надеюсь, в мореходке основательно повыбили из вас байронизм?

— Скорее, напротив, загнали вглубь.

— По крайней мере вы научились драить медяшку, чистить картошку и мыть на кухне полы.

— В камбузе.— Люсин напустил на себя обиженный вид.— Не терзайте слух моряка, гражданочка.

— Вот таким вы мне нравитесь гораздо больше.

— Отныне я всегда буду только таким.

— Скоро надоест.

— Придется обучиться секрету вечной новизны. С кем вы предпочитаете иметь дело сегодня?

— Оставайтесь лучше самим собой.— Наташа видела, что внешняя непринужденность дается ему с немалым трудом. Ей и самой было куда как муторно. Намереваясь вежливо распрощаться и повернуть к дому, она тем не менее почему-то медлила, через силу поддерживая готовую увянуть беседу.

— Боюсь, что в качестве сыщика я покажусь вам уже совершенно неинтересным,— сказал Люсин. Его губы дрогнули в мимолетной, чуточку горькой улыбке.— Как жаль, что вы так скоро добрались до истинной сущности. На сем реквизит исчерпывается. Небогатый, приходится признать, реквизит...

— Зачем вы так? — Наташа ощутила себя слегка уязвленной, но тут же устыдилась и, доверительно приблизив лицо, спросила с участием: — Вам, наверное, очень трудно?

— Не то слово,— почти вынужденно признался Владимир Константинович.— Нет ни малейшего намека на личность убийцы, хоть на какие-нибудь его приметы. Даже крохотной песчинки с места преступления, за которую можно было бы зацепиться! По всем статьям — абсолютный нуль. На таких условиях мне еще не приходилось начинать дело.

Стремясь поделиться тревогами и сомнениями, которые слишком долго носил в себе, Люсин ударился в воспоминания. Но едва он начал рассказывать о зверском убийстве одной старой актрисы, как что-то заставило его остановиться на полуслове. Не только то, давнее дело, связанное с кражей бриллиантов и оставшееся нераскрытым не по его вине, но и нынешние терзания растворились в жарком, внезапно накатившем забытье. Не прошлое с его перепутанными воспоминаниями, не туманные и, как правило, несбыточные надежды на будущее, но лишь это неуловимое, вечно ускользающее мгновение обладало самодовлеющей ценностью.

Глава двадцать вторая

ГНОСТИЧЕСКАЯ ГЕММА

Директора гастронома Вячеслава Кузьмича Протасова арестовали в ту самую минуту, когда он небрежным движением бросил в ящик рабочего

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—11.

стола сберкнижку на предъявителя. Обозначенная в ней довольно крупная сумма, хотя в масштабах Протасова ее скорее можно было счесть пустяковой, была его долей за реализацию дефицитных деликатесов: осетровой икры, лососины и прочих вкусных вещей, не столь уж часто появляющихся даже в столах заказов.

Все случилось настолько скоропалительно, что Вячеслав Кузьмич не сразу сообразил, откуда и, главное, для какой такой надобности возникли у него в кабинете трое энергичных молодых людей. Один из них ловко оттеснил застигнутого врасплох директора от потрясенной с виду посетительницы и, не говоря ни слова, воспрепятствовал попытке захлопнуть злополучный ящик, другой, еще шире распахнув дверь, поторопил понятых. Мелькнувшая в глубине приемной зареванная мордашка секретарши оказалась для Протасова новым чувствительным ударом. Операция, судя по всему, была тщательно подготовлена и рассчитана на полную внезапность. Когда же выяснилось, причем очень скоро, что номер счета, а заодно и сберкассы, где он был открыт, записан заранее на листочке, отпала последняя надежда.

Вячеславу Кузьмичу дали ознакомиться с соответствующим постановлением, подписанным прокурором, затем провели обыск сейфа. Свыкнуться с тем, что с ним, вознесенным над прочими смертными избранником судьбы, перед которым заискивали иные могущественные начальники, может приключиться такое, оказалось далеко не просто. И не то, чтобы Протасов не знал за собой никакой вины, вернее, выходящих за рамки закона деяний, ибо вины, как таковой, он и вправду не чувствовал. Просто мысль о внезапной отмене особых полномочий и привилегий — кто и когда наделил его ими? — никак не укладывалась в голове. За четверть века он не только привык к полнейшей безнаказанности, усвоив железные законы корпоративной взаимовыручки, но чуть ли не уверовал в общественную необходимость тайных махинаций, которыми занимался большую часть жизни. Начав с рядового продавца, он прошел все ступеньки служебной лестницы, добравшись до ответственного поста. И всюду ему приходилось прибегать к действиям, прямо подпадавшим под соответствующие статьи уголовного кодекса. Когда же три года назад случилось досадное недоразумение и какие-то безответственные, явно склонные к авантюрам субъекты попытались дать этим статьям должное применение, Вячеслава Кузьмича, а с ним вместе и других директоров магазинов достаточно ловко вывели из-под огня. Враждебной стороне не помогли даже наскоки в печати. Протасов лишний раз смог убедиться в могуществе сети, к которой имел удачу и смелость примкнуть. Пронизанная питательными сосудами самых разносторонних и очень далеко простирающихся связей, она вознаграждала за преданность более чем по-царски. Ведь такого образа жизни и такой непотопляемости при всем желании не мог бы гарантировать даже самый снисходительный конституционный монарх.

Когда же несколько слабонервных дурачков, схваченных за руку на самом примитивном воровстве, начали топить друг друга и называть такие имена, что даже следователям становилось не по себе, система, словно побе́дно несущаяся сквозь враждебный космос галактическая армада, экранировала себя мощным силовым полем. Кое-кем пришлось, конечно, пожертвовать, кое-кого переместить на менее заметные должности. Разумеется, временно. Все, кому положено, знали, что едва минет непосредственная угроза — и положение восстановится. Так происходило почти всегда, и не было оснований опасаться, что на сей раз сложится как-то иначе.

По крайней мере Вячеслав Кузьмич ничуть не испугался, когда ему по причине упомянутого недоразумения пришлось перейти в другой гастроном. Не приходилось сомневаться в том, что вынужденный тактический маневр будет с лихвой компенсирован. Ему даже намекнули, когда и как. Стоило запастись терпением. Протасову не пришлось пожертвовать ничем, даже самой малостью. Он по-прежнему крупно играл на бегах и просаживал сумасшедшие деньги в пульку. Не ради выигрыша или там щекочущего нервы азарта. Исключительно для препровождения времени. Так было принято в их кругу, где «сочинская», по рублю за вист, являлась, кроме всего прочего, и корректной формой взятки. Вячеслав Кузьмич умел и брать, и давать, хотя не одобрял любителей крайностей. Ему одинаково претили дешевка вроде полетов к морю на один день и купеческий шик, когда под банкет откупался целый ресторан. Именно на таком и сгорали. Оргии в финских банях, скупка валюты, погоня за каратами — на это он взирал с легкой брезгливостью. С подлинно достойным мыслящей личности жизненным

стандартом вся эта кичливая блажь не имела ничего общего. Протасов не без основания считал себя цельным человеком. Он жил открыто, не тая нажитого. И любые служебные привилегии, сколь бы мизерны они ни были, входили в общий ценз. Билет на торжественный вечер актива, оттиснутый, судя по затейливой сеточке, не иначе как на Гознаке, столь же приятно тешил самолюбие, как и золоченая зажигалка на пьезокристаллах.

Доступный и снисходительный, Протасов привык видеть вокруг заискивающие улыбки и считал себя всеобщим благодетелем. И несмотря на то, что через его руки прошли сотни и сотни тысяч, в сущности, краденых денег, он вполне искренне относил себя к числу честных тружеников, к людям благонамеренным и достойным. Он научился вести себя так, что месяцами не вспоминал о действительном происхождении исправно прибывающих казначейских билетов. Единственное, что заботило его в этой связи, была извечная проблема аккумуляции капитала.

Потратить его разумным образом было не на что, сберкасса по понятным соображениям исключалась, скупка золота и прочих активов — тоже. Дальнейшее накопление в столь неестественных условиях представлялось бессмысленным, но игра, в которую так легко и бездумно дал вовлечь себя Вячеслав Кузьмич, обратного хода не предусматривала. Приходилось дуть до горы, хотя забота об уже имеющихся тайниках и без того порядком отравляла существование.

Начав было скупать картины, он вскоре поостыл, так как ничего в живописи не смыслил, да и свободных стен в квартире для подобного предприятия явно недоставало. К тому же признанные шедевры появлялись в продаже достаточно редко, а в перспективность доморощенных авангардистов Протасов не верил. Платить же четырехзначные суммы за надпись «неизвестный художник» он побаивался. Не лучше обстояли и его упражнения со старинными часами и бронзой. Наполнив дом позолоченными уродцами в стиле «второго рококо», Вячеслав Кузьмич признал свое поражение и на этом фронте.

Даже для того, чтобы только суметь увидеть стоящую вещицу, требовался особый талант. По крайней мере знания. Ни супруга Протасова, Мария Васильевна, ни он сам вместе со своими приятельницами этим свойством никак не обладали. Прежняя, с которой Протасову удалось сохранить чисто дружеские отношения, еще туда-сюда, а уж новая — косметичка Альбинка — была абсолютной пустышкой. Все, сколько ни дай, могла выбросить на цветные камни. При этом ни бельмеса в них не смыслила. С ума сходила по фианитам и авантюрину, который называла почему-то «коварство и любовь», и, уж конечно, не могла отличить природный камень от выращенного.

Нет, кто-кто, а одноклеточная Альбинка была ему не помощница.

Оставалось испробовать себя на книжном фронте. Особой мудрости, как почему-то казалось Вячеславу Кузьмичу, это дело не требовало, а цены на книги росли год от года, быстрее даже, чем на золото. Уважая во всем основательность, он приобрел четыре застекленных полированных шкафа, разжился недоступными простому любителю ценниками и горячо взялся за дело. Вскоре новоявленного библиофила знали чуть ли не во всех букинистических магазинах Москвы. Стиль его негоций отличался смелостью и простотой. Короче говоря, Протасов предпочитал брать, что подороже. Ему безумно импонировали толстые дореволюционные тома с золотым обрезом, благородно потертая кожа и узорное тиснение. Хватая все, что попадалось под руку, он обзавелся помпезными собраниями Пушкина, Байрона, Шиллера, торжественно водрузил на полки Элизе Реклю, «Мужчину и женщину», «Всемирную историю», «Живописную Россию». Это было не так уж и глупо, хотя подлинные редкости вроде первых выпусков «Евгения Онегина», конечно же, прошли мимо его совершенно дилетантского ока. Зато он приобрел оба сборника «Стрелец», раскрашенную вручную «Маркизу», скорпионовское издание Сведенборга. Войдя во вкус, Вячеслав Кузьмич вскоре решился расширить ассортимент закупок и стал, невзирая на иностранные названия (языками он не владел), чохом приобретать альбомы по искусству. Это дело понравилось ему даже пуще прежнего. Книги, хоть и стоили соответствующе триста, а то и четыреста рублей, зато выглядели как новенькие. С ними промаха никак не предвиделось. Сверкая глянцем суперов, пахучие и гладкие, словно пачки обандероленных ассигнаций, они ласкали глаз завидным товарным видом.

На этой стадии своего усовершенствования директор гастрономического оазиса даже не подозревал, что существуют издания, стоимость которых превосходит самые смелые устремления. И немудрено. В закупочных ценниках они не упоминались, а на прилавках, если и возникали, то, по-видимому, не чаще чем раз в десять лет. Таким образом, Протасов, хоть и сумел обзавестись в рекордно короткие сроки роскошной, невзирая на некоторую односторонность, библиотекой, но главной проблемы никак не решил. К моменту ареста в его тайниках хранилось еще столько хрустящих вещественных доказательств, что ни на какое снисхождение суда рассчитывать не приходилось. Если, конечно, ОБХСС сумеет их отыскать.

Обыск, вся обстановка ареста произвели на Вячеслава Кузьмича удручающее впечатление. Однако его вера во всемогущество корпорации и личную, чуть ли не от бога данную неуязвимость существенного урона не понесла. «Выручат, не дадут пропасть, не позволят,— вертелось в голове, когда его, словно напоказ, вели под руки к «воронку».— Не мне одному полная катушка грозит, за мной такое потянется!.. Даже подумать страшно. На это никто не пойдет. Значит, все отрицать, ни в чем не признаваться».

С такой примерно психологической установкой он и прибыл в следственную тюрьму. О том, что почти в одно время с ним были арестованы многие из тех, кому адресовались теперь его упования, он, конечно, не знал. Не знал и об обыске, хотя такое не столь уж и трудно было вообразить, у себя на квартире. А он уже шел вовсю, обыск. Вячеслав Кузьмич еще находился в кабинете и руки его еще были свободны, когда белая как полотно жена Мария Васильевна впустила в прихожую людей в форме. Больше того, в тот же заранее назначенный час были обысканы и квартиры обеих приятельниц, «пассий», как именовала их Мария Васильевна.

Арест, даже вполне обоснованный, далеко не самоцель. Особенно в такого рода делах, именуемых почему-то «хозяйственными». Он достигает своей цели лишь при условии, что следствию удается найти изобличающие преступника материалы и не в последнюю очередь вернуть государству украденные ценности.

Одним словом, у следствия были все основания подозревать, что директор гастронома захочет кое-что припрятать у своих «подруг». Тем более, что обе не раз участвовали в разного рода развлекательных мероприятиях и хорошо знали клиентуру Протасова, а может, и работали на систему.

В шкатулке, где Альбина хранила всевозможные браслеты и кольца, была найдена гемма, похожая на солитовскую, подробно описанную в ориентировке. На вопрос следователя, каким путем к ней попала столь необычная вещица, она назвала некоего Алексея, с которым познакомилась в конце лета. Знакомство завязалось на веселой пирушке, которую Протасов устроил по случаю постройки садового домика в товариществе «Столичный композитор». В том, что, по сути, совершенно посторонний человек мог сделать ей такой подарок, сама Альбина не находила ничего странного. Признав не без наигранного смущения, что действительно случайное знакомство очень скоро вылилось в более тесные отношения, она не смогла, а может, и не захотела дать об Алексее более подробные сведения. Поскольку ожидаемого тайника с деньгами не обнаружилось, а других претензий к Альбине у ОБХСС не было, ее оставили в покое.

На другой день гемма вместе с протоколом об изъятии уже лежала у Люсина в сейфе.

— Я пригласил вас для очень серьезного разговора, Альбина Викторовна. Надеюсь, вы не откажетесь нам помочь? — начал Владимир Константинович, исподволь разглядывая сидевшую перед ним женщину. Ее смуглое, тонко очерченное личико олицетворяло полнейшую безмятежность. Лишь бисеринки пота на лбу и чуточку оттененной пушком верхней губе свидетельствовали о некотором напряжении.

— Пожалуйста.— Она поправила затейливую прическу, заставив легонько звякнуть крупные серьги с серебристыми висюльками.

— Вот и превосходно! — приветливо просиял Люсин и энергично потер руки. Он и в самом деле находился в приподнятом настроении. И не только потому, что в деле, которое рисовалось абсолютно безнадежным, неожиданно обозначился перспективный след.— Меня, Альбина Викторовна, интересует все, что связано с этим камешком.—Лучась доброжелательностью, он убрал бумажную салфетку, скрывавшую гемму.— Узнаете, надеюсь?

— Конечно.— Альбина закинула ногу на ногу, всколыхнув облако аромата.— Все, что могла, я уже рассказала товарищам, которые у меня были.

— У нас несколько разные задачи, у товарищей и у меня, так что не сочтите за труд повторить.

— Как вам будет угодно.— Альбина с видом оскорбленной добродетели вскинула голову.— Вас, конечно, интересуют интимные подробности?

— Все без исключения, вплоть до самых мельчайших!

— Не знаю даже с чего начать... Может, уточните?

— Можно и так, если вам больше нравится.— Люсин привстал захлопнуть форточку, откуда била морозная тугая струя.— Начнем с пикничка. Кстати, какого числа это было?

— Двадцать шестого августа. Я этот день очень даже хорошо запомнила.

— Почему, не скажете?

— С самого утра голова разболелась. Я вообще и ехать сперва не хотела, но Протасов уговорил: «Будешь хозяйкой! Единственная леди!» — передразнила Альбина.— Он это умеет! — В ее голосе промелькнуло накипевшее раздражение.— Ну, делать нечего, пришлось собираться. Набили полный багажник: коньяк «Наполеон», ящик чешского пива, шампанское... Любил пыль людям в глаза пустить!

— Эка вы о нем в прошедшем времени.

— А для меня он и есть в прошедшем! — Альбина негодующе повысила голос. Исполненная праведного гнева, она как-то сразу подурнела, ее казавшиеся одухотворенными черты опростились, огрубели.— Да я представить себе не могла, что он ворует у государства!

— В самом деле? — Люсин снисходительно улыбнулся.— А «мерседес» цвета белой ночи, заморские вина, широкие кутежи? Вы полагали, что все это с неба падало?

— Мало ли.— Дрогнув плечиком, она опасливо сбавила тон.— Все же начальник. Может, им положено так...

— Не положено.— Не переставая улыбаться, Люсин медленно покачал головой.— Очень жаль, что вас вовремя не насторожили дорогостоящие подарки, финская сантехника, мебельные гарнитуры.

— Лично я никаких подарков от него не видала! — незамедлительно отреагировала Альбина.— Он все больше пустяками отделывался: ну, там духи на Восьмое марта, цветочки... Что же касается украшений, то я сама себе все покупала. И мебель тоже моя! Вы не думайте, я вполне достаточно получаю. Некоторые клиенты даже очень благодарят за обслуживание. И на зарплату не жалуюсь.

— Конечно, конечно,— не стал спорить Владимир Константинович.— Мы знаем, Альбина Викторовна, что вы женщина самостоятельная. Лично я на ваши драгоценности нисколько не покушаюсь.

— Скажете тоже, драгоценности! Пара колечек — смотреть не на что. Вы, небось, и не видели настоящих-то драгоценностей, которые у людей бывают.

— О, вот тут вы коренным образом заблуждаетесь. Именно мы и знаем настоящий толк в таких делах, уж поверьте на слово... Однако не будем отвлекаться от темы. Итак, утречком двадцать шестого августа вы с Вячеславом Кузьмичом выехали на дачу. На том самом «мерседесе» класса 280 SE, если не ошибаюсь?

— Очень ему надо! Чтобы сидеть и зубами щелкать, когда другие поддают?.. Николай, шофер его, на своей «Волге» заехал.

— У Протасова есть еще и частный шофер? — на всякий случай решил уточнить Люсин.— Очевидно, для подобного рода оказий?

— Я же говорю: вы не видели, как люди живут! Взять хоть Гурама Васильевича с Комсомольского проспекта. Наш Славик ему и в подметки не годится. Он когда дочь замуж выдавал, так целый рейс закупил для гостей. Только свои в самолете были.— При воспоминании о золотых денечках Альбина невольно вздохнула.— Его что, тоже вчера арестовали? — спросила она с тревожным любопытством.

— Вполне может быть.— Люсин незаинтересованно пожал плечами.— Кто еще сел с вами в машину?

— Больше никого не было. Остальные своим ходом прибыли.

— Перечислите, пожалуйста, всех.

— Ну, Зуйков Геннадий Андреевич, который, значит, строил, еще районный архитектор Петров, потом шабашники, конечно, двое их было... И все, и больше, кажется, никого... Ах, нет, еще композитор зашел, Витя Фролов. Он уже с утра был теплый...

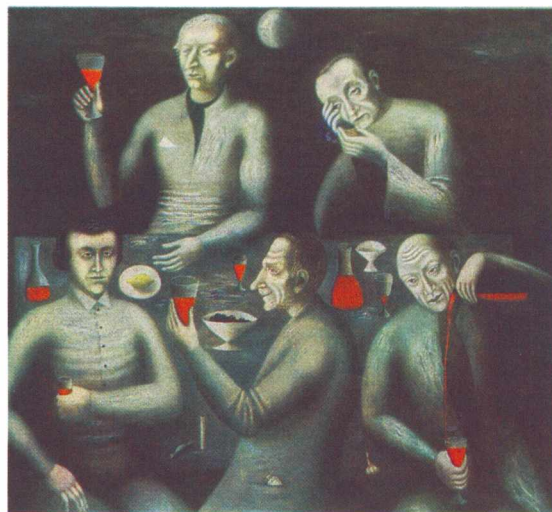
— А этот ваш Алексей?

— Так ему и приезжать не надо было! — Альбина удивленно заморгала жирно подмазанными ресницами.— Он чуть не все лето в доме прожил заместо сторожа.

— И откуда же он такой взялся?

— Мало ли их увивалось, всяких, вокруг Протасова!

Начало на вкл. 2

О. БУЛГАКОВА
ЗАСТОЛЬЕ
ПРИ ЛУНЕ.
1980.

А. СИТНИКОВ.
Род. 1945.
ШОСТАКОВИЧ.
ЗОЛОТОЙ ВЕК.
1985.

го вехой. От нее он растет, постепенно углубляя и осложняя образы своих произведений. Для Булгаковой такой картиной, вероятно, можно назвать «Театр. Актриса Марина Неёлова» (1976). В ней проявились режиссерские способности художницы; изображение соответствует духу театральной жизни. Собственно говоря, Булгакова поставила на полотне такой же спектакль, каким он мог бы выглядеть на театре. На полотне разыграна некая традиционная сцена масок, создающих специфическую сценическую ситуацию. Персонажи этой странной игры вовсе не персонифицированы, исключая героиню спектакля — Марину Неёлову. Они нужны автору для воспроизведения театральной атмосферы. Марина Неёлова — мятущееся создание.

На сцене витает ее, так сказать, «духовный облик» в окружении театральных масок. Булгакова нашла для себя и сценическую площадку, и режиссуру, посредством которой ей удалось выразить «театральный роман» и создать портрет его героини.

Случайное совпадение фамилии с писателем М. А. Булгаковым продолжилось в совпадении поэтики и даже стилистики произведений художницы и писателя. Булгакова любит мир фантасмагорий. Она свободно в нем ориентируется, устанавливает взаимоотношения между персонажами, наделяя их выразительными человеческими характеристиками, расставляет нужные акценты. Вероятно, поэтому художница пристрастна к сюжету, даже к литературному, она строит увлекательную и запутанную фабулу, доступную пониманию только при условии знания литературной основы произведения или биографии персонажа. Такова известная картина «Н. В. Гоголь». Сюжет ее немногословен, но фантастическая ситуация в духе гоголевской «чертовщины» выражена предельно емко.

Символом становится содержание картины в целом, символикой наполняется и предметный мир картины. Словно спеленутый в хитон Гоголь, окруженный угрожающими бесовскими персонажами, заключен в тесную комнатную коробку, где на пустынном деревянном столе не горит, а чадит свеча. Картина наполнена тревогой. Она воплощает судьбу гения, измученного непониманием. Неординарная личность, встречая гибельную враждебность окружения, трагически угасает, подобно тонкой белой свече.

Красочная гамма картины изящна, тонка. Кажется, она передает психологическое состояние сюжетной интриги. Она духовна, чувствительна и экспрессивна. Таково, как правило, живописное своеобразие холстов Булгаковой, такова поэтика ее произведений.

Для творчества Ситникова особенно характерно воплощение отвлечен-

О. БУЛГАКОВА
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.
1979.

ных понятий разума и глупости, добра и зла, любви и ненависти, красоты и безобразия.

Его произведения — это бытие живой материи, воплощенной в образах борьбы и смирения, жестокости и красоты, варварства и бессмертия. «Моими духовными учителями,— говорит сам художник,— были и остаются такие великие мастера, как Рублев, Петров-Водкин, Пикассо и Филонов...»

В силу своей условности картинный мир Ситникова заявляет о себе посредством метафор и уподоблений. Форма его повествования — это притча, в которой происходит как бы материализация духовно-психологических явлений, увиденных автором.

В начале своей творческой деятельности Ситников погрузился в мир покоя, замедленных ритмов и нежных красок. Серия его работ «Красивые девушки», «Музы», «Студентки» знаменует одну ипостась его творчества, где прекрасное существует автономно и независимо: его жизнь не взрывается вторжением посторонних сил. Со второй половины 1970-х годов эта кажущаяся тишина и гармония нарушаются. Словно весь земной мир с его страстями вместился в фантасмагорические композиции художника. Картинное пространство представляет собой поле борьбы злых сил с добрыми. И в этом видится глобальность коллизии, в поле притяжения которой попало все человечество. Некоторые сюжеты кажутся тяжелым сном человечества. Одно из произведений так и называется «Сон» (1978). Художник исходит из пластических характеристик. Цвет картины не натурный, не предметный. Он экспрессивен, драматичен.

Александр Ситников привлекает традиционные притчи, как, например, миф о похищении Европы; создает новые. Например, сюжеты из жизни гениев. Таковы многочисленные варианты портрета Д. Д. Шостаковича. Художник отказывается от точного портретного сходства. Ему важна суть, духовный мир композитора. Тема проводится как бы музыкальной партией. На полотне разыгрывается симфония цвета: напряженного, диссонирующего, сталкивающегося в трудной борьбе, успокоенного и мятежно взрывающегося.

Творчество Ситникова и Булгаковой необычно. Оно выделяется среди живописных величин нашего времени не только оригинальностью, но умением найти глубокий и выразительный о б р а з многомерного «белого света». Пространство картин художников отражает их тревогу, взволнованное отношение к тому, что происходит в этом имре, к угрозе уничтожительных войн, нарушенной экологической среды, к атомному безумию, социальным сотрясением души человека... Все «страсти мира» собрались в картинах Ситникова и Булгаковой. Трагедийные ситуации их произведений звучат как крик в защиту человечности. И тревога художников оправдывает обращение к символам с их вселенским, их всечеловеческим звучанием.

— И в самом деле... Только, сдается, он немножечко из другого текста. Вам не кажется? Мне так определенно нравится этот сторож, направо и налево раздаривающий античные геммы!

— Дорогая, должно быть, вещица! — Альбина не могла отвести взгляда от геммы с ее теплым оранжевым отсветом.— Мне ее вернут, как считаете?.. Когда все закончится?

— Сомневаюсь, Альбина Викторовна.— Люсин устремил на нее долгий, испытующий взгляд.— Судите сами: камешек, которым вас столь щедро одарил, по сути, первый встречный, имеет самое непосредственное отношение к убийству.

— Вы шутите! — Альбина испуганно вскрикнула.

— Ничуть. Такими вещами вообще не шутят. Гемма принадлежала человеку, который был убит и ограблен поблизости от места вашей веселой пирушки. Она была вправлена в браслет, но кто-то — не исключено, что убийца,— счел нужным ее выковырять. Зачем? Надеюсь, у нас будет возможность задать такой вопрос непосредственному виновнику. Пока же я вынужден вновь спросить, Альбина Викторовна: как это очутилось у вас дома? Дело, как вы теперь могли убедиться, исключительно серьезное.

— Вот уж не было печали! — Альбина с неподдельным отчаянием всплеснула руками.— Я-то тут при чем?

— Сочувствую и понимаю, но ничего изменить не могу. Что сделано, то сделано. Ваш Алексей оказал вам очень дурную услугу, он просто-напросто подвел, я бы даже сказал, подставил вас... Будем выходить из положения вместе, Альбина Викторовна, я помогу.— Люсин демонстративно пощелкал по сеточке микрофона.— Итак, попробуем восстановить обстановку, в которой протекало застолье, так сказать, антураж...

Альбина не нуждалась ни в чьей помощи. Все и так стояло перед глазами. Осязаемое, прилипчивое, будоражащее властной памятью запахов и прикосновений.

...Когда стало смеркаться, она зажгла керосиновую лампу — дом еще не успели подключить к линии — и к смолистой свежести сосновых плачущих досок примешался тягучий привкус угара. Все вдруг заторопились и стали прощаться, неохотно отрываясь от струганых лавок и тяжело нависая над разоренным, загаженным окурками столом. Их покачивающиеся тени, изломанные на стыках брусьев, напоминали нечистую силу из мультипликационных фильмов. Вооруженные трезубцами хищные лапы еще тянулись к мокнущим в рассоле кружочкам огурца и опрокидывали последние рюмки в широко разверстые пасти. По крайней мере так ей казалось тогда, уставшей от хлопот и сальных шуток, наломавшейся возле печки-камина, пожиравшей дрова, как солому.

Сначала, предварительно спровадив ублаготворенных шабашников, отбыл строитель, осуществлявший прорабский надзор. Он был единственный, кто крепко стоял на ногах, и у него достало ума прихватить с собой осоловевшего архитектора, задним числом утвердившего отступления от установленных норм и ограничений. Затем, пообещав вернуться к утру, распрощался трезвый, как стеклышко, Николай, которому предстояло доставить до дому композитора Витю. Додекафониста, сохранившего благородную молчаливость даже после обильных возлияний, удалось усадить в машину ценой немалых усилий, вернее, запихнуть, потому что он упорно сопротивлялся, силясь вернуться назад. Альбине даже пришлось дать ему напоследок хорошего тумака. Лишь после этого он удовлетворенно затих, разметавшись на заднем сиденье.

Потом незаметно исчез Алеша, сославшись на какое-то дело в хозблоке, который в ударном порядке переоборудовали под сауну. Альбина накапала хозяину дома лекарства и помогла взобраться по винтовой лестнице на верхний этаж, а после присела у запотевшего окошка, залитого непроглядной вечерней синькой. Погрустив в одиночестве, она с неохотой принялась собирать со стола. А вот что случилось потом, ей никак не удавалось вспомнить. Вернее, не что, а где, ибо она мысленно путалась в расположении дачных комнат. Кажется, это произошло возле лестницы в коридоре, куда она зачем-то заглянула по дороге в кухню. Даже половица не скрипнула, когда Алексей бесшумной тенью вынырнул у нее за спиной, намертво сомкнув свои ручища под самой грудью. Она враз ослабла и покорно дала себя увести. Уж очень боялась наделать лишнего шума. На все, кажется, была готова, чтобы только не разбудить ненароком Вячеслава Кузьмича. А вот в какой момент Алексей вложил ей в кулачок свой камешек и какие глупости при этом нашептывал, она позабыла. Вроде обещал что-то, как бывает спьяну у мужиков, жаловался на то, что должен спешно куда-то уехать, и вообще на всю свою вконец загубленную жизнь. Врал, как ей сперва показалось, потому что грозился вернуться и жениться на ней, если, конечно, она его не забудет. Альбина, понятное дело, обещалась помнить до гробовой доски.

Вот, собственно, и все, что она могла сообщить.

— Если, как вы говорите, Алексей жил в хозблоке почти все лето, исполняя роль сторожа, то шабашники — Зуйков этот, а возможно, и композитор Фролов, могли с ним как-то общаться? Так ведь?

— Почему нет? Свободно могли.

— А уж о Протасове и говорить не приходится! Верно? Уж он-то должен знать всю подноготную этого типчика?

— Так вы спросите у Вячеслава Кузьмича.— Альбина обнажила крупные, идеально прилегающие один к другому зубы и процедила с какой-то мстительной радостью: — Уж это он от вас, надо думать, не утаит.

— Мне тоже почему-то так кажется,— согласился Люсин.

Глава двадцать третья

ВИТОК СПИРАЛИ

Всю первую половину дня Люсин провел, не отрываясь от телефонной трубки. Правое ухо припухло и горело, словно после хорошего удара боксерской перчаткой.

Как это часто случается, выход на финишную прямую оказался сопряженным с неожиданно возникшими препятствиями. Следователь, которому было поручено вести дело Протасова, заупрямился и своего согласия на немедленный допрос не давал.

— Вы, небось, привыкли у себя в розыске к мотоциклетным гонкам,— уколол он, когда разговор достиг критической фазы.— «Пиф-паф» — и привет семье!.. Разве это работа? Нет, к допросу, особенно первому, необходимо подходить с полной ответственностью. Мы его еще и сами не допрашивали, к вашему сведению.

— Это ваша проблема,— вспылил было Люсин, но тут же опомнился и сделал попытку разрядить обстановку.— Мне ведь недолго, каких-нибудь пять минуточек.

— Обычно так говорят, когда лезут без очереди к врачу.— Следователь не упустил возможности съязвить.— Мы не можем ставить под угрозу важнейшую операцию ради чьего-то каприза.

— Каприза? — Люсин едва сдерживался.— Речь идет о розыске человека, подозреваемого в убийстве! Не более и не менее. Или, быть может, я недостаточно ясно выразился?

— Нет, почему же. Я вас понял. Но постарайтесь и вы понять, что не все решается с кондачка. Толку от вашего допроса будет чуть. Уверяю! Протасов сейчас не в том состоянии. Он почти невменяем. Шутка ли — в его-то положении очутиться вдруг в камере! Вы ведь должны знать, как она действует на людей. Пусть немного придет в себя, пообвыкнет, задумается над тем, как жить дальше.

— И все это время неразысканный убийца будет гулять на свободе.— Люсин сознавал, что доводы следователя не лишены резона, и решил поэтому поднажать на эмоции.— Судя по почерку, преступник матерый. Ему отсрочка куда как на руку. Он много чего успеет наработать.

— Вы меня на испуг не берите, товарищ майор. У каждого из нас свои проблемы. Вы ведь и сами так считаете... Вашей ориентировочке мы, как видите, дали зеленую улицу, но больше ничем на данном этапе помочь не сможем. Своих забот полон рот.

— За камешек благодарю от всего сердца.— Люсин попытался переменить тактику.— Без вашей помощи, двух мнений нет, мы бы продолжали топтаться на месте. Но сказавши «А», нужно говорить и «Б». Нам необходимо установить личность убийцы. При этом я вовсе не настаиваю на участии в допросе! — заторопился он, изо всех сил стараясь сохранить дверь открытой.— Допросите сами. Ведь все, в сущности, сводится к одному-единственному вопросу. Неужели мы не сможем договориться по такому пустяку?

— Это не пустяк. У нас есть собственная тактическая схема, когда и о чем спрашивать. И уверяю вас, что заготовленные нами вопросы не менее важны. И тоже не терпят отлагательства. Но ничего не поделаешь: приходится ждать, потому что обстоятельства часто бывают сильнее наших желаний.

— Я на сто процентов уверен, что Протасову незачем выгораживать этого Алексея. Он только рад будет кинуть такую кость.

— Стопроцентной гарантии дать, конечно, не можете, но даже если бы и могли, я на такое не пойду. Выиграть в одном значит проиграть в другом. Закон природы. Не будем мы жертвовать собственными интересами ради дяди. Этот субчик чуть не миллион наворовал. Моя задача — спросить с него все до копеечки, и, уверяю вас, я добьюсь этого, чего бы ни стоило. Мне он все скажет.

— Ну что ж, желаю удачи.— Люсин вздохнул, признавая свое поражение.— И поверьте, что это искренне... Опись имущества не подошлете?

— Зачем вам? — насторожился следователь.

— На всякий случай. Вдруг что-нибудь еще обнаружится, связанное с убийством.

Закончив разговор, Владимир Константинович сразу же перезвонил Кравцову.

— Сами виноваты,— не замедлил попрекнуть полковник, выслушав доклад.— Проморгали вы свой звездный час, Люсин, и пеняйте теперь на себя. Я ведь предупреждал вас: не тяните, давайте скорей результат, пока вами интересуются. Не моя вина, что начальство устало ждать.

— И не моя, Юрий Леонидович,— сухо отметил Люсин.— Делали, что могли.

— Верно. С оперативной стороны к вам нет никаких претензий. Могу лишь вновь поздравить с заслуженным успехом. Но одно другому не мешает. О вас успели забыть. На ваших делах свет клином не сошелся. Есть и поважнее. Каждый день подбрасывает что-нибудь оригинальное. Поэтому на орден можете не рассчитывать.

— Я и не рассчитываю.

— Это я в фигуральном смысле. Я статус наибольшего благоприятствования имею в виду. Слышали такое дипломатическое выражение?

— Имел удовольствие.

— Так вот этого самого статуса, к которому вы успели привыкнуть, я в данной ситуации обещать не могу. Попытайтесь договориться с ОБХСС на своем уровне.

— На моем уровне я благополучно зашел в тупик. Без вашей помощи никак не обойтись, товарищ полковник. Не можем же мы плестись в хвосте у других.— Люсин попытался сыграть на самолюбии.

— Позвоните мне в конце дня,— распорядился Кравцов после долгой и, как почему-то показалось, брюзгливой паузы.

Чтобы малость поостыть, Владимир Константинович зашел в туалет. Освежив лицо, он долго полоскал рот, нагнувшись над раковиной, затем тщательно причесался и включил сушилку. Что там ни говори, но профессиональный опыт помогал не только в борьбе с преступностью. Иногда и у начальства удавалось отыскать безотказную струнку.

Секретарша принесла ксерокопию описи, составленной на сорока восьми листах. Автоматически пропуская строки, перечислявшие мебель, технику и прочее недвижимое имущество, Люсин нацелил внимание на мелочи. И не ошибся. В перечне книг он сразу натолкнулся на травник, изданный в 1609 году в Праге.

Мутная личность Пети Корнилова вновь замаячила в непосредственной связи с убийством. Повидимому, не случайно, потому что он так и ушел от вопроса, в чьи руки попала книга. Во всяком случае, ни имени, ни адреса не назвал, а по данному им нарочито путаному описанию лишь с трудом можно было узнать портрет злополучного директора гастронома. Выходит, темнил тогда: и правды не сказал, и солгать побоялся.

— Корнилов? — Прижав раскаленную трубку плечом, Люсин машинально записал Петину фамилию на страничке перекидного календаря. Она была порядком исчеркана, ибо день получался довольно-таки напряженный.— Мне некогда посылать вам повестку, Корнилов, поэтому вы приезжайте ко мне прямо сейчас. Учтите, что это в ваших же интересах. Пропуск я закажу.

Петя-Кадык не заставил себя долго ждать. Причем на сей раз его приход не сопровождался никакими вызывающими демонстрациями.

— В чем, собственно, дело? — только и спросил он, усаживаясь на кончик стула и с беспокойством озираясь.— Или чего не так?

— Да все у вас не так, как надо.— Люсин не дал ему даже опомниться.— Я ведь предупреждал насчет серьезности вашего положения, но вы не вняли. Теперь придется держать ответ.

— Ничегошеньки не понимаю.—Петя заерзал.— Или опять чего хотите пришить?

— Вы в каких отношениях находились с бывшим директором гастронома Протасовым? — незаинтересованно и как-то устало спросил Люсин. Он и в самом деле порядком вымотался за эти дни.— Я говорю «бывшим», потому что он освобожден от должности и находится в настоящее время в предварительном заключении... Кстати, специально для вашего сведения, у его сожительницы была обнаружена при обыске вещь, принадлежавшая Георгию Мартыновичу Солитову. Теперь сами судите, как обстоят ваши дела.

Окончание следует.

...НА КРУГИ СВОЯ

Начало на стр. 7.

ских законов. Игнорирование или забвение ряда важных положений марксистско-ленинской экономической теории оказывает негативное влияние на практику.

— Извините,— снова заговорила Игнатьева,— такой вопрос. Многие читатели спрашивают: а где гарантия, что на этот раз решения съезда и Пленумов будут выполнены? И вспоминают о хороших, но забытых решениях. И починов хороших, как вы правильно заметили, было немало. А какой результат? Что бы вы могли об этом сказать?

— Есть такая гарантия — демократизация общества! Об этом убедительно сказано на январском Пленуме. В докладе отмечалось, что у нас возникла целая система ослабления экономических инструментов власти, образовался своего рода механизм торможения социально-экономического развития. При этом подчеркивалось: «Корни этого торможения — в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии, в устаревших, а подчас и не отвечающих реальностям политических и теоретических установках, в консервативном механизме управления». Развитие демократии в экономике, политике и в самой партии — верный залог разработки и осуществления радикальной реформы хозяйственного механизма, необходимость и главные принципы которой научно обоснованы в Политическом докладе ЦК на съезде партии.

Основные рычаги демократизации — гласность, критика и самокритика. Критика должна быть целенаправленной и конструктивной. Прислушайтесь к доброму совету: «Мы должны бороться не только **против** чего-нибудь, но также прежде всего **за** что-нибудь!..»

— Спасибо. А теперь хотелось бы услышать ваши пожелания по освещению новых условий хозяйствования, и помогите нам разобраться в терминологии: одних перевели на полный хозрасчет, а других — на самоокупаемость. В чем их различие?

— Некоторые ученые, и прежде всего те, кто принимал участие в разработке и внедрении новых методов, пытаются представить их чуть ли не вершиной экономической мысли социализма. Это, конечно, не так. К реформе, позволяющей сломать механизм торможения и внедрить противозатратную систему хозяйствования, мы лишь подступаем, примеряемся. «Мы только в начале пути... Если кто-то решил, что он уже перестроился,— подчеркивалось на январском Пленуме,— то ему следует напомнить, что мы еще только занялись перестройкой. И самое главное впереди». Это в полной мере относится и к экономике.

А теперь о терминологии. Хозрасчет нельзя измерять и дозировать. Он подобен деньгам: или они есть, или их нет. На сентябрьском (1965 года) Пленуме ЦК КПСС было сказано, что хозрасчет у нас ф о р м а л ь н ы й, и поставлена задача внедрить п о д л и н н ы й. Теперь переходим на п о л н ы й хозрасчет. Таким образом, мы имеем формальный, подлинный и полный хозрасчет, а простого, обычного хозрасчета, соответствующего теории, пока нет. Еще добавлю, что важнейший ленинский принцип хозрасчета — с а м о о к у п а е м о с т ь.

— Извините, пожалуйста, выходит, может произойти усиление диктата вала в новой пятилетке?

— Пока вал является, образно говоря, м е т р о м в экономике, его господство усиливается помимо нашей воли. В прошлой пятилетке объем валового продукта в фактических ценах возрос на тридцать процентов. Соответственно увеличилась товарная и реализованная продукция. Поэтому для прироста одного процента этих показателей надо на тридцать процентов больше «накручивать» объем в рублях. Это, пожалуй, одна из главных причин того, что, несмотря на суровые кары за приписки, они продолжаются в крупных размерах. Коегде сложилась ситуация: приписывать или честно признать н е в о з м о ж н о с т ь ускорения темпов. Для последнего нужно обладать не только мужеством, но и з н а н и е м, чтобы дать научный анализ сложившегося положения и показать пути выхода из застоя. Коренная перестройка в экономике, по моему мнению, должна начинаться с перехода к измерению вклада хозяйственных звеньев в совокупный общественный продукт по чистой и условно-чистой продукции...

— А какая между ними разница?

— Зарплата плюс прибыль образуют чистую продукцию. А если к ней добавить амортизационные отчисления, то получим условно-чистую продукцию. В политэкономии этот показатель называется к о н е ч н ы м о б щ е с т в е н н ы м п р о д у к т о м. Он широко применяется в мировой практике для измерения объема и темпов роста национального продукта.

— В нашей газете подготовлено интервью, в котором заверяется, что зарплата теперь ставится в прямую зависимость от конечных результатов. А вы сказали, что зарплата коллективов предприятий по-прежнему остается в плену у вала и поэтому им невыгодно осваивать и выпускать дешевые новинки. Как это сочетать?

— Тут нет противоречия. «Конечным результатом» для предприятий остался вал, и чем больше его объем, тем выше зарплата. А если коллектив станет выпускать дешевые товары — у него уменьшится вал, а соответственно и зарплата.

Из-за стола встал юноша, развернул гранки и сказал:

— Есть еще и такое утверждение: «О т н ы н е з а р а б о т к и б у д у т н а п р я м у ю с в я з а н ы с к о л и ч е с т в о м и к а ч е с т в о м т р у д а».

— Не могу с этим согласиться. Попросите автора, пусть покажет на конкретных примерах, как трудоемкость, ассортимент и качество фактически выпущенных изделий оказывают влияние на фонд зарплаты. И еще пусть расскажет, как «изменяется» фонд зарплаты, если продукция осела на складе или, наоборот, с ходу распродана.

Суть проблемы тут в следующем. Фактический фонд зарплаты, который определялся раньше путем умножения плановой среднемесячной зарплаты на число занятых рабочих (с учетом выработки по валу от достигнутого уровня), теперь сохранен предприятиям как б а з о в ы й фонд. Он увязан с достигнутым объемом вала. Если последний растет или уменьшается, то соответственно изменяется и фонд зарплаты. И никакой связи с трудоемкостью и качеством выпускаемой продукции нет. В тяжелом положении оказались, как всегда, передовики. Расход зарплаты на одинаковые изделия у них на треть, а порой и в два раза меньше, чем у отстающих. К сожалению, такой «порядок» планирования фонда зарплаты заложен и в проекте Закона о государственном предприятии (объединении). На мой взгляд, авторы новых условий оплаты увлеклись делением фонда зарплаты внутри предприятия и оставили без должного внимания с у т ь проблемы: как определять фонд зарплаты предприятиям с учетом трудоемкости и качества выпускаемой продукции? Как ликвидировать дискриминацию передовиков, которым на одинаковую продукцию устанавливается более низкий норматив фонда зарплаты? Более того, авторы новой системы оплаты не учли и вывод, сделанный в Политическом докладе ЦК КПСС на XXVII съезде партии о том, «чтобы размер фонда заработной платы предприятий был непосредственно увязан с доходами от реализации их продукции».

Все, как говорится, стало на круги своя: вновь целью производства являются не потребительные стоимости, которых ждут покупатели, а злополучный вал, ведь «накручивание» его дает темпы для ускорения и увеличивает фонд зарплаты...

— Вы не оговорились, когда сказали о «научном применении» экономических законов? По учебникам мы знаем: прежде чем использовать законы, их надо познать. Разве может быть не научное применение законов?

— Еще в период г е о ц е н т р и ч е с к о г о представления о мироздании, в основе которого лежал догмат о неподвижности Земли и вращении вокруг нее всех планет, люди остерегались, чтобы с крыши не свалился им на голову какой-нибудь предмет. Но им и в голову не приходило, что они в своей повседневной жизни учитывают закон земного притяжения, так же, как и мольеровский герой не подозревал, что он говорил прозой.

Люди полагали, что смена дня ночью, весны зимой происходит по воле господа бога. Они не знали закона природы о смене времен года и суток, но эмпирически, интуитивно приспосабливались к его действию: днем работали, а ночью отдыхали, весной сеяли, а осенью убирали. После открытия Коперника была создана г е л и о ц е н т р и ч е с к а я система мироздания. Если раньше солнечные затмения воспринимались как начало светопреставления, то теперь мы за десятки лет с точностью до секунд знаем, где и когда они произойдут. Изучение сущности законов природы и н а у ч н о е п р и м е н е н и е их позволили нам преодолеть земное притяжение, выйти в космос и проложить путь к другим планетам. Первая система мироздания была п р е д н а у ч н о й, а вторая стала н а у ч н о й. Аналогичное положение и в экономике. Законы и тут действуют объективно, независимо от того, знаем мы их или нет, применяем или игнорируем. С 50-х годов мы формально их признали. Но, как и раньше, учитываем их эмпирически, интуитивно. Откровенно говоря, действуем по принципу: авось пронесет!

Для учета закона пропорционального развития хозяйства под особым контролем находится около двухсот важнейших видов продукции. За последние полтора десятилетия задания даже по этим изделиям выполнялись на девяносто — восемьдесят, а в отдельные периоды — и на семьдесят процентов. На десятки миллиардов рублей недопоставлялось продукции по договорам. А планы все министерства и республики выполняли и перевыполняли. И это вселяло надежду: авось пронесет. Увы! Такое «применение» объективного закона вносило в народнохозяйственный конвейер элементы анархии. Несбалансированность стала притчей во языцех. Поскольку она идет «сверху», то об этом велено поменьше говорить, и она невидимо, подобно радиации, проникла всюду...

— А разработка научного применения экономических законов — сложное дело?

— Во сто крат проще, чем поиск путей искусственного «накручивания» вала. Да и опыта у нас и в братских социалистических странах для формирования такого механизма накоплено достаточно, но на него пока нет спроса...

— Петр Герасимович! Ряд ученых, наших авторов в откровенной беседе утверждают, что для преодоления трудностей в экономике надо допустить в ограниченных размерах конкуренцию и хотя бы один-два процента безработицы. Как вы относитесь к такой точке зрения?

— Конкуренцию и безработицу, так же как и хозрасчет, нельзя дозировать. Конкуренция и безработица — это категории стихийного развития. Регулятор производства может быть плановым или стихийным. Третьего тут не дано! Планово-стихийный регулятор подобен движению на юго-север!

В нашей практике, увы, игнорируется трудовая теория стоимости Маркса и его совет в этой связи о необходимости различать «валовую» и «чистую» продукцию. В схемах воспроизводства Маркса и Ленина повторный счет прошлого труда исключается из стоимости совокупного общественного продукта, а в нашей практике он включается. Аксиомой, «краеугольным камнем» учения Маркса является вывод о том, что прибавочный продукт создается только живым трудом! Но и этот вывод на практике игнорируется. А как резко и неоднократно классики выступали против уравниловки?! Ленин в полемике с Троцким назвал ее «абсурдом» при социализме. А мы пошли дальше уравниловки: тем, кто плохо использует производственные фонды, оборудование, землю и другие ресурсы, платим за единицу продукции больше, чем передовикам! Другим «абсурдом» Владимир Ильич назвал рост производительности труда без уменьшения стоимости продукта. В нашей практике и этот «абсурд» процветает, так как снижение цен ведет к... падению производительности труда. К этому следует добавить и такую «мелочь», как игнорирование, по существу, экономических законов в хозяйственной практике. Поэтому сторонники конкуренции, безработицы при социализме мне напоминают одного знакомого, который, принимая лекарство от язвы желудка, запивал его спиртным и жаловался на врачей, что плохо его лечат.

Разве в этих условиях можно серьезно говорить об использовании огромных преимуществ социалистической системы хозяйствования? Разве можно делать научные выводы об эффективности социалистических категорий, в значительной мере игнорируя их на практике? Если мы приведем нашу практику в соответствие с марксистско-ленинской экономической теорией, решениями XXVII съезда партии и последних Пленумов ЦК, то превратим нашу хозяйственную систему из преднаучной в научную. И тогда очень скоро авторы внедрения в плановую систему стихийных категорий окажутся со своими идеями в столь же глупом положении, как ныне изобретатели дешевых новинок.

— У меня вопрос несколько личного плана,— поднялась смущенная практикантка.— Я должна написать курсовую работу по политической экономии на тему «Рост производительности труда — важнейший фактор снижения цен». И у меня возникло затруднение. С ростом производительности труда все в порядке. За двадцать лет она повысилась почти в три раза. А вот со снижением цен у меня что-то не получается. Они почему-то не снижаются, а растут. В чем тут дело?

— Производительность труда определяется ныне путем деления объема валовой продукции на количество рабочих. Поэтому снижение цен привело бы к уменьшению объема вала и падению производительности труда, о чем я только что говорил. И наоборот: рост цен содействует повышению производительности труда...

— А в курсовой об этом писать можно?

— Конечно. На примере положений классиков марксизма-ленинизма покажите, что действующий «порядок» определения производительности труда не соответствует экономической теории. При этом можете использовать выступление М. С. Горбачева на собрании актива Ленинградской партийной организации, где он сказал, что надо «считать производительность на основе национального дохода».

ОСКОРБИТЕЛЬНАЯ ПОДДЕЛКА

О фальшивых «записках» Пушкина

В конце прошлого года, когда миллионы людей нашей страны и за рубежом с великой горестью думали о том, что скоро исполняется 150 лет со дня гибели А. С. Пушкина, американское издательство «Mip Company» отправило во все концы мира, а также некоторым библиотекам, архивохранилищам и институтам Советского Союза рекламный листок, озаглавленный «Уникальная литературная находка. А. С. Пушкин. Тайные записки 1836—1837 годов». Далее эта «находка» характеризуется так: «Записки А. С. Пушкина последних месяцев его жизни считались безвозвратно утерянными. Многие пушкиноведы полагали, что эти записки вообще никогда не существовали. Найденные, расшифрованные и тайно вывезенные на Запад из СССР, тайные записки Пушкина издаются впервые».

На днях я получил возможность ознакомиться с этим изданием. И должен прямо сказать, что такой подлейшей и наглейшей фальшивки еще никогда не бывало. А ведь количество подделок, которые были сфабрикованы на протяжении последних ста лет у нас и за рубежом по Пушкину — стихотворцу, прозаику и рисовальщику — так велико, что сообщений о них хватило бы на книгу. Но даже в отдаленной степени еще никогда деяния фальсификаторов не доходили до таких пределов, до сознательного стремления опорочить Пушкина.

Когда я впервые прочел в рекламном листке о содержании книжки «А. С. Пушкин. Тайные записки 1836—1837 годов», я сразу предположил, что это подделка. Тем не менее подумал, что во вступлении, если не будет приведено воспроизведения хотя бы одной страницы рукописи, давшей право на ее публикацию, по крайней мере будет сказано о минимальной авторитетности источника происхождения рукописи. Ведь только тогда можно было бы сказать о степени подлинности «Тайных записок». Но все оказалось значительно проще, когда увидел книжку и прежде всего прочел «Необходимое предисловие», там напечатанное и подписанное неким Михаилом Армалинским. Это был тот самый случай, когда «ларчик просто открывался»: в полной мере стало ясно, что не только «Необходимое предисловие», но и всю книжку от начала и до конца сочинил тот же Армалинский.

Вот вкратце, что он придумал о том, как попала к нему «уникальная литературная находка». Решив уехать в 1976 году из Советского Союза, Армалинский занялся распродажей своей библиотеки. Как раз в то время к нему явился «старый и благообразный человек», назвавшийся Николаем Павловичем, и сказал, что знаком со знакомым Армалинского. Но купил «старый и благообразный человек» всего лишь одну книгу. А узнав, что тот уезжает, попросил взять с собой рукопись, являющуюся расшифровкой написанных по-французски «дневниковых записок конца тридцатых годов прошлого века». Когда Армалинский спросил, чьи это записки, то в ответ было сказано, что пусть это будет для него сюрпризом, если согласится передать их послу (у которого Армалинский должен был получить визу). Далее он бойко повествует о том, что так и поступил; хотя последовал «вялый отказ» посла, тем не менее Армалинский перед уходом поставил сумку с рукописями и записками «на пол рядом с креслом, на котором я сидел». А через год после приезда в Америку он получил ту сумку.

Все это примитивное вранье, все эти бессмысленные небылицы и смог только придумать Армалинский, чтобы приписать Пушкину свое омерзительное, порнографическое сочинение; а так как никакой рукописи перевода «Тайных записок», якобы сделанного мифическим Николаем Павловичем, естественно, у Армалинского не было, он решил, что если кто-либо захочет ее посмотреть, то надо спрятать концы в воду. Это и вынудило Армалинского написать в предисловии: «Я перепечатал их на машинке на случай, если придется записки кому-нибудь показать. Это было весьма предусмотрительно, так как я вскоре уехал в командировку, и рукопись Николая Павловича непонятным образом пропала из моей квартиры. К счастью, моя машинописная копия хранилась отдельно от оригинала, и она осталась лежать на прежнем месте». Ясно, что все это понадобилось Армалинскому, чтобы избавиться от тех, кто захотел бы взглянуть на «рукопись Николая Павловича»!

УНИКАЛЬНАЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ НАХОДКА

А. С. ПУШКИН

Тайные Записки 1836 - 1837 годов.

ISBN 0-916201-02-8; LCCCN 86-90467

Записки А. С. Пушкина последних месяцев его жизни, считались безвозвратно утерянными. Многие пушкиноведы полагали, что эти записки вообще никогда не существовали.

Найденные, расшифрованные и тайно вывезенные на Запад из СССР, <u>Тайные Записки Пушкина издаются впервые!</u>

Записки представляют собой исповедь об отношениях с Наталией и с её сёстрами, о роли, которую играл в них Николай I, о знакомстве с Дантесом и причинах ненависти к нему, об отношении к женщинам и к браку и о многом другом.

В своих записках Пушкин с ошеломляющей откровенностью описывает свою интимную жизнь, которая проливает свет на причины его гибели.

Цена 18 долларов. К сумме чека добавьте 2 долл. на пересылку.

Торговые фирмы при заказе более 30 книг получают скидку 30% и оплачивают заказ вперёд. Книги также могут высылаться наложенным платежом (C.O.D.).

Заказы посылайте по адресу:

MIP Company, P.O.Box 27484, Minneapolis, Minnesota 55427, USA

THE GREAT DISCOVERY
IN 19 CENTURY RUSSIAN LITERATURE

ALEXANDER S. PUSHKIN. SECRET JOURNAL 1836-1837.

(TAYNIYE ZAPISKI)

Повторяю: совершенно очевидно, что подлинный автор «Тайных записок» — сам Армалинский. Охарактеризовать же содержание подделки невозможно, так как все это сплошная патология, к тому же омерзительнейшего свойства. Весь текст «записок», сфабрикованных Армалинским, вызывает одно-единственное чувство — чувство глубочайшего отвращения. В полной мере очевидно, что он тяжело больной человек, сексуальный маньяк, к тому же психически неуравновешенный, беззастенчиво промышляющий порнографией, и придуманную им оголтелую пошлость Армалинский выдает за «тайные записки» Пушкина! Но ведь это беспредельная гнусность, если не оголтелая подлость!

Недавно издательство «Советский писатель» выпустило превосходную книгу Е. Ф. Книпович «Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии». Сообщая об одной из своих бесед с Блоком, когда у них зашел разговор о Пушкине, Евгения Федоровна пишет, что он «начался с очень злых и резких нападок Блока на «крайности» пушкинизма, на — по его определению — беззастенчивое, циничное, пошлое и бессмысленное копание в интимной жизни художника». Александр Александрович явно имел в виду весьма немногих из числа тогдашних пушкинистов, которые подчас развязно писали об этой стороне жизни великого поэта. А как откликнулся бы Блок, если увидел бы нечто подобное «тайным запискам Пушкина»,— убежден, что по меньшей мере влепил бы их гнусному сочинителю увесистую пощечину и потребовал бы суда над ним.

Прочитав в одном из московских журналов начала 1920-х годов злобную рецензию на последний лирический цикл Александра Блока «Седое утро», Мариэтта Шагинян обрушилась на горе-рецензента гневной отповедью, где писала: «Когда сумасшедшие или идиоты заносят руку на общечеловеческую святыню, сердце лишний раз напоминает Вам об ее ценности». По всем данным, Армалинский един не в двух подобного рода «ликах», а в трех. Если он посмел занести грязную руку на общечеловеческую святыню, чье имя — Пушкин, значит, наглый фальсификатор вполне может быть отнесен не только к «ликам» сумасшедших и идиотов, но и к «лику» подонков.

Завершить этот мой отклик на подлость, учиненную Армалинским, хочется парафразом на яростные слова Владимира Маяковского: «Довольно делать под Пушкина, делайте под себя».

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
инициатор издания «Литературное наследство», лауреат Государственной премии СССР

Комментарий эксперта

Действия составителя «Дневников» и тех, кто способствовал ему в публикации и распространении этой фальшивки, по справедливости расценены И. С. Зильберштейном как омерзительная акция, аморальная в своей сущности, которая вызывает возмущение у всех, кому дорога память поэта. Вместе с тем хотелось бы сказать и о том, что, если проанализировать действующее американское уголовное законодательство, составитель фальшивых «Дневников» и его пособники (или, точнее, покровители) заслуживают привлечения к уголовной ответственности, ибо их действия подпадают под признаки целого ряда преступлений, предусмотренных законом.

Законодательство американских штатов, а в каждом из них действуют свои собственные уголовные кодексы и другие важные законы, устанавливает ответственность за диффамацию (клевету), причем за клеветнические измышления, распространяемые в печати (пасквиль), в большинстве штатов предусмотрена не только возможность обращения с иском в суд по гражданским делам, но и уголовная ответственность. Например, в уголовном кодексе штата Калифорния пасквиль определен как «зловредная клевета, выраженная в письменной или печатной форме либо посредством изображений, имеющая целью очернить память умершего (!) или унизить честь и достоинство, либо подорвать репутацию живущего...» (ст. 248). Для того, кто публикует такого рода пасквиль или содействует его публикации, кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до одного года. Любопытно, что, согласно УК штата Калифорния, автор, редактор и владелец издательства, выпустившего книгу, отвечают за публикацию любых содержащихся в ней мест, которые будут расценены как пасквиль (ст. 253). Аналогичные нормы содержатся в уголовных кодексах штата Джорджия (ст. 2804), Миннесота (ст. 765) и других штатов.

Другое основание, позволяющее расценивать действия составителя «Дневников» в качестве преступных,— мошеннический, подложный характер изготовленной им фальшивки. Следует заметить, что в американских условиях оказывается чрезвычайно сложной проблема разграничения мошеннической деятельности, наказуемой по уголовным законам, и обычной «деловой» практики бизнесменов, стремящихся к извлечению прибыли с помощью «законного» введения в заблуждение своих контрагентов. И все же можно с уверенностью сказать, что издание, распространение и продажа книги, содержащей фальшивые «Дневники», подпадают под признаки караемой законом «обманной практики».

Составление и издание «Дневников» можно квалифицировать и как распространение порнографии. Действующая ныне Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими была заключена в Женеве еще в 1923 году. В ней, в частности, содержится призыв ко всем государствам установить уголовную ответственность и вести решительную борьбу с изготовлением и распространением порнографической литературы. Конвенцию ратифицировали 63 государства (в том числе в 1935 году СССР). США же отказались участвовать в ней, как и во многих других международных пактах и соглашениях, направленных на защиту прав человека и борьбу с преступлениями международного характера. В этой стране существуют лишь чисто формальные ограничения для распространения порнографической литературы, кино- и видеопродукции. И все же в уголовном законодательстве многих американских штатов имеются нормы, позволяющие привлечь к ответственности составителя и издателей «Дневников», а также тех, кто торгует этой книжкой оптом или в розницу. Согласно ст. 235.00 УК штата Нью-Йорк, например, публикация признается порнографической, если она «значительно выходит за обычные границы откровенности в описании или изображении». Пожалуй, это вполне можно отнести к содержанию подложных «Дневников».

И, наконец, не могу удержаться еще от одного замечания. В двадцатых годах нашего века в ряде американских штатов были приняты законы о так называемых «сексуальных психопатах», предусматривавшие применение к ним весьма суровых мер, вплоть до кастрации. По формальным соображениям эти меры не могли бы быть применены к человеку, посягнувшему на нашу национальную святыню — память о Пушкине, но, вероятно, некоторые из читателей «Огонька» и пожалеют об этом.

Ф. РЕШЕТНИКОВ,
доктор юридических наук, профессор, специалист по уголовному праву зарубежных государств

Пожалуй, ни один год в Италии не обходится без того, чтобы не разразилось два-три крупных скандала, в которые нередко оказываются замешанными крупные политические деятели, промышленные магнаты, банкиры, сотрудники секретных служб и полиции. Ситуация усугубляется преступлениями мафии, экстремистскими и террористическими вылазками, непрекращающейся борьбой за власть и влияние. В ход пускаются все средства, от обычных интриг и подкупа до политической дискредитации и физического устранения конкурентов. Создаются группы и группировки, ставящие перед собой кратковременные цели, и влиятельные тайные общества, каким, например, была масонская ложа «П-2», намеревавшаяся резко повернуть политическую ось страны вправо.

Когда в начале XVIII века в Англии возникло масонство как религиозно - этическое учение, никто не мог предположить, сколь широкое распространение оно получит впоследствии и каким трансформациям подвергнется. Вскоре масонские ложи стали возникать во Франции, Германии, Испании, России, Дании, Швеции, США и других странах. Основополагающая идея — «объединение людей на началах братства, любви, равенства и взаимопомощи» — очень быстро была забыта, а масонские ложи превратились в кланы, добывавшие привилегии своим членам далеко не безупречными методами. Масоны, которые по начальным предписаниям не должны были быть «ни глупыми атеистами, ни безрелигиозными вольнодумцами», разрешают своим «братьям» исповедовать любую религию.

Давно забыт запрет, не позволяющий масону участвовать в политических движениях. В последние годы масоны приобрели огромное влияние на Западе, прежде всего в США, и стали тайной силой, способной ставить у власти не только министров, но и президентов. Так, когда Белый дом занял президент Картер, в западной печати можно было встретить утверждения, что этот взлет никому доселе неизвестного производителя земляных орехов произошел не без активного вмешательства масонских групп. Понятно, что масоны не очень-то афишируют свои возможности. Они предпочитают действовать из-за кулис. Этот метод используется универсально, независимо от географических координат страны, будь это США или Италия. Заметим еще, что закрытый характер масонских лож очень привлекает к себе специальные службы, которым масонские организации служат великолепным прикрытием. Все это свидетельствует о явной деградации буржуазной законности и права, когда декларации законодательных актов оказываются раздавленными прессом финансовой мощи и политической власти.

О том, как это осуществляется в реальности, и будет рассказано ниже Геннадием Зафесовым, обозревателем отдела международной информации газеты «Правда». В течение многих лет он был собственным корреспондентом на Кубе, в странах Центральной Америки, Италии. Автор многих книг публицистики и очерков: «Латинская Америка: объединение или размежевание?», «Остров зари багряной», «Наши на Кубе», «На окраинах бывших империй», «Пятая граница», «Тень над Апеннинами», «Тайные рычаги власти» и других.

Геннадий ЗАФЕСОВ

КАК УМИРАЮТ БАНКИРЫ

О МАФИИ, МАСОНАХ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ СИНДОНЫ

В деловых кругах банкир Микеле Синдона долгое время считался мелкой сошкой, во всяком случае, никто не говорил о нем как о финансовом гении. Поговаривали, точнее, перешептывались, что он связан с мафией, но на Сицилии, откуда он родом, это никогда не поставят в упрек человеку публично: мафия своих людей в обиду не дает, а в Риме или Милане 60-х годов Синдона считался фигурой слишком незначительной, чтобы вообще обращать на него внимание. В Ватикане, однако, думали по-иному и давненько приглядывались к сицилийскому банкиру. Видимо, там сумели рассмотреть какие-то его специфические, незаметные для обычного глаза достоинства и особенности, и, когда в 1969 году святым отцам понадобилось без особого шума «провернуть» одну операцию по ликвидации недвижимости, Синдону пригласили в Ватикан. Как проходила встреча, наверняка теперь останется тайной, но факт, что Синдона оказал необходимую Ватикану услугу, а главное — заслужил его доверие. Быть может, он сделал решающий в достижении своей цели шаг — ворвался в финансовый мир столицы.

Вскоре звезда Синдоны засияла вовсю. Его приглашают на правительственные приемы, среди его друзей появляются министры и видные деятели политических партий, перед ним открываются двери, о которых еще совсем недавно он не мог мечтать. Словом, начинается феерическая карьера, когда многие, не знавшие еще вчера имени Синдоны, начинают искать его расположения. Он же, прекрасно разбираясь в политическом механизме Италии, не жалеет денег для своих новых друзей из мира политики. Те, в свою очередь, помогают ему делать новые деньги. Это продолжается несколько лет. У Синдоны появляется в Италии свой «Банка привата финансиариа», который, кстати, оказывается в его руках не без помощи Ватикана. Вскоре он открывает в Соединенных Штатах «Фрэнклин нейшнл бэнк». Синдона зарвался, как это нередко случается даже с крупными игроками, и подвела его патологическая жадность.

В сентябре 1974 года «Банка привата» объявляет себя банкротом, а месяцем позже лопается и «Фрэнклин бэнк». Синдона отправляется в бега и обосновывается в Соединенных Штатах. «Банко д'Италия», главное кредитное учреждение на Апеннинах, еще недавно благоволивший к Синдоне из-за его политических связей, и прежде всего с демохристианской партией (ХДП), которую он щедро подкармливал, меняет милость на гнев и начинает скрупулезно разбирать развалины финансового княжества Синдоны. «Банко д'Италия» приходит к выводу о необходимости «принудительной ликвидации», что по итальянским законам применяется в случаях, когда предполагается «недобросовестная деятельность». Назначается и инспектор Джорджо Амброзоли.

Казалось бы, все ясно: банкрот за решеткой, денежки плакали, и остается только решить некоторые технические вопросы. Не тут-то было. Синдона не зря платил деньги политикам и хочет теперь, чтобы они их отработали. Надо сказать, стараются они на совесть и изо всех сил жмут на «Банко д'Италия», чтобы он отменил формулировку о принудительной ликвидации. К чести банка он оказывает упорное сопротивление. Синдона прибегает к шантажу. «Вы что, действительно думаете спокойненько выйти из этого дела?» — спрашивает он в записке управляющего «Банко д'Италия» Гуидо Карли. Пока неясно, это или что-то более грозное заставило престарелого Карли уйти в отставку. Не оставляет Синдона и нового управляющего Паоло Баффи: «Я вас предупредил. Смотрите, чтобы вам не пришлось пожалеть». К шантажу Синдона прибегает и в отношении своих политических покровителей. Он отправляет письмо одному из лидеров ХДП, А. Фанфани, где говорит, что хочет «сделать достоянием общественности то, о чем он пока умалчивал». Речь идет о «каких-то» двух миллиардах лир, которыми Синдона ссужал ХДП. Христианские демократы забеспокоились. А. Фанфани отправляет специального гонца в США, на переговоры к Синдоне. Как проходил обмен «мнениями», неизвестно, так же неизвестным осталось то, что Синдона грозил обнародовать. Синдона шантажировал и своего ближайшего партнера по финансовым аферам банкира Роберто Кальви, который переводит Синдоне 500 тысяч долларов под предлогом продажи его виллы в Орозио. Не все идут на подобные «компромиссы» с Синдоной. Оказывается неподкупным инспектор банка Синдоны в Италии Джорджо Амброзоли. Назначенный на эту должность 29 сентября 1974 года, он скоро докапывается до многих махинаций Синдоны и, что самое главное, документально их доказывает.

Синдона мгновенно понимает, какую опасность представляет для него Амброзоли. Последний также отдает себе отчет в риске, которому себя подвергает, разоблачая манипуляции Синдоны. Амброзоли пишет своей жене: «Без сомнения, я заплачу очень высокую цену за выполнение порученного мне дела. Я знал это еще до того, как согласился на это». Амброзоли удается конфисковать четыре тысячи акций на предъявителя компании «Фаско А. Г.» — финансового фундамента империи Синдоны. Отсюда уже открывается выход на филиалы, подставные компании и другие ответвления — это просто дело техники и добросовестности. Амброзоли не занимать ни того, ни другого. Друзья Синдоны делают все возможное, чтобы убрать Амброзоли с поста инспектора. Им едва это не удается. К лету 1977 года обстановка накаляется настолько, что Амброзоли значительно увеличивает сумму, на которую застрахована его жизнь в пользу жены. Оно и понятно, Синдона и его сообщники от уговоров переходят к прямым угрозам. В судебном деле, например, хранится записка одного из адвокатов Синдоны, напоминающая своей категоричностью военный приказ: «Поставить непреодолимую преграду на пути Амброзоли». Инспектора регулярно ждут телефонные звонки и анонимные письма с угрозами. Работает же он в обстановке, когда каждый его шаг, каждая докладная мгновенно становятся известными Синдоне.

Клан прогоревшего авантюриста окончательно взбеленился, когда Амброзоли собрал необходимые документы, доказывающие злостный характер банкротства и американского «Фрэнклин нэшнл бэнк», которые Амброзоли, отправившись в Нью-Йорк в декабре 1978 года, вручает американской прокуратуре. Вместе с новыми разоблачениями все реальнее вырисовывается для Синдоны

перспектива передачи его в руки итальянского правосудия, чего тот панически боится и, как позже станет ясно, отнюдь не без оснований. Синдона буквально в бешенстве. Достоянием следствия стал его яростный выкрик: «Амброзоли исчезнет без следа!» Нарастает шантаж и от подручных Синдоны. Неизвестный говорит инспектору по телефону: «Я хотел вас спасти, но больше не буду этим заниматься. Вы заслуживаете того, чтобы быть прибитым, как бродячий пес».

Наступает июль 1979 года. В миланском суде идет процесс по делу Синдоны, где важнейшим свидетелем выступает Амброзоли. Три дня он рассказывает судьям о головокружительных аферах Синдоны. На четвертый день намечены последние показания, но судьям уже не суждено услышать голос Амброзоли. Несколько его слов услышит лишь начальник полицейского патруля, прибывшего к дому на улице Мороццо делла Рокка...

Амброзоли подходил к своему дому, надеясь за его стенами хотя бы немного отдохнуть от нервотрепки последних лет и особенно последних дней. Да, ему пришлось туго, но свой долг честного человека он выполнил. Дальше — все в руках правосудия. Его окликнули по имени, он обернулся и увидел троих мужчин. Прежде чем Амброзоли рассмотрел в руках у одного из них револьвер, он понял, что это конец. Четыре выстрела прогремели один за другим. Амброзоли был еще жив, когда через несколько минут появился полицейский патруль. Ему он и успел сказать, что нападавших было трое. «Скорая помощь» уже ничего сделать не смогла. Инспектор Амброзоли скончался по пути в больницу. Так умер честный служащий «Банко д'Италия».

Показания свидетелей его убийства были более чем скудными. Единственное, что поначалу удалось установить достоверно,— убийцы скрылись с места преступления на красном «Фиате-127». Понадобилось два года, чтобы выяснить, что, как говорят юристы, исполнителем убийства был некий Вильям Арико. Идет длительная бюрократическая канитель между итальянскими и американскими властями о выдаче Арико в Италию. Благо он находится за решеткой американской тюрьмы «Метрополитэн корэкшн сенчэр» за другие свои провинности. В феврале 1984 года, ровно за день до того, как суд Бруклина должен был окончательно решить вопрос о передаче Арико итальянским властям, его находят с размозженным черепом. К тому времени суд уже располагает показаниями Арико, что за убийство Амброзоли он получил от Синдоны в два приема 25 и 90 тысяч долларов. Официальная версия гибели Арико, на мой взгляд, не выдерживает серьезной критики. Арико якобы перепилил решетку в камере и пытался на связанных простынях спуститься с девятого этажа, но ... сорвался и разбился. Кстати, внутренняя площадка, где было обнаружено тело Арико, отнюдь не давала возможности выйти беспрепятственно на свободу. Ничего внятного не опубликовала печать и о его сообщнике. Не дали даже его имени. Не был ли он на самом деле не сообщником, а убийцей Арико? Но мы чуточку забежали вперед.

Убийство Амброзоли развязало руки Синдоне. Он решил сделать отчаянную, быть может, самую крупную ставку в своей жизни. 3 августа 1979 года Синдона исчезает из Нью-Йорка. Слово «исчезает» здесь как нельзя более кстати. Предшествуют этому следующие события. За день до этого он обсуждал дела со своей секретаршей Ксенией Ваго и в том числе говорил о важном свидании в отеле «Пьер», где он снимал апартаменты. На деловую встречу Синдона не явился, зато Ксении Ваго утром 3 августа последовал телефонный звонок. Незнакомый мужской голос сказал по-английски: «Синдона — наш пленник. Другие сообщения будете получать по мере надобности». Допрошенная в тот же день агентами ФБР Ксения Ваго смогла лишь добавить, что звонивший по телефону мужчина говорил с явным итальянским акцентом. ФБР допросило еще нескольких человек. Адвокат Гуццип, ведущий дела Синдоны, изрек: «Кто убил Амброзоли, тот похитил и Синдону». Тут явная попытка пустить следствие по ложному направлению. Для большей убедительности Гуццип даже сделал выпад в адрес левых сил Италии. По его словам, Синдона подвергался «травле» в итальянской печати «из-за растущего влияния социалистических и коммунистических групп».

Полной противоположностью прозвучали сведения, полученные от близкого сотрудника Синдоны Даниэля Порко, который показал, что по меньшей мере дважды видел Синдону в кругу людей, тесно связанных с мафией. Особенно интересным было сообщение о празднике в мотеле «Конка д'оро», принадлежащем мафиозо Джозефу Макалузо. Около двухсот гостей тут же организовали импровизированный денежный фонд, который должен был пойти на судебные расходы Синдоны. Пожертвования были довольно крупные. Так и вспоминается сцена из фильма «Крестный отец»: многолюдно, но это свой круг, проникнуть в который постороннему не дадут выставленные снаружи охранники. Внутри же все благопристойно, любимая итальянская еда и музыка, девочки в розовых накрахмаленных платьицах и мальчики в отутюженных брючках с геометрически ровными проборчиками, молодые женщины в открытых платьях и пожилые, все как одна, в глухих черных нарядах, бегающие официанты и вспотевшие музыканты. Только в дальних зашторенных комнатах продолжается «работа» гангстерского синдиката, решаются вопросы, кому жить и кому умереть, кого загубить окончательно, а кому помочь. К Синдоне пока явно благоволят, наверное, не без расчета. Крупнейшая мафиозная «семья» Гамбино хочет получить от банкира деньги, данные ему для финансовых махинаций. Интерес к Синдоне прост и примитивен: чтобы вернуть свои деньги, банкиру нужно помочь. Это обойдется дешевле.

После анонимного звонка и письма в контору Синдоны приходит записка, адресованная его жене и написанная его рукой. Почтовый штемпель: «Бруклин». Она целиком семейного содержания. Любопытно разве лишь то, что в ней Синдона продолжает изображать себя «пленником». Затем в его офис поступают несколько писем в конвертах итальянского производства, но с почтовым штемпелем «Нью-Джерси».

Теперь уже установлено, что более двух недель Синдона в обществе Джо Макалузо и другого крупного мафиозо Энтони Карузо провел на Сицилии. Фальшивыми паспортами их снабдил Джон Гамбино. Судя по всему, поездка Синдоны на Сицилию не была импровизацией, о чем свидетельствует следующий факт. 3 апреля 1979 года, то есть за несколько месяцев до «исчезновения» Синдоны из Нью-Йорка, некий Джозеф Буонамико запрашивает у властей паспорт для поездки за границу. Через пару дней паспорт забрал человек, чей облик не имел ничего общего с тем, кто его запрашивал. Как это случилось и кто были эти люди, не установлено, но абсолютно точно, что паспортом серии «К» № 1415379 на имя Буонамико пользовался во время своего вояжа Синдона, а чтобы более походить на фотографию в паспорте, прибегал к помощи парика и наклеенной бороды.

Судя по всему, в спасении Синдоны была заинтересована не только мафия, но и масоны. На Сицилии его почти постоянно сопровождал масон Джозеф Крими. Он же не раз ездил в Ареццо — в штаб-квартиру масонской ложи «П-2» на встречи с его главой Личо Джелли. Зафиксированы многочисленные звонки Синдоны Джелли. Они вместе интригуют и шантажируют, но успеха не добиваются. По-видимому, одной из причин того, что старания главы масонской ложи «П-2» Личо Джелли не увенчались успехом, было то, что у него самого стала уходить из-под ног почва в связи с тем, что «П-2» начала привлекать более пристальное внимание со стороны итальянских властей. Синдона почувствовал холодность Джелли и затаил ненависть и неугасимое желание отомстить.

Синдоне не остается ничего другого, как вернуться в Нью-Йорк, предварительно дав прострелить себе под наркозом ногу, чтобы придать больше правдоподобие версии похищения. Что было истинной целью поездки Синдоны в Италию, какими комбинациями и разговорами были наполнены эти две недели, надолго, если не навсегда останется секретом. Американский публицист, готовивший к изданию мемуары Синдоны и постоянно с ним общавшийся, в интервью итальянскому еженедельнику «Панорама» процитировал слова, сказанные ему банкиром: «Поездка на Сицилию — это самая большая тайна моей жизни».

Попав за решетку американской тюрьмы, Синдона и не думает отступать. Он так же активен, плетет свои интриги, как всегда, не брезгует шантажом. Цель его на этом этапе, пожалуй, можно определить так: категорическое нежелание предстать перед итальянским судом по обвинению в убийстве Амброзоли. Кодексы всех стран проводят четкую грань между исполнителем преступления и его организатором, справедливо усматривая в последнем бóльшую общественную опасность и, естественно, определяя ему более жесткую меру наказания. Бандит Арико по прозвищу «Биль-истребитель», вроде бы так удачно свалившийся с девятого этажа тюрьмы, не освободил Синдону от обвинения в убийстве Амброзоли.

Не будем останавливаться на бесконечной переписке между итальянским и американским судебными ведомствами. В конечном счете Синдона все-таки предстал перед итальянскими судьями и был 20 марта 1986 года приговорен к пожизненной каторге (в итальянском правосудии не существует смертной казни). Практически же для Синдоны это был смертный приговор. То ли он слишком сильно нажал на педали шантажа, то ли отчаялся, видя, как от него отворачиваются бывшие друзья и покровители, то ли это был приказ мафии, но однажды утром, выпив чашечку кофе в присутствии двух карабинеров, Синдона упал с криком: «Они меня убили!» После двух дней коматозного состояния Синдона скончался. Экспертиза дала безоговорочное заключение: отравление цианистым калием. Однако осталась масса вопросов без ответа. Как попал яд в сверхстрогую тюрьму Вогера? Кто положил яд в кофе? Может быть, это сделал сам Синдона? Тогда кто его к этому вынудил?

БРАТЬЯ-МАСОНЫ

Жизнь не особенно придерживается того или иного театрального жанра. На ее подмостках, удивительно переплетаясь, соседствуют фарс с трагедией и водевиль с мелодрамой. Меньше всего она заботится о какой-либо канве, в рамки которой укладывались бы события. Напротив, они переплетаются с причудливостью, оказывающейся изощренней любого воображения.

Еще когда Синдона был жив и сидел в американской тюрьме, в Италии продолжалось расследование убийства Амброзоли, которое следователи совершенно логично связывали с крахом банка Синдоны и его манипуляциями. Именно в связи с этим в один прекрасный мартовский день 1981 года два миланских следователя Гуидо Виола и Джулиано Туроне получили срочное и секретное предписание. Суть его состояла в том, чтобы произвести обыск на вилле Личо Джелли, расположенной в окрестностях города Ареццо. В Италии широко распространено мнение, что на Джелли «вывел» следствие Синдона, решивший таким образом отомстить и лично ему и ложе «П-2» за то, что они не смогли или не захотели вызволить его из тюрьмы и выпутаться из клубка неприятностей. Без сомнения, те, кто отдал этот приказ, не предвидели тогда всех последствий, к которым он приведет, а результаты оказались поистине ошеломляющими.

На вилле Джелли были обнаружены тридцать записных книжек-досье, титульные страницы которых озаглавлены именами крупных политических деятелей, финансовых тузов, издателей, генералов, судейских чиновников, депутатов и т. п. Словом, следователи нашли бесспорные доказательства существования тайной масонской ложи «Пропаганда-2», или коротко «П-2». Итальянская конституция запрещает создание тайных обществ, но не масонства. В стране существует масонская организация «Великий Восток», объединяющая крупнейшие ложи. Она имеет статус «добровольной частной ассоциации», учредительный акт которой сдан на хранение в гражданский суд. Имена ее руководителей и членов известны, а бюджет организации облагается налогами.

У «П-2» оказалось два лица: одно — такое же, как у прочих масонских лож, и другое — скрытое от общественности. Далее, говоря о «П-2», мы будем иметь в виду именно это второе, тайное лицо, а также цели и задачи, которые преследовала тайная ложа «П-2».

К моменту обыска на вилле ее владелец и глава «П-2» Личо Джелли предпочел скрыться в неизвестном направлении. Собственно, до этого момента его имя не было знакомо широкой итальянской общественности. Малообразованный человек, промышленник средней руки, Джелли с юности отличался симпатиями к фашистам. Во время гражданской войны в Испании он воевал на стороне фалангистов Франко. Во времена марионеточной республики Салó был офицером связи Муссолини с нацистами. Одновременно он был провокатором, и на его совести жизнь не одного участника движения Сопротивления. В неразберихе первых послевоенных лет Джелли умудряется ускользнуть от справедливого возмездия. С началом «холодной войны» он понимает, что его патологический антикоммунизм начинает пользоваться спросом. Впрочем, по Джелли, к коммунизму относится все, что не совпадает с его черносотенной психологией. В качестве конька, который превратится в белого коня Джелли-победителя, он избирает масонство. Он открыто заявляет: «Масонство должно стать влиятельным центром незримой власти, способным объединить людей, решающих судьбы нации». Применительно к Италии, так сказать, тактической целью Джелли ставит «белый переворот», то есть занятие ключевых постов в государстве членами масонской ложи «П-2» с тем, чтобы резко повернуть политическую ось страны вправо. С другой стороны, в одном из циркуляров, разосланных членам ложи, он сетует на «отсутствие инициативы со стороны военных для наведения порядка в стране». Ему уже видится в Италии режим «черных полковников», подобный тому, что существовал в Греции.

Власти отдают приказ об аресте Личо Джелли, но того, как говорится, и след простыл. Имея широкие связи в секретных службах, он своевременно предупрежден. В руках следствия оказались лишь часть архива и список тайной ложи, насчитывающий 962 человека. Следователи явно растерялись. Можно сказать, что они подцепили на крючок слишком крупную рыбу, вытащить которую было им не по силам. Какое там следователи! В растерянности был премьер-министр страны А. Форлани, министры и лидеры политических партий. Назревал невиданный скандал. В записке на имя президента Итальянской Республики следователи Виола и Туроне напишут о результатах обыска, что «найденная документация свидетельствует о существовании тайной ассоциации, опасной для государственных институтов». Когда список масонской ложи «П-2» попадает в руки властей, те, по образному выражению одного из журналистов, «перекидывают его с ладони на ладонь, подобно горячей картофелине». «Остудить» его, однако, не удается, хотя премьер-министр А. Форлани и запирает его в личный сейф на целых два месяца. Но слишком взрывчат материал, обнаруженный на вилле Джелли, и слишком возбуждено общественное мнение, против которого в данном случае бронированные стенки премьерского сейфа оказались недостаточной защитой. Депутаты-коммунисты обратились с запросом: «Будет ли возможным замолчать и этот скандал, где переплетаются интересы мафии, международного авантюризма, контроля над органами печати и подрывная деятельность?»

А. Форлани держал свой сейф за-

крытым, сколько мог, но премьер тоже не всемогущ, он уже не управлял обстоятельствами. Вечером 20 мая 1981 года список ложи «П-2» попадает в редакции газет. Скандал настолько грандиозен, что завершается правительственным кризисом. Христианско-демократическая партия (ХДП) впервые за послевоенные годы утрачивает пост премьер-министра. Потеря чувствительная, особенно, если учесть, что тремя годами раньше ХДП утратила пост президента страны, что было вызвано вынужденной и досрочной отставкой ее представителя Дж. Леоне. Тогда скандал удалось погасить в самом зародыше. На сей раз каждое новое сообщение буквально подливало масло в огонь. Как «огромную политическую язву» охарактеризовала ложу «П-2» газета итальянских коммунистов «Унита». «Еще один отравленный плод нашей политической системы, которая на протяжении слишком многих лет привязана к одной партии — ХДП»,— отмечала римская «Мессаджеро». По мнению газеты, факты, вскрывшиеся в связи с ложей «П-2», напоминают «театр ужасов»: «А впрочем, какой же иной могла бы быть реакция Италии, которая годами подавлена кровавыми вылазками, нераскрытыми преступлениями и заговорами, организаторы которых остаются безнаказанными?» — заключала «Мессаджеро».

Да и как иначе можно было определять сложившуюся ситуацию? Ведь в списках тайной ложи оказалось три министра, 23 депутата, 10 префектов, 10 генералов корпуса карабинеров, 6 адмиралов, 7 генералов финансовой гвардии, около сотни президентов государственных и частных компаний, 47 директоров банков, крупные судейские и прокурорские чиновники. К этому еще нужно добавить четыре издательства, в том числе крупнейший в Италии газетно-издательский трест «Риццоли», 22 газеты, около двух десятков руководителей итальянского радио и телевидения. Члены тайной ложи находились на высочайших постах в самых различных сферах государственно-политической и экономической жизни Италии. Действительно, на случай государственного переворота у авантюриста и проходимца Личо Джелли повсюду были свои люди. Список, насчитывающий 962 фамилии, был отнюдь не полным. По утверждению одного из масонов, Франческо Синискальи, число членов «П-2» составляло 1720 человек. Иными словами, почти половина ложи не попала в поле зрения ни следственных органов, ни общественного мнения.

Бесспорно, что среди масонов можно встретить людей, придерживающихся различных политических ориентаций и философских концепций, но независимо от этого использующих масонство в узко корыстных и карьеристских целях. Конечно, среди «братьев» есть люди, не ставящие себе подобных целей и лишь ищущие защиты и поддержки в условиях жестокости и бесчеловечности капиталистического бытия, но не они определяют лицо масонских лож, а тем более таких, как «П-2». Не случайно Личо Джелли не раз в разговорах упоминал о «сынках» и «пасынках» ложи. Во всяком случае установлено, что в «П-2» некоторые рядовые члены даже не подозревали, какая элита итальянского общества, если можно здесь так выразиться, «делит» с ними честь принадлежать к «П-2». Именно банкиры и генералы, крупные чиновники и промышленники, политические деятели и руководители секретных служб определяли лицо «П-2», делали ее подрывной и опасной организацией для республиканских институтов Италии. При этом, несмотря на свою «высокопоставленность», они зачастую действовали как заурядные уголовники, чья опасность для общества была особенно велика именно в силу их высокого положения и соответствующих возможностей.

СХОЖИЕ СУДЬБЫ

Когда Микеле Синдона оказался за решеткой американской тюрьмы, кто-то должен был занять его место. Общество, где деньги являются идолом и двигателем жизни, а тем более такое ответвление его, как ложа «П-2», не может обойтись без финансовых манипуляций. Обычно они проводятся на самой грани закона, но еще чаще переступают ее. Весь вопрос заключается в том, будет ли это обнаружено и последует ли наказание. Когда деньги служат политике, секретным службам или организации типа «П-2», возможность кары невелика, ведь практически на всех ступенях общественной лестницы есть свои люди. Здесь, пожалуй, можно, заменив лишь одно звено в формуле Маркса, увидеть другую закономерность: деньги — политика — деньги. Иными словами, деньги, вложенные в политику, помогают делать другие, бо́льшие деньги. Конечно, тут трудно говорить о конкретных процентах прибавочной стоимости, но и в этом случае действует непреложный постулат: деньги вкладываются для получения новых должностей, постов, словом, увеличения влияния. Последнее используется для обогащения, захвата под свой контроль новых общественных сфер и в конечном счете для производства новых денег и роста финансового могущества.

Эстафету Синдоны принял другой банкир — Роберто Кальви, глава крупнейшего в Италии частного «Банко Амброзиано». До определенного момента биографии двух банкиров не особенно похожи. Жизнь Кальви выглядит более респектабельной: старательный банковский служащий, упорно карабкающийся по весьма длинной служебной лестнице, для достижения более высоких ступенек начинающий в зрелом возрасте изучать иностранные языки. Но как только их тропки с Синдоной перекрещиваются на пути служения политике, в их мировоззрении и образе действий трудно уже уловить какое-либо отличие. На начальном этапе они действуют тандемом, где роль ведущего принадлежала Синдоне. Заметим, однако, в его тени «ведомый» незаметно выдвигается на одну из ведущих ролей в финансовом мире Италии. И когда Синдона выходит из игры, Кальви оказывается не только достойным дублером. Его амбиции выше, аферы масштабнее, а способы их осуществления изощреннее. Губит же того и другого жадность и неразборчивость в средствах. Вскоре после скандала, разразившегося в связи с обнаружением ложи «П-2», для Кальви, с 1977 года тесно с ней связанного, звучит первый тревожный звонок. 20 мая 1981 года его арестовывают по обвинению в незаконном переводе за границу крупных сумм. Делалось это, как сказал бы небезызвестный Остап Бендер, «просто и убедительно». У Кальви была широкая сеть зарубежных филиалов. Периодически его банк покупал у них какие-нибудь акции, платя за них цену, много превышающую их котировку на бирже. Так долгое время без особых хлопот Кальви из своего «итальянского» кармана перекладывал в свой же «заграничный карман» огромные средства, что категорически не поощряется итальянским законодательством. Конечно, там были не только деньги Кальви, но и многих из тех, кто предпочитал действовать в обход закона. Для чего это делается? Для сокрытия доходов, чтобы избежать уплаты налогов. Для спекулятивных операций и очень часто этот метод используется как ширма для передачи денег политическим деятелям и финансирования политических партий.

Именно связями в мире политики можно объяснить то, что, когда Кальви оказывается за тюремной решеткой, он там не задерживается: ровно через месяц он выходит на свободу и вновь занимает президентское кресло «Банко Амброзиано». Правда, полностью избежать неприятностей не удается. Он приговорен к 4 годам тюремного заключения и штрафу в 16,6 миллиарда лир, но главное — до апелляционного суда он на свободе, а будет ли приведен в исполнение вынесенный приговор — это еще вопрос.

Для людей масштаба Кальви между вынесением приговора и его исполнением длинная дорога, которую медлительная буржуазная Фемида зачастую преодолеть не в силах. Шаги сильно зависят от ритма и интенсивности звона монет, на которые в таких случаях люди типа Кальви не скупятся. Поговаривают, что выход из тюрьмы обошелся Кальви в 3 миллиарда лир. Но что за счеты, когда речь идет о собственной свободе? Возможно, что деньги сами по себе и не открыли бы для Кальви двери на волю, но в сочетании с помощью друзей из политического мира они оказались универсальной отмычкой, способной вскрыть бастионы итальянской юриспруденции.

Еженедельник «Панорама» писал в связи с этим: «Когда судьи стали поднимать крышки над кипящими кастрюлями «Банко Амброзиано», Кальви нашел главных защитников не в коллегии адвокатов. Он получил нечто большее, заключавшееся в комбинации трех тузов, каковыми являлись секретари трех крупнейших партий правящей коалиции: христианско-демократической, социалистической и социал-демократической». Добавим, что у Кальви неплохие связи с Ватиканом, которому он, так же как и его предшественник Синдона, оказывает немалые услуги.

Неприятности продолжали преследовать Роберто Кальви. Освобождение его из тюрьмы и возвращение к рулю «Банко Амброзиано» были лишь последней передышкой. Далее водопад несчастий обрушился на банкира Кальви. Из него он уже не сумел выбраться, хотя и предпринимал лихорадочные попытки. Корабль под названием «Банко Амброзиано» дал столь серьезную течь, что ему было суждено потонуть в пучине краха, а его капитану не осталось ничего другого, как с фальшивым паспортом и наклеенными усами бежать за пределы Италии, пользоваться гостеприимством девиц сомнительной репутации, услугами контрабандистов и уголовников, метаться из страны в страну и наконец найти последнее успокоение в Лондоне, под старым и мрачным мостом с вполне подходящим названием «Черные братья», где 18 июня 1982 года был обнаружен труп Кальви с веревкой на шее.

До сих пор идут споры: было это убийство или самоубийство. Кому-то хочется убедить общественность, что речь идет о банальном самоубийстве разорившегося банкира, хотя многие факты говорят о хорошо спланированном и хладнокровно осуществленном преступлении. Специалисты утверждают, что оранжевая веревка со скользящей петлей была наброшена на шею Кальви сзади и затянута — способ убийства, весьма распространенный в среде итальянской мафии. Тело задушенного Кальви было подвешено за перекладину моста и опущено в воду. В карманах Кальви обнаружено несколько кирпичей общим весом около семи килограммов. С таким грузом Кальви попросту не смог бы добраться до места, где было обнаружено его тело. Не будем далее вдаваться в криминалистические тонкости. Зададимся лишь вопросом: каким мог быть мотив убийства? Здесь мы сразу натыкаемся на прелюбопытнейшие факты.

Деньги убийц не интересовали. Довольно значительная сумма осталась нетронутой в карманах пиджака. Зато исчез черный портфель, с которым Кальви никогда не расставался. Его дочь Анна рассказывает, что отец при посторонних вообще его никогда не раскрывал и в нем не было ничего, кроме бумаг. Особенно отец дорожил двумя весьма толстыми записными книжками. Представление о том, какие секреты там содержались, может дать одна страничка, случайно оброненная возле трупа. Ее порядковый номер 47, а на ней имена и фамилии, начинающиеся с буквы «F», всего шестой буквы латинского алфавита. Сколько же вообще было страниц в этих записных книжках? Остается лишь гадать, но, несомненно, их было очень много. Приведем несколько имен, записанных на найденной страничке: Марио Феррари, друг Кальви и заведующий экономическо-финансовым отделом демохристианской партии; Альберто Феррари, директор «Банко нацьонале дель лаворо», масон из ложи «П-2» (членский билет № 1625); Руджеро Фуораро, директор одной из страховых компаний и масон из «П-2» (билет № 1609) и т. п.

К точно установленным фактам можно добавить и версию, получившую довольно распространенную в итальянской печати известность о том, что Кальви был тесно связан не только с итальянской «П-2», но и с «Великой материнской ложей Англии», активно действующей в лондонском Сити. Есть, правда, документально не доказанные сведения о контактах Кальви с ложей «Блэк фрайарс», чье название, по странной игре случая, совпадает с названием моста, под которым был найден труп Кальви.

Наверное, есть смысл упомянуть и о том, что в середине 1986 года знаменитая сумка Кальви всплыла на свет божий при туманно-таинственных обстоятельствах. Ее предложили приобрести депутату парламента от неофашистской партии Пизану за 50 миллионов лир. По его словам, он отказался, считая это какой-то аферой. Сумка, однако, оказалась у него, и Пизану предложил ее известному итальянскому публицисту Энцо Бьяджи. В один прекрасный вечер вся Италия сидела перед телевизорами, ожидая, что же Бьяджи обнаружит в таинственной сумке. Ожидаемого эффекта не получилось. Интересных бумаг в ней не оказалось. Там нашлись лишь разрозненные ключи неизвестно от каких дверей. Ожидаемых ключей от сейфов «Банка дель Готтардо», принадлежащего когда-то «Банко Амброзиано», а также Союзу швейцарских банков, в сумке не оказалось. Именно в этих сейфах «великий магистр» масонской ложи «П-2» Личо Джелли хранил золото и деньги на общую сумму 70 миллионов долларов. Видимо, здесь целесообразно поставить точку и на приключениях Джелли.

13 сентября 1982 года, около трех часов пополудни в крупнейший банк «Швайцерише банкгезельшафт» вошли два респектабельных гражданина. Подозрение банковского служащего они вызвали тем, что пожелали получить необычно крупную сумму в 180 миллионов лир, заключавшуюся в валюте, золоте и ценных бумагах. Их пригласили подождать в приемной для особо важных клиентов, одновременно связались со швейцарской полицией. После небольшой комедии, разыгранной перед полицейскими, один из них признал: «Да, я Личо Джелли». Джелли оказывается в швейцарской тюрьме Шан-Долон. Его камера напоминает скорее комфортабельно обставленные апартаменты. Еду узнику доставляют из лучших ресторанов, причем он обнаруживает себя утонченным гурманом. Вместо обычных прогулок по тюремному двору Джелли для променажа предоставляется терраса, расположенная на крыше. Ведет себя заключенный безмятежно, ежедневно встречается с женой и дочерью и даже пишет стихи. К его услугам лучшие адвокаты. Джелли ведет себя так, как будто произошло какое-то досадное недоразумение, которое вот-вот разрешится. Тем временем всплывают некоторые факты, которые вряд ли могли бы способствовать ровному состоянию духа Джелли. В частности, выясняется, что у ложи «П-2» был заграничный филиал в Монте-Карло, называвшийся безлико и безобидно «Комитет», в функции которого вхо-

дили далеко не невинные цели. Здесь и крупнейшие биржевые операции на головокружительные суммы, и проект передачи в частные руки тех химических предприятий Италии, где участвует государственный капитал, и все та же идея «белого переворота». Трудно удержаться, чтобы не привести пару цитат из устава «Комитета». «Членами «Комитета» могут быть прежде всего лица, которые еще до вступления в него обладали максимально возможным влиянием в какой-нибудь сфере культурной, экономической или политической жизни... Необходимо завоевывать, осуществлять, удерживать, увеличивать и укреплять власть членов «Комитета». Комментарии тут не требуются, заметим лишь, что для достижения своих задач «Комитет», как и «П-2», прибегает к услугам лиц попросту скандальной биографии.

Например, создавать «Комитет» помогал Стефано Делле Кьяйе, близкий друг Джелли на протяжении десятков лет, такой же фашист по убеждениям, причастный почти ко всем крупным террористическим актам, проведенным чернорубашечниками. Делле Кьяйе, старый член фашистской организации «Национальный авангард», менявшей для конспирации несколько раз свои названия, вместе с известным палачом Лиона эсэсовцем Клаусом Барбье находился в начале 80-х годов в Боливии. Кьяйе имел в Италии ближайших подручных Альфредо Гранити и Пьерлуиджи Пальяи. Делле Кьяйе давно разыскивается итальянской полицией за взрыв, осуществленный в сельскохозяйственном банке Милана, когда погибло 17 человек и десятки получили ранения. Он же помог другому фашисту из «Нового порядка» раздобыть фальшивый паспорт и скрыться из Италии. Таким образом Франко Фреда удалось избежать суда. Таковы «помощники» Джелли, с которыми он собирался сделать «белый переворот».

Впрочем, удивляться не приходится, ведь сам Джелли был и остается фашистом. По-видимому, нельзя считать случайностью, что в ночь побега Джелли из тюрьмы Шан-Долон (эпизод этот достаточно известен по сообщениям прессы.— **Г. З.**) неофашистская организация «Черный порядок» попыталась устроить железнодорожную катастрофу близ города Болоньи. Целью ее было отвлечь внимание общественности от бегства главаря ложи «П-2», совершенного при скандальном попустительстве тюремных властей. Людей типа Джелли и его подручных ничуть не смущает, что за их «комбинации» десятки людей могут расплатиться (и расплачивались!) жизнями. Под Болоньей, к счастью, все обошлось благополучно: поезд, в котором находилось более тысячи пассажиров, чуточку припоздал и поэтому сумел остановиться буквально в нескольких метрах от развороченных взрывом путей. Но ведь был перед этим и взрыв на вокзале в Болонье, когда погибло 85 человек, а более двухсот получили ранения! И до сих пор полностью не выяснены обстоятельства этого зверского преступления.

«Великий магистр» ложи «П-2» до сего дня находится в бегах. Периодически появляются сообщения, что его видели то в одной стране, то в другой. Случается, что он сам звонит из-за границы своим друзьям. Суть разговоров сводится к торговле. Джелли хочет вернуться в Италию, но прежде получить гарантии, что он не будет арестован. Автор не исключает, что такой вариант вполне возможен: ведь у Джелли остались сообщники на самых высоких уровнях, и возможности их чрезвычайно широки. Весь вопрос в том, захотят ли они иметь под боком вышедшего в тираж авантюриста и проходимца, да еще склонного к шантажу. Впрочем, в политической жизни Италии можно было бы найти «компромиссы» и похлестче.

СРЕДИ КНИГ

ПРИЗРАКИ И РЕАЛЬНОСТЬ

В январском номере журнала «Октябрь» мы прочли первую книгу нового романа Александра Чаковского «Нюрнбергские призраки». Это роман политический. Написан он в жанре, которому писатель сохраняет верность вопреки капризам литературной моды.

Ветеран войны, непосредственный участник многих идеологических сражений на послевоенных международных форумах, Александр Чаковский вновь напоминает своим романом: будьте бдительны, не забывайте, какой дорогой ценой дались нам сорок с лишним лет мира, помните о том, какие опасные планы против нас плетут те, кто до сих пор не расстался с мечтой уничтожить Страну Советов.

Перед нами развертывается многоплановое произведение, повествующее о том, как сразу же после войны, в пресловутый «нулевой год Германии» — так окрестили на Западе первый послевоенный год сокрушенного гитлеровского рейха,— начали приходить в себя недобитые фашисты, мечтавшие (уже тогда) о реванше. О том, как их тут же начали брать под свою опеку американские спецслужбы, не брезговавшие установлением прямых контактов с палачами гестапо, которых они хотели использовать.

Гораздо больший интерес за океаном вызывали тогда те деятели гитлеровского режима, которые не были на виду и которых можно было бы приручить и использовать в интересах Америки. К числу таких деятелей и принадлежит главный герой романа «Нюрнбергские призраки» уцелевший гестаповец генерал Адальберт Хессенштайн.

Тайные покровители этого палача разыскивают его в руинах Берлина, снабжают его фальшивыми документами, помогают добраться до Нюрнберга и там начинают его политическую дрессировку.

Ему предлагают вместе с другими, такими же, как и он, отправиться подальше от Германии, куда-нибудь в Латинскую Америку. А до этого он должен отдать своим покровителям списки агентуры гестапо, которая может быть использована для борьбы с большевиками, и коды вкладов рейха в швейцарские банки.

Все это было сорок лет тому назад. История за эти годы сложилась совсем не так, как ее представлял себе Хессенштайн, да и не так, как ее мыслили те, кто использовал недобитых гитлеровцев в своих интересах. Теперь и хессенштайны превратились в призраков,— они состарились и одряхлели, так и не дождавшись своего часа. Но стратегия наших противников, которую излагал, приручая Хессенштайна, представитель американской разведки Арчибальд Гамильтон, остается неизменной: ее главная цель — «борьба с большевизмом», «борьба с коммунизмом — внутри Германии и вне ее».

Поэтому такое значение сейчас имеет новый политический роман А. Чаковского. Роман-напоминание. Роман-предупреждение. Роман — призыв к бдительности.

Юрий ЖУКОВ,
Герой Социалистического Труда

ЗВУЧИТ АКТУАЛЬНО

Фигура Талейрана, знаменитого политического оборотня, дипломата Наполеона и агента Александра I, давно привлекает внимание историков и писателей. Достаточно вспомнить произведения Оноре де Бальзака, Стефана Цвейга и Лиона Фейхтвангера или биографию Талейрана академика Е. В. Тарле. Сравнительно недавно во Франции вышли два объемистых тома о нем, написанных бывшим министром внутренних дел в правительстве В. Жискар д'Эстена Мишелем Понятовским, дальним родственником Талейрана.

Ученых и писателей привлекал прежде всего секрет политического и физического долголетия Талейрана — он намного пережил не только своих соратников по Великой французской революции (большинство из них сложили головы на гильотине совсем молодыми), но и по эпохе Наполеона и умер 84-летним старцем почти в середине XIX века.

Ю. В. Борисов, доктор исторических наук, профессор, дипломат, в своей насыщенной многими новыми фактами биографии Талейрана дает на это свой ответ. Типичный представитель нового буржуазного общества, вышедшего из недр буржуазной революции, Талейран был политическим хамелеоном, но вовсе не одиночкой. Таких оказалось сотни, если не тысячи (вспомним хотя бы бывшего левого якобинца Жозефа Фуше, ставшего затем министром полиции Наполеона),— тех, кто променял сначала красный фригийский колпак революционеров-санкюлотов на желтых пчел и графские титулы Наполеона, а затем, предав и его,— на белые лилии и денежные подачки реставрированных Бурбонов. Но Талейран, как справедливо отмечает автор, был первым и самым талантливым из всего этого сонма политических эквилибристов, поднятых из небытия могучей революционной волной: он всегда умел вовремя подладиться к очередному режиму и, главное, вовремя сойти по трапу, а не прыгать через борт, ломая шею, когда этот режим давал течь.

Ю. В. Борисов вносит новые существенные штрихи в хрестоматийный образ Талейрана. Он, например, не только брал колоссальные взятки, но, когда пахло жареным, немедленно отдавал их в казну (например, полмиллиона из взяток с германских князей в 1806 г.). Будучи накануне революции епископом, он в октябре 1789 г. выступил за отторжение церковного имущества в пользу нации. Не веря ни в добро, ни в справедливость, Талейран становится одним из авторов катехизиса всех будущих буржуазных либералов мира — Декларации прав человека и гражданина. Да что там Декларация — именно Талейрану нынешняя Французская Республика обязана учреждением самого крупного национального праздника — 14 июля — Дня взятия Бастилии: он внес это предложение с трибуны Учредительного собрания в июне 1790 г., хотя об этом сегодня стыдливо умалчивают все школьные учебники Франции.

И тот же Талейран одновременно вступил в тайную переписку с королем Людовиком XVI против революции (от неминуемой казни его спасло поспешное бегство сначала в Англию, затем в США), вел опасную интригу против всесильного Поля Барраса — это он сделал Талейрана в 1797 г. министром иностранных дел Директории — в пользу еще мало кому известного за границей генерала Бонапарта, которого он затем также предал, предварительно толкнув в авантюрные походы сначала на Испанию в 1808 г., а затем на Россию в 1812 г.

Самым парадоксальным было то, что все без исключения хозяева Талейрана хорошо знали, что он постоянно ведет двойную и даже тройную игру. И тем не менее он почти никогда не впадал в немилость. Почему? Ю. В. Борисов, сближая портреты Фуше и Талейрана, пишет, что оба они слишком много знали (среди агентов Фуше числилась даже первая жена Наполеона — Жозефина), чтобы так запросто отдать свои головы палачу,— у обоих за границей были припрятаны компрометирующие Наполеона документы.

Ну, хорошо, скажет иной равнодушный к истории читатель, а какое все это имеет отношение к сегодняшнему дню? Что, сегодня на Западе еще сохранились в дипломатии талейраны? Да, отвечает автор, сохранились. «Разве стали иными — по сравнению с теми далекими от нас временами Барраса, Талейрана и Бонапарта — современные буржуазные государственные и общественные деятели?.. Они научились ловко и беззастенчиво пользоваться лозунгами демократии и защиты прав человека, мира и гуманности. Но основные классовые задачи служения эксплуататорскому строю и его владыкам остались теми же». И в этом научная и политическая актуальность книги профессора Ю. В. Борисова, немалый (100 тысяч) тираж которой мгновенно исчез с прилавков магазинов.

В. Г. СИРОТКИН,
доктор исторических наук, профессор

Ю. В. Борисов. Шарль-Морис Талейран. М., «Международные отношения», 1986. 320 с.

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

«ПЛЮС 13»

«Старшие часто укоряют молодых тем, что они сами были лучше. Эти упреки так надоели нашей молодежи, что она снисходительно слушает нас, не слыша, кивает головой в знак согласия, не соглашаясь. Вернее даже другое: вечные понукания и нравоучения оставляют ее равнодушной. Жуткое слово «предки» стало обиходным. Поделим вину за это на равные части. Вспомним, что, когда нам все казалось «само собой разумеющимся», ближе был пример тех, кого с громадным уважением называют идеалистами нового мира. В пору нашей ранней юности им было только по сорок, пятьдесят лет. И уже на нашей памяти многие из них тяжелой ценой заплатили за свои идеальные представления о жизни. Исключая из понимания современных процессов эту пору нашей истории, замалчивая ее перед молодежью, мы занимаемся самообольщением...»

О непростых проблемах наших дней, стоящих перед молодежью, и не только перед ней, рассказывает статья известного советского публициста Алексея Аджубея «Плюс 13», которая будет опубликована в одном из ближайших номеров.

ВПЕРВЫЕ ПУБЛИКУЕТСЯ: «АФРИКАНСКИЙ ДНЕВНИК» Николая ГУМИЛЕВА

Дневник, который вел известный русский поэт Н. С. Гумилев во время своей третьей экспедиции в Абиссинию в 1913 году по заданию Академии наук, считался утерянным. Недавно газета «Московские новости», заинтересовавшаяся судьбой дневника, даже высказала предположение одного из своих читателей, что следы документа следует искать в Эфиопии, где помнят и чтут Н. Гумилева.

Однако нам удалось выяснить, что «Африканский дневник» Гумилева хранился вначале у его матери в усадьбе Слепнево, а затем в Кишиневе у Ореста Николаевича Высотского, сына поэта.

Несколько дней назад по просьбе редакции О. Н. Высотский приехал в «Огонек», сообщив, что он и его брат, Л. Н. Гумилев, решили передать право публикации «Африканского дневника» их отца нашему журналу. Рукопись, доставленная в редакцию, представляет собой 28 страниц ученической тетради, исписанной очень мелким почерком.

В «Огоньке» № 14 и 15 будет опубликован «Африканский дневник» Н. С. Гумилева и документальные фотографии.

«ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА»

«— Она мертва, сержант, не сомневайтесь,— взволнованно сказал молодой полицейский в неглаженых брюках.— Я это увидел сразу же, как только вошел.

Кравиц не ответил...

...Когда Кравиц снял с тела покрывало, Нортон вскрикнул и опустился на колени. Коснулся лица женщины и онемел от холода ее кожи, от реальности смерти. Он стоял подле нее на коленях, бледный, со слезами на глазах, и что-то шептал, возможно, ее имя».

«Любовница президента» — остросюжетный роман современного американского писателя Патрика Андерсона, который вы скоро сможете прочесть на страницах нашего журнала. Прикасаясь к острейшим проблемам времени, хорошо зная «правила игры» (автор работал в Белом доме при президентах Д. Кеннеди и Л. Джонсоне), Андерсон вникает в сущность многих закономерностей происходящего в Вашингтоне. Не случайно роман стал одним из самых читаемых политических детективов и получил высокую оценку в прессе разных стран.

Читайте начало романа в № 14.

СОВРЕМЕНЕН ЛИ «СОВРЕМЕННИК»?

Властитель дум, театр смелых, неравнодушных сподвижников, выразитель мироощущения поколения и времени радостных надежд — таким утвердился в нашем сознании легендарный «Современник».

В чем же противоречие между легендой и действительностью!

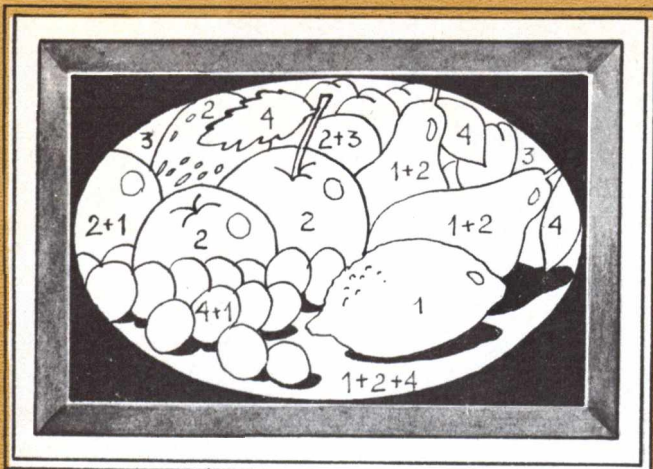
Об этом в следующем номере ведут разговор наш корреспондент Мария Дементьева и народный артист РСФСР Валентин Гафт.

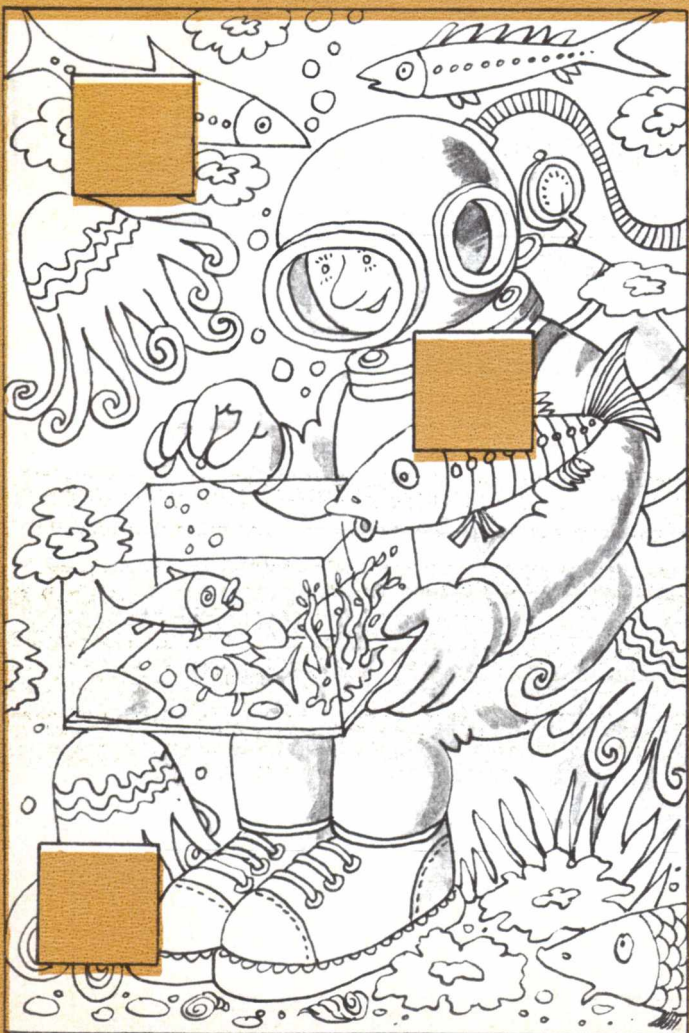
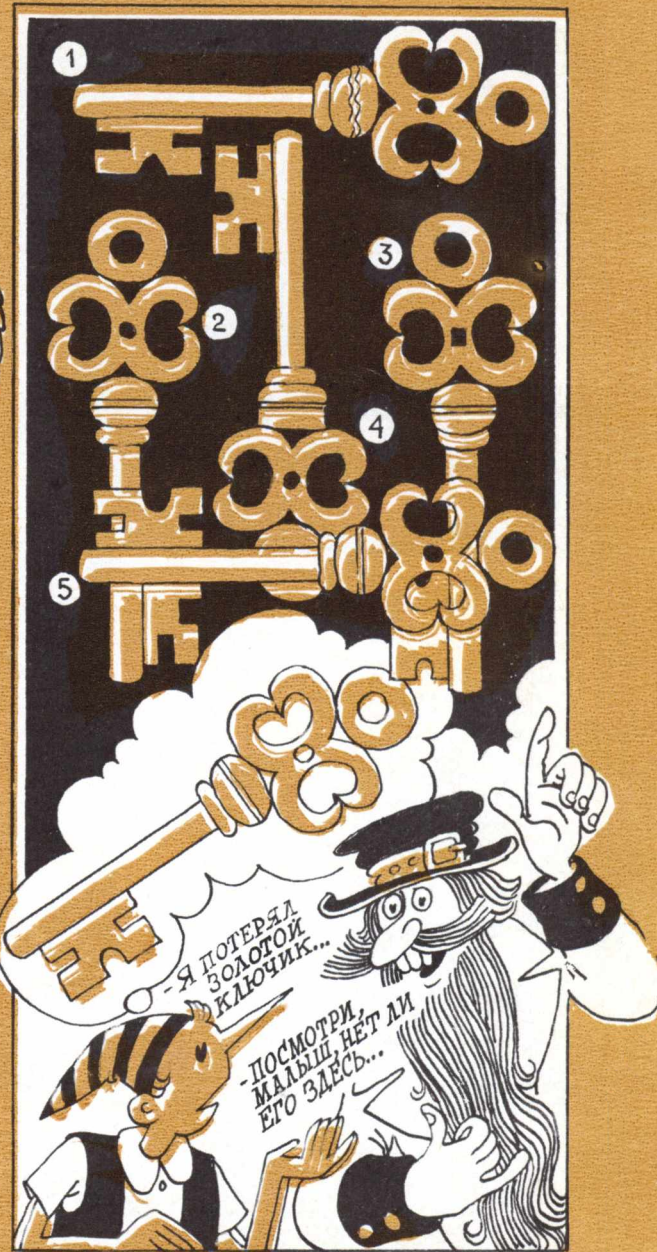
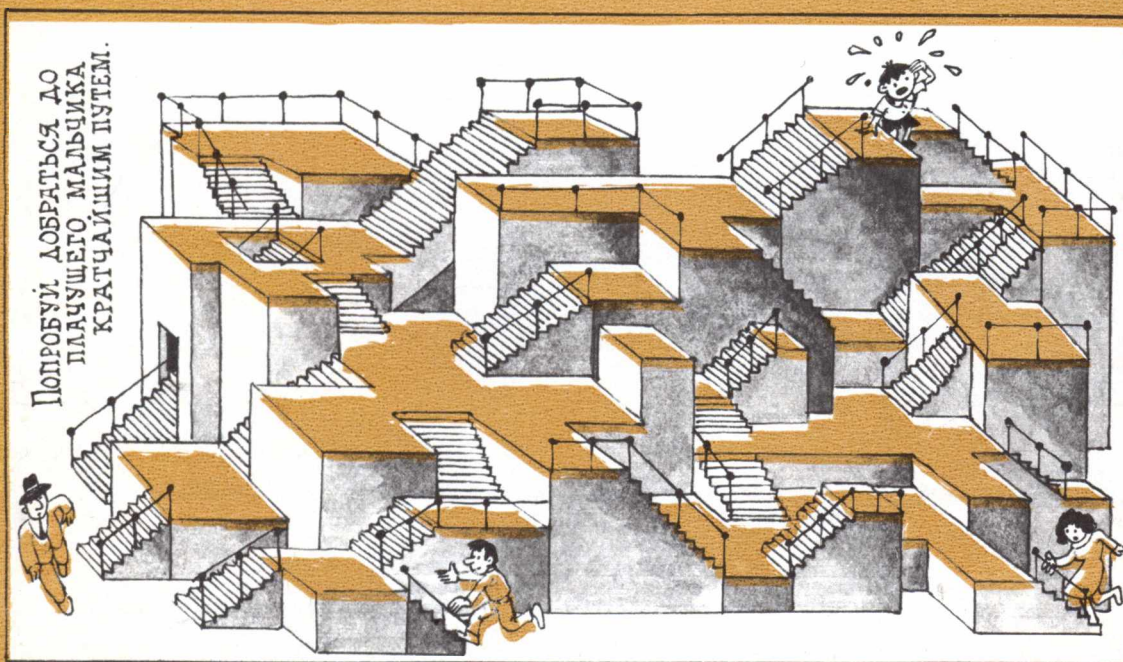
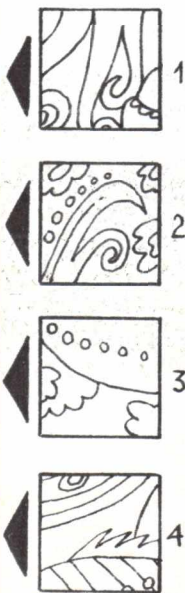
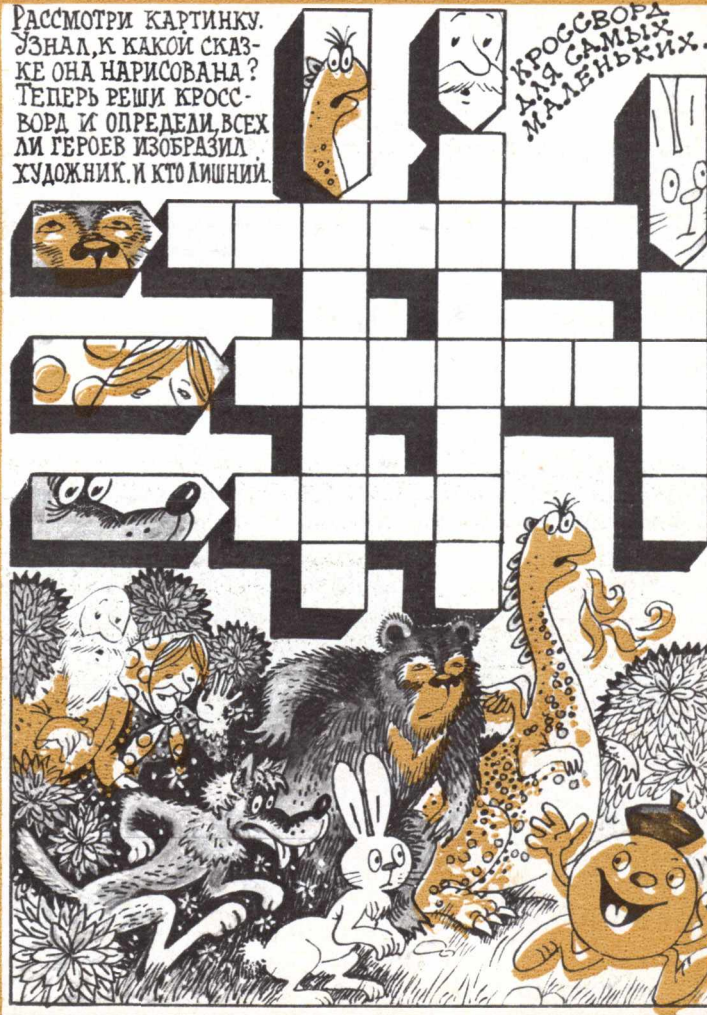
По горизонтали: 7. Советская футбольная команда. 8. Советский военачальник, маршал артиллерии. 9. Забойная машина для проходки скважин. 10. Актер и режиссер, народный артист СССР. 12. Стихотворение В. В. Маяковского. 13. Река на острове Калимантан в Индонезии. 16. Популярная греческая певица. 18. Город-герой. 19. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 20. Лососевая рыба. 21. Вид графики. 23. Отрезок, соединяющий точку окружности с ее центром. 25. Месяц календарного года. 27. Журнал, издававшийся в первые годы Советской власти под редакцией А. В. Луначарского. 29. Партизан, руководитель диверсионной группы в Одессе, Герой Советского Союза. 30. Законченная часть пьесы. 31. Конструктор в области космонавтики, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 32. Минерал.

По вертикали: 1. Опера Д. Россини. 2. Архитектурный комплекс, воздвигнутый в честь павших героев. 3. Краткий призыв. 4. Серия советских космических кораблей. 5. Южное вьющееся ягодное растение. 6. Областной центр в РСФСР. 11. Метод изучения затрат времени на определенную производственную операцию. 14. Специалист в сельском хозяйстве. 15. Картина А. А. Пластова. 16. Декоративное южное растение семейства чайных. 17. Героиня поэмы А. С. Пушкина. 21. Композитор, автор песни «Бухенвальдский набат». 22. Советский украинский писатель. 24. Авиаконструктор, академик, лауреат Ленинской премии. 26. Химический элемент, металл. 27. Приток Оки. 28. Повесть Б. Л. Горбатова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 11

По горизонтали: 4. Бородин. 5. Шуруп. 6. Ершов. 8. Пустельга. 12. Нихром. 13. Квилу. 15. Ошанин. 16. Нестеров. 17. Народная. 19. Кошкин. 21. Ремек. 22. Муфлон. 24. Циферблат. 27. Аягуз. 28. Брамс. 29. Скандий.

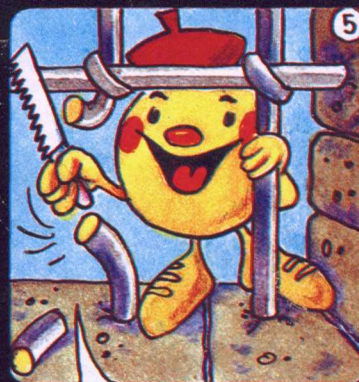
По вертикали: 1. Корпус. 2. «Большевик». 3. «Шинель». 5. Шабер. 7. Вобла. 8. Померанец. 9. Апохромат. 10. Пименов. 11. Филатов. 13. Кивер. 14. «Узник». 18. Смородина. 20. Колба. 23. Фаянс. 25. Физика. 26. Лобзик.

Цифрами обозначены цвета фруктов и ягод. Раскрась натюрморт, как задумал художник.

Художник, изобразив клоуна с часами, допустил три явные неточности. Какие?

— А я на другую страницу... Там про меня мультик показывают...

Придумал и нарисовал Валентин РОЗАНЦЕВ.

По мотивам старых сказок

Новые приключения Колобка

Все вы, наверное, помните, как у падишаха выросли ослиные уши и длинный нос. А всё почему? Обидел маленького Мука, отобрал у него волшебную палочку и туфли-скороходы. Падишах готов был отдать что угодно, лишь бы вернуть себе прежний облик. И вот...

На том и порешили. Падишах остался с носом. Мук получил свои туфли и волшебную палочку. А Колобок отправился в новые старые сказки...

ОГОНЁК

Цена номера 40 коп.

ISSN 0131—0097 Индекс 70663